

Королева Ласкового Романа

БАРБАРА
КАРТЛЕНД

МИЛАЯ
ЧАРОВНИЦА

ЦЕНТРОАРТРО

Барбара Картленд
Милая чаровница
[Милая колдунья]

Сканирование и вычитка –Sheloya
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156649

Милая колдунья: Авангард; Москва; 1994
Оригинал: BarbaraCartland, "Sweet Enchantress"

Перевод:
М. Морозова

Аннотация

Совершенно неожиданно Зарии Мансфорд достается огромное наследство. Свалившееся на нее богатство даже пугает ее – большие деньги, два особняка и яхта «Чаровница». За несколько часов жизнь провинциалки полностью меняется. Зарии предлагают стать секретарем богатого археолога Корни Вердона, который зафрахтовал эту яхту. Перед отплытием к ней в гостиницу является странный незнакомец и умоляет взять его в плавание под видом жениха...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	34
Глава 3	61
Глава 4	84
Глава 5	109
Глава 6	135
Глава 7	157
Глава 8	182
Глава 9	208
Глава 10	232
Глава 11	257
Глава 12	272

Барбара Картленд

Милая чаровница

Глава 1

«Ну и дурнушка!»

Младший компаньон фирмы «Патерсон, Делхауз и Патерсон» считал себя знатоком по части женщин. Девушка, что сидела напротив него в кожаном кресле, резко отличалась от других клиентов, которых он обычно принимал в своем уютном кабинете.

– Я выехала сразу, как только получила ваше письмо... и вложенный в него билет, – произнесла она низким мелодичным голосом, на секунду поколебавшись в конце фразы.

– Мои компаньоны сочли необходимым послать вам билет. – Мистер Алан Патерсон смущенно кашлянул. – Мы предположили, что после смерти вашего отца вы оказались в... затруднительном финансовом положении.

Сидевшая по другую сторону стола девушка улыбнулась. Эта улыбка была мимолетной, но она сразу же преобразила ее лицо.

– Спасибо вам за заботу.

– А теперь к делу, – сказал мистер Патерсон, открывая объемистую папку, которую предусмотрительно пригото-

ла для него милovidная секретарша.

«Откуда она вытащила это старье? – подумал он про себя, все еще поглощенный зрелищем своей клиентки в уродливом, плохо сшитом, вытершемся на локтях костюме из твида и в джемпере из некрашенной шерсти, который подчеркивал мертвенную бледность ее лица. – Такое впечатление, что она сейчас упадет в обморок. Похоже, она была серьезно больна».

Он отметил про себя обтянутые кожей выступающие скулы, резкую линию подбородка, запавшие глаза с темными кругами за стеклами очков в металлической оправе.

По взмаху ее ресниц он понял, что слишком уж откровенно уставился на нее, и снова смущенно кашлянул.

– Я подумал, не устали ли вы с дороги, – поспешно проговорил он. – Удалось ли вам позавтракать в поезде?

По внезапному блеску ее глаз он вдруг понял, почему ее лицо хотя и отталкивало его, но казалось ему смутно знакомым. Перед его глазами снова встали те жалкие существа, которые встречали союзную армию у ворот контрационных лагерей. Только кожа и кости, он до сих пор помнил их хриплые возгласы, чувствовал запах гниющей, умирающей плоти.

Голод!

– Вам удалось позавтракать? – резко спросил он, взволнованный таким невероятным предположением.

Девушка напротив отрицательно мотнула головой.

– Нет... я... у меня... не было денег.

Мистер Патерсон решительно нажал на кнопку звонка. В дверях возникла его секретарша.

– Немедленно пошлите за бутербродами, – приказал он. – С курицей, с ветчиной – все, что у них там найдется, – и кофе, побольше кофе.

Секретарша изумленно подняла брови. Мистер Патерсон обычно очень следил за фигурой. Потом она взглянула на сидевшую напротив девушку и, казалось, поняла все.

– Будет сделано, сэр, – сказала она и повернулась, взмахнув черной юбкой.

– И побыстрее!

Резким хлопком двери секретарша лучше любых слов дала понять мистеру Патерсону, что она думает о его командном тоне, годившемся разве для службы в армии.

Тем не менее кофе и бутерброды были доставлены из кафе напротив в удивительно короткий срок, словно она тоже поняла чрезвычайность ситуации.

– А! Вот и кофе! – воскликнул мистер Патерсон преувеличенно благодарным тоном. – Поставьте все перед мисс Мансфорд. Ей необходимо подкрепиться. Вижу, вы принесли две чашки. Прекрасно! Я тоже не откажусь от кофе.

Секретарша вышла. Зария Мансфорд с минуту смотрела на поднос, как бы не зная, что делать со сверкающим металлическим кофейником.

– Вы будете черный или с молоком? – наконец спросила она.

– Черный, пожалуйста.

Она налила ему кофе и передала через стол. Когда он отказался от бутербродов, ее рука с очень тонкими пальцами, с проступавшими сквозь белизну кожи венами потянулась к блюду.

«Старый черт должен был оставить ей хоть немного», – подумал про себя мистер Патерсон и спросил вслух:

– Кажется, ваш отец скончался три месяца назад. Мы не были удостоены чести вести дела по его имению.

– Да! Этим занималась одна фирма в Инвернесе, – ответила Зария Мансфорд. – «Маккензи и Маклеод».

– Кажется, я о них слышал, – сказал мистер Патерсон. – Ваш отец оставил дом за вами?

– Да, – ответила она. – Но, должно быть, мне не удастся его продать. Он расположен вдалеке от шоссе, до него можно добраться только по частной дороге через луга. До почты и телефона не меньше пяти миль.

– Понятно.

– Да и не только в этом дело, – продолжала Зария Мансфорд, поглощая пищу с намеренной неторопливостью. Казалось, она усилием воли сдерживает желание жадно наброситься на еду. – Отец оставил множество рукописей. В завещании он просил меня закончить их. Надеюсь, после их завершения я смогу найти издателя.

«А тем временем вам не на что жить», – подумал мистер Патерсон.

– Ну, сейчас все несколько изменилось, – произнес он вслух. – Конечно, вам решать, будете ли вы продолжать работу вашего отца. Но теперь вам нет необходимости слишком утруждать себя. У вашей тетушки было два дома. Вы об этом знаете? Одна вилла на юге Франции и другая в Калифорнии. Вторая, как мне кажется, представляет собой значительную ценность.

Зария Мансфорд на секунду перестала жевать и пристально посмотрела на него.

– Мне трудно поверить, что все это правда! – воскликнула она. – Я прочитала ваше письмо и подумала, что, наверное, произошла какая-то путаница. Конечно, я помню тетю Маргарет, но прошло уже восемь лет с нашей последней встречи. В то время мне было одиннадцать лет и мы с отцом проезжали через Париж по пути в Африку. Мы зашли к ней в отель, потому что она очень хотела увидеть меня. Но в тот раз они с моим отцом страшно поссорились. Отец схватил меня за руку и в ярости бросился вон из номера. После этого случая он ни разу не встречался с сестрой.

– Боюсь, у вашего отца случались... недоразумения со многими людьми, – сурово заметил мистер Патерсон. – Насколько я знаю, перед смертью он вел тяжбы с двумя своими коллегами археологами, со своими издателями, с агентом по продаже недвижимости и с директором одного из известных музеев.

– Да, это так, – тихо произнесла Зария.

– Он был человеком с сильным, взрывным характером, – будто обращаясь к самому себе, проговорил мистер Патерсон. Он вспомнил все то, что слышал о покойном профессоре, и, взглянув на сторбленную фигуру сидевшей перед ним девушки, подумал, сколько испытаний выпало на ее долю.

– Итак, ваша тетя тем не менее вас запомнила, – сказал он, стараясь придать более оптимистичный характер их разговору. – Она оставила вам почти все, что у нее было. Пожизненные пенсии служанкам, несколько тысяч благотворительным организациям, а все остальное ваше.

– И на сколько я могу рассчитывать? – задыхнулась Зария Мансфорд.

Мистер Патерсон пожал плечами.

– Чуть больше ста тысяч фунтов, по моим данным, – ответил он. – Трудно сказать прежде, чем произведут оценку и заплатят налог на наследство.

Зария промолчала. Ему показалось, что она была поражена услышанным, да и неудивительно.

«Зачем ей такие деньги?» – подумал он про себя, решив, что никакой наряд, имея даже она достаточно вкуса подобрать его, не сможет прибавить красоты этому изможденному лицу с очками на носу.

Волосы у нее были прямыми и безжизненными. Они были зачесаны за уши и спадали на плечи неровными прядями.

– Как вы намерены поступить? – спросил он вслух. – Может быть, вы хотите поехать в Америку, чтобы посмотреть на

свою собственность? Или, возможно, поездка во Францию покажется вам менее утомительной?

– Не знаю. Мне... нужно подумать, – растерялась она, руки у нее задрожали.

– Конечно, не может быть никакой спешки, – успокоил ее мистер Патерсон. – На сегодняшнюю ночь вам заказан номер в отеле, его можно продлить на какой угодно срок. Если, конечно, у вас нет друзей в Лондоне.

– Нет! У меня нет друзей в Лондоне!

– Прекрасно. Мы пробовали забронировать вам номер в «Долчестере» или в «Рице», но, к сожалению, у них не было свободных мест.

Он заметил ее растерянность и понял, что это к лучшему.

– Поэтому, зная, что вы приехали одна, мы заказали вам номер в отеле «Кардос». Это очень милый и спокойный семейный отель в Белграви. Надеюсь, вам там понравится.

– Спасибо, – благодарно произнесла Зария.

– А теперь давайте закончим с завещанием вашей тетушки, – продолжал мистер Патерсон.

Он зачитал завещание глубоким проникновенным голосом, который считал подходящим для подобных случаев. Закончив, он поднял глаза и понял, что девушка не поняла ни слова.

– Боюсь, юридические термины слишком сложны для непосвященного, – сказал он с улыбкой. – Если коротко, вы являетесь наследницей капитала в ту сумму, которую я вам

назвал ранее, и двух предметов собственности.

Помедлив, он добавил:

– Простите, я забыл еще об одном! У вашей тети была яхта. В настоящий момент она сдана в аренду. Соглашение об аренде было подписано несколько месяцев назад, и нам было бы крайне затруднительно отменить его. Надеюсь, вы не захотите расторгнуть договор.

– Нет, нет, разумеется, – согласилась Зария Мансфорд.

– Нам удалось сговориться на достаточно большую сумму, вернее, не нам, а нашим агентам. Арендатор – американский миллионер, мистер Корнелиус Вирдон. Он должен прибыть в Марсель, где яхта будет ждать его, через два дня. Насколько мне известно, он собирается путешествовать вдоль африканского побережья. Он очень интересуется археологией и намерен произвести несколько частных раскопок. Разумеется, у него полно денег, чтобы обеспечить свое хобби! Аренда кончается через три месяца. Это в том случае, если вы согласны на нее и не хотите, чтобы она окончилась гораздо раньше.

– Я согласна, – ответила Зария Мансфорд. – Это большая яхта?

– Достаточно, как мне кажется, – туманно ответил мистер Патерсон. – Кстати, она называется «Колдунья».

Мистер Патерсон остановился и взглянул на стопку писем рядом с папкой.

– Ах да! – воскликнул он, будто вспомнив о чем-то. – У

меня к вам есть особая просьба. Мистер Вирдон, американский миллионер, или, как сейчас говорят, промышленный магнат, поставил одно условие при подписании соглашения. Он просил нас нанять для него секретаря, который умеет говорить по-арабски и разбирается в археологии. Нам с компаньонами казалось, что это условие не вызовет больших сложностей, и мы согласились. Наша фирма всегда вела дела по аренде яхты, и на этот раз мы были счастливы сообщить вашей тетушке, что удалось договориться о такой значительной сумме.

В течение этой тирады мистер Патерсон казался очень довольным собой, но затем, несколько переменив тон, он продолжил:

– Однако случилось так, что мы начали опасаться, как бы достигнутое соглашение не было расторгнуто. Мы дали бесчисленное множество объявлений, но никто не мог удовлетворить требованиям мистера Вирдона.

– Почему же? – спросила Зария.

– Я сам не понимаю, – ответил мистер Патерсон. Разумеется, найдется не одна сотня археологов и не представляет никаких трудностей найти того, кто владеет арабским. Но мало кто совмещает и то и другое. Только десять дней назад, когда мы уже почти отчаялись, мы получили письмо от мисс... минуточку... мисс Дорис Браун. Судя по рекомендациям, это блестящая молодая особа, которая некоторое время служила в Британском музее и частным образом работа-

ла с одним из ведущих археологов. Кажется, мистер Вирдон будет доволен.

– Тогда все в порядке, – заметила Зария, несколько удивленная таким длинным объяснением.

– Вы недоумеваете, почему я беспокою вас всем этим, улыбнулся мистер Патерсон. – Дело в том, что мы все еще озабочены этим делом, и поскольку вы являетесь специалистом в области археологии и одновременно владеете арабским, то не могли бы вы поговорить с мисс Браун?

– К сожалению, я немного подзабыла современный арабский, – ответила Зария. – Я уже лет пять не выезжала за границу вместе с отцом. Он несколько раз брал меня с собой, но потом... решил путешествовать один.

Что-то в ее голосе заставило мистера Патерсона предположить, что все было не так просто, как она описала, но он только сказал:

– Вам надо всего лишь задать мисс Браун несколько вопросов. Видите ли, дело идет о нашей репутации. Лучше не посылать никого, чем послать человека, который окажется абсолютно бесполезным для нашего клиента.

Он порылся в бумагах.

– Я очень внимательно изучил рекомендации, которые предоставила нам мисс Браун. Но профессор Джонсон, с которым она последнее время работала, в настоящий момент находится в Сахаре, и с ним невозможно связаться. Сэр Мортимер Гривз, чью книгу «Осколки глины» печатала

мисс Браун, говорит, что она необыкновенно работоспособная молодая женщина, но он ни в коей мере не может поручиться за ее знание арабского языка.

– Когда мне надо с ней встретиться? – спросила Зария.

– Если вас это устроит, я пришлю ее к вам в отель сегодня во второй половине дня, – сказал мистер Патерсон. – Ей надо успеть на поезд, который отходит с вокзала Виктория в семь часов. Давайте договоримся с вами часа на три? К сожалению, поскольку сегодня суббота, в это время меня уже не будет в конторе. Боюсь, что, если она окажется недостаточно компетентной, вы никак не сможете связаться со мной.

Он взглянул на часы и, улыбнувшись, пояснил:

– По выходным я обычно играю в гольф.

– Но как же мне поступить, если мисс Браун плохо говорит по-арабски? – спросила Зария.

– Во-первых, – ответил мистер Патерсон, – не отдавайте ей билетов и заграничного паспорта до тех пор, пока не убедитесь в ее знании арабского языка. С вашего позволения, сейчас я вам их передам.

Он достал большой конверт и протянул его Зарии.

– Может быть, вам кажется, что мы осторожны сверх всякой меры, но мы решили ничего не предпринимать до тех пор, пока не получим вашего одобрения. Мистер Вирдон – очень важная персона, очень, уверяю вас, и мне бы совсем не хотелось подводить его в деле такого сорта.

– Никогда не слышала о нем как об археологе, – заметила

Зария.

– Нет? – Казалось, мистер Патерсон не удивился. – Однако уверяю вас, он очень серьезно относится к этому делу, если судить по его письмам. Разумеется, он имеет возможность удовлетворять свои прихоти. Он унаследовал большое состояние после смерти отца, несколько лет играл на бирже, и все время ему фантастически везло. А потом он начал интересоваться далеким прошлым. Не скажу, что сам бы я выбрал подобное увлечение.

Мистер Патерсон самодовольно улыбнулся и продолжил:

– Ну что ж, каждому свое. Я думаю, вы согласитесь со мной, мисс Мансфорд.

– Да, конечно, – ответила Зария. – А если мисс Браун не подходит... мне... мне надо будет сказать ей об этом?

– Если вас это не затруднит, – ответил мистер Патерсон. – А потом позвоните, пожалуйста, моей секретарше по ее домашнему телефону. Она сказала, что весь день будет дома, по крайней мере, до пяти. Если до этого времени вы с ней не свяжетесь, то мы будем считать, что мисс Браун оказалась достаточно компетентной. Надеюсь, так оно и случится.

При этих словах он сделал отметку на обратной стороне конверта.

– Это телефон моей секретарши, – пояснил он. – Позвоните ей только в том случае, если все обернется не так, как бы нам того хотелось. А сейчас, мисс Мансфорд, если вы извините, меня ждет другой клиент.

– Да, да, разумеется.

Зария Мансфорд поспешно вскочила на ноги, и крошки с ее платья полетели на пол. Чашки на кофейном подносе, который она, вставая, неловко задела, отчаянно задрезжали.

– И последнее, – произнес мистер Патерсон. – Мы открыли счет в банке на ваше имя, чтобы вы были обеспечены до тех пор, пока не будут улажены все дела, связанные с наследством. На нем сейчас лежит тысяча фунтов. Если вам понадобится дополнительная сумма, вам надо только зайти к нам, и мы отдадим необходимые распоряжения.

– Благодарю... вас, – неловко произнесла Зария.

– Поскольку сегодня выходной, – продолжал мистер Патерсон, – и у вас могут быть трудности с наличными, здесь, помимо чековой книжки, пятьдесят фунтов. Надеюсь, на первое время вам хватит, но в любом случае, я думаю, в отеле у вас всегда примут чек на разумную сумму.

С этими словами он протянул ей конверт. Зария взяла его дрожащей рукой.

– Благодарю... благодарю вас, – повторила она. – Но вы... абсолютно уверены...

Она растерянно замолчала. Он с минуту подождал и, не дождавшись продолжения, переспросил:

– Уверен в чем, мисс Мансфорд?

– Что эти деньги... они действительно принадлежат мне?

– Абсолютно уверен, – ответил он.

– Тогда не могли бы вы послать немного Саре – это наша

старая служанка в Шотландии?

– Разумеется. Вы хотите, чтобы она оставалась на вашей службе?

– Нет, она сама хочет уйти, но мне кажется, что надо назначить ей пенсию.

– Я немедленно займусь этим вопросом, – пообещал мистер Патерсон. – Предоставьте все нам. А теперь до свидания, мисс Мансфорд.

Ему показалось, что он пожал руку скелету. Зария Мансфорд попрощалась и вышла.

После ее ухода мистер Патерсон едва удержался, чтобы не рассмеяться. Такой нелепой показалась ему мысль, что это пугало унаследует столько денег. Больше, чем он может заработать за всю жизнь, служи он хоть до ста лет.

«Зачем ей такие деньги?» – снова подумал он.

И вспомнил о «бентли», который его жена уговаривала его купить вот уже два года подряд; о доме в Вирджиния Вотер, который они всегда мечтали приобрести, но на который у них не хватало по меньшей мере двадцати тысяч фунтов.

– Черт возьми, ей-то они на что? – спросил он вслух, потом снова уселся за стол и позвонил секретарше, приглашая следующего клиента.

Выйдя из конторы с чемоданом в руке, Зария Мансфорд растерянно огляделась по сторонам тихой улочки. Она не знала, где находится отель «Кардос», но, решив, что сможет добраться до него на автобусе, пошла по направлению к

оживленному шоссе.

Она медленно брела по улице, чувствуя себя невыразимо измученной. Предыдущую ночь в поезде она не спала, хотя место у нее было в спальном вагоне. Она чувствовала, что, как ни была голодна до этого, кофе с бутербродами не пошел ей на пользу.

«Мне надо быть очень осторожной с пищей», – подумала она про себя. Несмотря на непрекращающееся чувство голода, мысль о еде вызвала у нее тошноту.

Овсянка с картошкой составляли единственную ее пищу в течение последних шести месяцев, да и многие годы до этого, когда отца не было дома. Она по сей день помнила страшный скандал, который устроил отец накануне своей смерти, получив счет от мясника.

– Ты что, решила, будто я купаюсь в деньгах? Ты просто хищница! – неистовствовал он. – Как ты смела поглотить столько мяса? Десять фунтов девятнадцать шиллингов и три пенса! Я что, по-твоему, миллионер?

– Это за два месяца, папа, – ответила она.

– Оправдания! У тебя всегда находятся оправдания для излишеств! – вскричал он и принялся ее бить, как не раз поступал прежде. Сначала он дал ей пощечину, потом удары начали сыпаться ей на голову, пока она, скорчившись, не упала перед ним на колени. Перед тем как выйти из комнаты, он пнул ее ногой. Но даже в тот момент она чувствовала, что его удары потеряли прежнюю силу. Он заметно ослаб,

болезнь, от которой он страдал уже два года, подобралась к нему вплотную. Она понимала, что недалек тот день, когда его удары уже не смогут причинить ей боли, но не знала, как скоро придет освобождение.

Между тем она вышла на Оксфорд-стрит. От рева проносащихся мимо автобусов, автомобилей и грузовиков у нее вдруг закружилась голова.

«Только бы не потерять сознание», – подумала Зария. Рас-терянно озираясь по сторонам, как бы в поисках поддержки, она вдруг вспомнила, что теперь может позволить себе до-браться до отеля на такси.

У нее в сумочке лежало пятьдесят фунтов! Целых пять-десят фунтов, не считая нескольких пенсов, с которыми она приехала на вокзал Святого Панкраса сегодня утром.

Прямо возле нее остановилось такси. Каким-то чудом ей удалось влезть в него и назвать адрес отеля, после чего она откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза.

Только теперь она ощутила реальность происшедшего с ней. Она богата! Никогда больше ей не придется голодать. Никогда больше не будет страха перед криком отца, парали-зующих ее сознание ударов по голове, ужаса, с которым она шла в деревенскую лавку, зная, что не сможет заплатить за покупки. Теперь она богата! Богата!

Казалось, эти слова звучали в реве проезжающих мимо машин.

«Богата! Богата! Богата!»

Мисс Дорис Браун прибыла в отель «Кардос» ровно в три часа. Рассыльный проводил ее на третий этаж и постучал в дверь. Услышав негромкое «Войдите», он открыл дверь своим ключом и пригласил мисс Браун в номер.

Кого бы ни рассчитывала увидеть мисс Браун, но действительность превзошла все ее ожидания.

«Боже мой! Ну и чучело!» – подумала она про себя, почти повторив слова мистера Патерсона.

– Вы мисс Мансфорд? Мисс Зария Мансфорд? – недоверчиво спросила она вслух.

– Да, это я, – тихо ответила девушка, к которой она обращалась. – Проходите, пожалуйста, садитесь.

Зария была без пиджака, и ее бесформенный, полинявший, связанный собственными руками джемпер, надетый поверх мешковатой, плохо сшитой юбки из твида заставил мисс Браун осознать элегантность собственного черного костюма, туфель на шпильках и экстравагантного бархатного берета.

– Вы, должно быть, дочь профессора Мансфорда, – сказала мисс Браун. – Я как-то видела его, правда, довольно давно. Тогда я подумала, какой он красивый мужчина. Конечно, не всем нравятся бородатые мужчины, но он был очень красив.

– Да, очень, – согласилась Зария.

– Мне сказали, что надо зайти к вам, потому что вы являетесь владелицей той яхты, на которой... – Она вдруг оста-

новилась, уставившись на дырку на локте у Зарии. – Ведь вы владелица яхты?

– Да, я, – подтвердила Зария. – Но я узнала об этом только сегодня. Еще два дня назад я считала, что смогу рассчитывать в жизни только на те деньги, которые сама заработаю.

– Как необычно! – воскликнула мисс Браун. – Как вы удивились, должно быть! Не то чтобы я сама хотела иметь яхту. Я не очень люблю море. Но работа есть работа, и, когда мне предложили эту, я согласилась. Тогда я подумала, что это будет даже занимательно.

– Да, конечно, – согласилась Зария. – Надеюсь, вы получите удовольствие от путешествия.

– Дело как раз в том, что у меня не будет такой возможности! – воскликнула мисс Браун. Зария с удивлением посмотрела на нее.

– Простите, я не понимаю вас.

– Для этого-то я и пришла. Мне позвонили перед обедом и сказали, что до отъезда я должна зайти к вам. Тогда я еще ни в чем не была уверена и думала, что еду, поэтому ответила, что приду. А потом, за обедом... Позвольте мне быть откровенной с вами. За обедом он наконец-то сделал мне предложение. Я приняла его. Мы решили пожениться в конце этой недели.

Зария наконец начала понимать, в чем дело.

– Вы хотите сказать, что не поедете на яхте с мистером Вирдоном?

Дорис Браун решительно покачала головой.

– Нет. Сегодня вечером мы отправляемся в Йоркшир на встречу с его родителями. Отец моего друга занимается торговлей шерстью. Он очень прилично обеспечен. Разумеется, это большой роли не играет. Мы с Тедом любим друг друга. Я вышла бы за него замуж, не имей он ни пенни.

– Да, понимаю, – пробормотала Зария.

– Но все равно хорошо, что мы, по крайней мере, никогда не будем нуждаться. Это придает браку надежность, так ведь?

– Да, разумеется, – согласилась Зария.

– Ну вот, я и сказала то, ради чего пришла, продолжала мисс Браун. – Я очень сожалею и все такое. Я бы сказала все это мистеру Патерсону и не беспокоила бы вас, но сегодня его нет в конторе: в субботу они не работают. Поэтому оставалось только прийти сюда и объяснить все вам.

– Боюсь, мистер Патерсон будет страшно разочарован, – сказала Зария. – Насколько мне известно, было очень трудно подобрать нужного человека.

– Ну, незаменимых людей не бывает, – философски изрекла Дорис Браун. – Они обязательно отыщут кого-нибудь, вот увидите. В конце концов, надо же когда-нибудь позаботиться и о себе, правда? Особенно, если дело касается любви.

Она обезоруживающе улыбнулась Зарии и добавила:

– Сказать по правде, у меня не было уверенности в том,

что Тед созрел для того, чтобы мы расписались. Но раз он решился, я не собираюсь выпускать его из своих рук.

– Вы поступаете умно, – сказала Зария после минутной паузы.

– Ну что ж, значит, мы все выяснили. – Мисс Браун поднялась и протянула Зарии руку. – До свидания, мисс Мансфорд. Было приятно познакомиться с вами. Желаю вам удачи. Если вы любите море, то на вашем месте я бы совершила путешествие на собственной яхте.

Она прошла к двери и махнула рукой на прощание. Зария с минуту смотрела ей вслед, потом опустилась в кресло и взяла в руки большой конверт, который передал ей мистер Патерсон. На обратной стороне его четко был выведен телефонный номер Кенсингтон 0275.

«Надо позвонить его секретарше», – подумала Зария и смущенно вспомнила, что не знает ее имени.

Конверт был не запечатан. Она раскрыла его и выложила содержимое на стол перед собой.

Здесь был новый паспорт на имя Дорис Браун, билеты – от вокзала Виктории до Дувра, от Дувра до Кале, от Кале до Марселя, небольшая сумма в франках и два письма. Одно было адресовано мистеру Корнелиусу Вирдону, другое предназначалось мисс Браун и, по-видимому, содержало точные инструкции относительно ее путешествия. Оно тоже не было запечатано, и Зария из любопытства прочитала его.

Мисс Браун полагалось сесть на семичасовой поезд, от-

правлявшийся с вокзала Виктория и по приезде в Марсель остановиться в отеле «Британия», где для нее был забронирован номер до прибытия яхты. Когда яхта войдет в гавань, ей следовало сообщить о своем присутствии капитану и передать мистеру Вирдону адресованное ему письмо.

Инструкция была подробной и точной и не оставлял, по мнению Зарии, ни малейшей возможности для ошибки.

Раздался стук в дверь, и, прежде чем Зария успела произвести «Войдите», в дверь просунулась голова Дорис Браун.

– Извините, что потревожила вас, – сказала она. – Я уже подходила к лифту, но вдруг вспомнила, что забыла у вас перчатки.

Зария окинула взглядом комнату и увидела их на ручке кресла, на котором до этого сидела Дорис.

– Да, вот они, – сказала она.

– Слава Богу! Я всегда теряю перчатки, – воскликнула Дорис. – Мне это недешево обходится, потому что, как я считаю, перчатки придают костюму особую пикантность...

Она внезапно остановилась, словно осознав, что Зария вряд ли носит дорогие перчатки, если вообще они у нее есть.

– О, вижу, это мой паспорт! – продолжала она, взглянув на бумаги, разложенные на столе перед Зарией. – В некотором смысле мне жаль, что я не смогу поехать. Мне хотелось бы взглянуть на Корнелиуса Вирдона. Судя по всему, он очень интересный мужчина.

– Я думала, он человек в возрасте, – удивилась Зария.

– Старикан? Как бы не так! Вы что, газет не читаете?

Она снова взглянула на Зарию и быстро поправилась:

– Ну, разумеется, такими газетами вы не увлекаетесь. В прошлом году, когда он раскопал замок в Перу, его имя появлялось на первых полосах. Я следила за ходом раскопок, потому что в то время работала на сэра Мортимера Гривза, а он был знаком с мистером Вирдоном и часто говорил о нем. После этого я, если можно так выразиться, не упускала его из виду. Разумеется, когда я узнала, что мне предстоит путешествовать вместе с ним, я была страшно взволнована.

Дорис Браун рассмеялась.

– Но вот чем все кончилось! Я никогда особенно не увлекалась археологией. Случайно занялась этой работой, когда мне было восемнадцать. Профессору Джонсону нужна была помощница, а мой отец был тогда хранителем музея в Ливерпуле. Можно сказать, я выросла в соответствующей атмосфере.

– Неужели вас не заинтересовала археология? – удивилась Зария.

– Она всегда казалась мне слишком скучной, – улыбнулась Дорис Браун. – Сказать по правде, мои познания в арабском весьма ограничены. Так что, если бы не Тед, я бы очень нервничала перед встречей с вами.

Она снова засмеялась и, натянув на одну руку перчатку, заспешила к двери.

– Пока! Поезжайте вместо меня на встречу с Корнелиусом

Вирдоном. Это пойдет вам на пользу. Судя по вашему виду, вам надо развеяться...

Она резко замолчала и приложила палец к губам.

– Простите, мне не надо было так говорить. Надеюсь, вы не обиделись. Я всегда говорю первое, что приходит в голову.

– Нет, нет, я не обиделась, – спокойно ответила Зария.

Дверь за Дорис закрылась, и Зария опустилась в кресло. Что за глупости болтала эта девица? Разумеется, она не собирается занимать ее место и становиться секретаршей Корнелиуса Вирдона!

Но вдруг эта мысль захватила ее, и она с минуту растерянно смотрела на паспорт в своей руке.

А почему бы ей не поехать? Она действительно разбирается в археологии. И пусть она долго не практиковалась, но говорит по-арабски.

Некоторое время она никак не могла собраться с мыслями и продумать детали. Но потом намеченное путешествие предстало перед ней с удивительной ясностью. Все было так просто осуществить. Единственное, что от нее требовались, – это следовать инструкциям, оставленным для Дорис Браун.

Перед ней лежали билеты, деньги и рекомендательное письмо. Ей не понадобится объяснять, кто она такая. Не надо представлять себя в качестве владелицы яхты. Надо просто занять место Дорис Браун, которая отправляется в Йоркшир

знакомиться с родителями жениха.

Нет, нет, это какое-то сумасшествие! Разве она сможет так поступить? А почему бы и нет? И, если на то пошло, что еще ей остается делать?

Зария окинула взглядом номер. Он не то чтобы не нравился ей, но вызывал у нее страх своей роскошью, резко отличаясь от привычной ей обстановки.

Будь она чуть меньше испугана, она повернула бы назад уже в тот момент, когда такси остановилось у входа в отель. Швейцар в роскошной униформе отворил перед ней дверь и провел к столику администратора. Не успела она опомниться, как оказалась в небольшом номере, который забронировали для нее поверенные – гостиная, спальня и ванная комната. Не слишком претенциозный номер, но Зарии он показался вершиной незнакомой ей роскоши.

Она заказала обед в номер, потому что слишком боялась спускаться вниз, в ресторан. Не зная, какие блюда выбрать, она отчаянно уцепилась за яичницу с ветчиной, но официант убедил ее остановиться на омлете и слегка поджаренном бифштексе. Девушка была так напугана, что не спорила с ним, хотя цены, которые были указаны в меню, чуть не повергли ее в обморочное состояние.

Когда принесли обед, ей так захотелось сразу же все съесть, что она заставила себя посчитать до двадцати, шагая взад-вперед по комнате, и только потом села за стол. Она старалась есть не торопясь, выдерживая паузу между каждым

глотком, но тем не менее в считанные мгновения от омлета ничего не осталось. Правда, потом она с ужасом поняла, что не в силах приступить к бифштексу. Ей казалось, что она подавится, если съест хоть кусочек, и, ничего не поделаешь, бифштекс унесли нетронутым.

«Надо сохранять благоразумие, – сказала себе Зария. – Я прекрасно знаю, что со мной. Я не настолько глупа, чтобы не понимать. Недоедание! Мне необходимо молоко и пища в небольшом количестве с непродолжительными перерывами. И я могу это себе позволить. Великий Боже, дай мне не забыть о том, что я действительно могу это себе позволить!»

И тут же она вспомнила, что может позволить себе и многое другое – костюм, как у Дорис Браун, даже лучше, туфли на высоком каблуке, шелковое белье. Но мысль эта вызвала у нее только отчаяние: все бесполезно. Она не знает, с чего начать, куда пойти, что покупать. Когда она в последний раз покупала платье? В Инвернесе? Во всяком случае, это было много лет назад. Большею частью она перевязывала для себя старые джемпера отца и пыталась шить. Один раз ей даже удалось сшить себе юбку из его старого твидового костюма.

Отец не позволял ей тратить на себя ни единого пенни. У него это превратилось в манию.

Однажды, год назад, она предприняла попытку убежать от него, чтобы найти работу и таким образом вырваться из этого ужасного темного дома среди лугов. Он догнал ее, когда она почти уже добралась до шоссе, и избил так, что она

некоторое время была на волосок от смерти.

«Ты будешь жить здесь и работать, – кричал он. – Если ты думаешь, что я позволю тебе шататься по округе, то ты сильно ошибаешься. Я хочу, чтобы ты работала, и добьюсь этого. Немедленно приступай к этим рукописям».

Она никогда больше не осмеливалась повторять свою попытку, даже когда он уезжал из дома и оставлял ее одну с Сарой. Это была старая женщина, которая работала у ее родителей с тех пор, как они поженились. Она была очень стара, глуха и неразговорчива, ее мучил артрит, и она очень боялась, что профессор выгонит ее и ей некуда будет деваться.

«Работай. Ты же знаешь, он очень сердится, что рукопись еще не окончена», – обычно выговаривала она, когда Зария на мгновение поднимала гудящую голову и слезящиеся глаза от древних папирусов или надписей с тысячелетних камней, которые она пыталась расшифровать.

Временами голова у нее раскалывалась от боли, однако она продолжала работать. Она была слишком утомлена, чтобы протестовать, слишком слаба от недоедания, чтобы уклоняться от ударов отца.

«Что же мне делать?» – спрашивала себя сейчас Зария, и этот вопрос казался ей непосильно трудным.

Она чувствовала себя потерянной, беспомощной и испуганной. Лондон был таким большим, таким чужим ей городом. Если бы можно было позвонить мистеру Патерсону! Но во всяком случае, был добр и дружелюбен с ней.

Правда, сейчас он играет в гольф. Да и зачем его беспокоить? Разве ему есть дело до нее? Судя по блеску в его глазах, она показалась ему просто смешной.

Зария поднялась со стула, подошла к камину, возле которого стояло большое зеркало, и посмотрела на свое отражение. Прямые, неопрятные волосы, которые она сама стригла, отвратительные очки в металлической оправе, которые заставил ее носить отец, когда она пожаловалась, что с трудом разбирает стершиеся буквы рукописей. Зария поспешно сняла очки, но от них на лице остались четкие красные следы, а круги под глазами стали почти черными на фоне пепельно-серой кожи. Медленные, тяжелые слезы потекли у нее по щекам. Она много страдала в своей жизни, однако не помнила, когда плакала в последний раз.

«Я безобразна, – повторяла она себе, – безобразна, беспомощна и абсолютно одинока. Я не хочу жить!»

Она отпрянула от зеркала и бросилась на софу, зарывшись лицом в подушку. Она собиралась плакать, но мягкий шелк подушки повернул ее мысли к шелку, атласу и бархату – всем тем очаровательным вещцам, к которым так любят прикасаться женщины.

Она снова подумала о Дорис Браун, о ее шелковых чулках и замшевых перчатках, которые она так боялась потерять.

«И у меня будет все это! Обязательно будет!» – сказала себе Зария.

Ведь она может пойти в магазин и купить все, что она

только не пожелает. Можно заплатить чеком. Но ей сразу же стало страшно. Она не осмелится, ей не выдержать презрительного выражения на лицах продавщиц.

«Откуда она такая взялась?» – будут спрашивать они друг друга.

Зарии внезапно захотелось убежать назад, в Шотландию. К старой Саре, к дому с грязными стенами и уродливой викторианской мебелью, со спертым воздухом, из-за которого она никак не могла избавиться от мысли, что отец еще жив, что вот-вот войдет в дверь, заметит какие-то неполадки и обрушится на нее с проклятиями. По крайней мере, там все было знакомо, а жизнь здесь пугала ее.

Она застонала и села. Что-то упало на пол. Нагнувшись, девушка увидела, что это был паспорт Дорис Браун. При падении он раскрылся на том месте, где была фотография. Она была не очень четкой. Почти любая девушка могла назвать ее своей – глаза, нос, рот, волосы непонятного цвета, который в реальности мог быть любым, открывают уши, завиты и зачесаны назад по последней моде.

– И я могу так выглядеть, – прошептала Зария и поняла, что жребий брошен. Она должна занять место Дорис Браун по той простой причине, что слишком боится оставаться в этом незнакомом отеле и ждать, когда что-нибудь произойдет. Да и произойдет ли? Ей предстоит слоняться по улицам, кишасим занятыми, спешащими по своим делам людьми, живущими своей, незнакомой ей жизнью. Предстоит возвра-

щаться сюда и сидеть в одиночестве. И так день за днем, ночь за ночью, изнывая от безделья, ожидая разве что поступления денег.

Можно сменить этот отель на другой, но и там она будет чувствовать себя такой же одинокой, такой же испуганной. Можно поехать в Нью-Йорк или на юг Франции, как предлагал ей мистер Патерсон, но и там она будет одна, совсем одна.

– Нет! Нет! – вскрикнула Зария и тут же вздрогнула от звука собственного голоса.

Такой жизни она не вынесет. Не вынесет одиночества, вынужденного безделья. Она не сможет существовать без ждущих своей очереди рукописей, без принуждающего ее к работе отца, без копошащейся на кухне Сары, готовящей неизменные овсянку и чай.

– Надо ехать! – Зария произнесла эти слова с решимостью, которой она в действительности не ощущала, позвонила в звонок. Услышав его звук, она, дрожа, присела на диван и напряженно застыла в ожидании.

Наконец в комнату вошла горничная – довольно симпатичная, бойкая молодая женщина. Зарии показалось, что она была несколько недовольна тем, что ее вызвали в такое время.

– Вы звонили, мадам?

– Да, пожалуйста, вы не могли бы помочь мне?

– Разумеется, мадам. Что я могу сделать для вас?

– Дело в том... что... – запинаясь, произнесла Зария, – мне надо уехать... за границу сегодня вечером. А я приехала из Шотландии и... не взяла с собой никакой одежды. Мне нужен костюм, блузка, несколько пар чулок и туфли. Я... мне нельзя ехать в таком виде. И, пожалуйста, мои волосы... Надо, чтобы их уложили.

Горничная окинула ее презрительным взглядом:

– Мадам, наверное, не сознает, что сегодня суббота.

– Да, да, я знаю, что все магазины закрыты. Но, возможно, можно купить эти вещи у кого-нибудь из ваших знакомых? Может быть, у вас есть костюм, который вы могли бы продать мне?

Горничная посмотрела на нее так, будто перед ней была сумасшедшая.

– Ну пожалуйста, – умоляла ее Зария, – я вас очень прошу. Мне это так важно.

Это была мольба о помощи в решении той единственной проблемы, которая объединяет всех женщин на свете независимо от их социального положения, веры, цвета кожи и национальности – проблемы одежды.

– Ну хорошо, мадам, я попробую что-нибудь придумать, – с сомнением в голосе ответила горничная.

Глава 2

Зария стояла у окна отеля «Британия» и смотрела вниз на залитую солнцем улицу и поток проносющихся по ней машин. Отсюда Марсель выглядел муравейником, и это только усиливало в ней чувство отчужденности и одиночества.

Всю ночь она пролежала без сна в комфортабельном мягком вагоне. Она снова и снова думала, что сошла с ума, что надо вернуться в Лондон, позвонить мистеру Патерсону и сообщить ему о своем намерении, однако так и не пришла к окончательному решению. Попав в Марсель и узнав, что отель находится рядом со станцией, Зария подхватила чемодан и пошла туда.

Оказалось, что комната для нее забронирована, как и следовало из письма мистера Патерсона. Вышколенный слуга с вежливой предупредительностью провел ее в номер, дверь за ним закрылась, и Зария снова осталась одна.

Она повернулась от окна и увидела свое отражение сразу же в нескольких зеркалах, украшавших комнату. Ей трудно было поверить, что это она и есть. Костюм, который нашла для нее горничная, разумеется, не был сшит у известного портного, но он, безусловно, больше подходил ей, чем ужасный старый пиджак из твида и юбка, которую она носила годами. Зария выбросила все это в корзину для мусора. В первый раз в жизни она поступила настолько экстравагант-

но, выбрасывая то, что еще можно было использовать.

Очень трудно было подобрать для нее одежду: так она была худа, но горничные – к тому времени их собралось уже четверо – вошли в положение и буквально перерыли свои гардеробы.

– От вас остались только кожа да кости! – в отчаянии воскликнула Элси, когда очередной костюм оказался безнадежно велик.

К этому времени они стали уже почти друзьями, и, отбросив былые формальности, горничные перестали звать ее «мадам» и относиться к ней, как к почетной гостье. Она превратилась для них в обычную девушку, и почему-то в первый раз за долгие годы у нее стало тепло на душе.

– Вы такая худенькая, наверное, сильно болели, – заметила одна из девушек. – Сейчас-то вы выздоровели?

– Да, сейчас все в порядке, спасибо, – ответила Зария, не вдаваясь в объяснения того, что не болезнь, а годы недоедания сделали ее такой.

Все это время перед ее глазами стоял образ Дорис Браун с точеной грудью, с порывистостью и живостью уверенной в себе, благополучной женщины.

«Я тоже должна так выглядеть! Просто должна!» – повторяла себе Зария.

Но, даже побывав в опытных руках горничных, она не стала выглядеть так же.

Костюм, который ей подобрали, был темно-серым. Блузка

из белого крепдешина была похожа на ту, которую носила Дорис, но Зария была слишком худа, и она болталась на ней как на вешалке.

– Вам обязательно надо поправиться, – сказала Элси.

Остальные с завистью вздохнули.

– Хотела бы я, чтобы и мне сказали такое, – заметила Хельга, пышнотелая девушка, уроженка Германии.

– Если ты перестанешь трескать пирожные с кремом и шоколад, то наверняка похудеешь, – одернула ее Элси.

Все рассмеялись.

– Мне кажется, костюм очень хорош, – робко сказала Зария, рассматривая себя в зеркало. – Сколько я вам должна?

Вместе с чулками, туфлями, бельем и шляпкой вышло восемнадцать фунтов. С величайшим трудом Зария взяла себя в руки, чтобы пальцы у нее не дрожали, когда она отсчитывала деньги. Ей казалось, что нельзя тратить такую огромную сумму на одежду. Она боялась, что сейчас услышит окрик отца, увидит его глаза – темные, сверкающие от ярости, как это всегда бывало, когда он выходил из себя.

Долгое время ей казалось, что он принимает странный наркотический порошок, который вывез с Востока. А может быть, что-то содержалось в его сигаретах – они так странно пахли.

– А теперь ваши волосы, – сказала Элси. – Вы не можете ехать в таком виде.

– Не могу, вы правы, – согласилась Зария. – Мне хочется,

чтобы их уложили и завили на концах.

И снова она подумала о Дорис Браун с ее очаровательной модной прической.

– Все парикмахерские закрыты... – начала Элси и вдруг вскрикнула: – Вспомнила! У нас же есть Генри!

– Генри! – откликнулись девушки. – При чем тут Генри?

– Разве вы не знаете, что до прихода сюда он работал парикмахером? Он мне об этом рассказывал. У него появилось нечто вроде аллергии на духи, как он говорит, и он сделался официантом.

– И теперь вместо духов вдыхает запахи пищи, – заметила одна из девушек, и все они рассмеялись.

– Пойду позову его, – сказала Элси. – Он должен уже закончить уборку в столовой.

– У тебя будут неприятности, если тебя засекут на первом этаже, – предупредили ее.

– Ничего, не засекут, – весело ответила Элси.

Она вышла из комнаты и удивительно скоро вернулась вместе с Генри, который оказался худым молодым французом. Девушки хором объяснили ему, что от него требуется.

Он окинул Зарию оценивающим взглядом и разослал горничных с поручениями: одну – за яйцами, чтобы сделать ополаскиватель для волос, другую – за шампунем, третью – за полотенцем. Элси, которая теперь опекала Зарию, словно готовя ее к роли кинозвезды, вспомнила, что у одной женщины, остановившейся в отеле, есть фен.

– Ее светлость уехала на выходные, – сказала она. – Она даже не узнает, что мы им воспользовались.

К этому времени Зария уже перестала удивляться чему бы то ни было. Только когда Генри вымыл, высушил и уложил ей волосы, она осознала, насколько изменилась ее внешность. Прическа была не совсем такой, как у Дорис Браун, но безобразные прямые пряди исчезли. Волосы мягкими волнами спадали ей на щеки.

– Мадам довольна? – с удовлетворением спросил Генри. Зария не знала, как благодарить его, сколько заплатить. В конце концов, сильно смущаясь, она вытащила из сумочки несколько фунтов и сунула ему в руку. Только потом она поняла, что дала ему три фунта, и подумала, что сошла с ума. «Целых три фунта!» – шептала она про себя в поезде. Они с Сарой могли существовать на такую сумму в течение нескольких недель. Им часто приходилось так жить, когда отец был в отъезде или становился особенно прижимист в отношении денег, отпускаемых на хозяйство.

И, однако, то, что сумел сделать Генри, стоило этого. Он помог ей убежать от самой себя. Да, пересекая канал, садясь в шумный французский экспресс, отправлявшийся из Кале, летя в нем сквозь ночь, она бежала от себя, от своего прошлого. Она оставляла позади свою боль и отчаяние, голод и жестокость, на которые так долго была обречена.

Она знала, что только страстное желание избавиться от воспоминаний и страха толкнуло ее на этот невероятный

шаг. Не смелость стояла за ее поступком, в глубине его лежал страх, страх перед людьми, перед Лондоном, перед будущим, перед всем тем, что было ей незнакомо.

«Тебя зовут Дорис Браун», – убеждала она себя, глядя на отражение в зеркале, и тут же рассмеялась: как бы оскорбилась настоящая Дорис Браун, услышь она сейчас ее слова.

От смеха по обеим сторонам ее рта появились морщинки. Не важно! Главное то, что даже губы у нее теперь стали другими.

– Я поняла, что тут не так, – внезапно произнесла Элси, когда они изучали ее новую прическу, серый костюм и белую блузку.

– Что же? – спросила Зария.

– Ваше лицо, – ответила Элси. Горничные смутились, будто она сказала вслух то, о чем они все думали, но не хотели упоминать из вежливости. Элси покраснела и поспешно добавила:

– Я не хотела обидеть вас. Я только имела в виду, что вы совсем не накрашены. В наше время никто не ходит с не накрашенными губами. Из-за этого у вас несколько... странный вид.

– Ты права! – воскликнула одна из девушек. – Помада – это то, что вам нужно! У меня я где-то была совсем новая, нужного вам оттенка. Я купила ее только вчера за семь шиллингов и шесть пенсов. Если хотите, я вам ее принесу. И пудра у меня есть, – добавила она, – только, пожалуй, она для

вас темновата.

– Да уж, – насмешливо подтвердила Элси. – Вот у Лидии должна быть пудра нужного цвета. Из нас только к ней одной не пристает загар.

И Зария рассчиталась за пудру, крем, который Элси наказала ей втирать в кожу каждое утро и на ночь, и за новую помаду.

Кроме того, она выбросила свои очки. Она прекрасно видела и без них, а если ей трудно будет разбирать рукописи, которые даст ей мистер Вирдон, она всегда сможет купить себе приличные очки в черепаховой оправе. Почему-то она чувствовала, что эти старые уродливые очки будут всегда напоминать ей отца с его издевками. «Устала! Что значит устала? Ты должна перевести это к завтрашнему дню. За что только Господь дал мне такую слабоумную дочь? Все предельно просто. Нужно только немного сосредоточиться».

«Но я устала, отец. Я всю неделю засиживалась по ночам. У меня очень болит голова».

«У тебя всегда что-нибудь болит! Только и знаешь, что хныкать! Принимайся за работу. Ты довольно лентяйничала, пока я был в отъезде». Бесполезно было объяснять, что, уезжая на три месяца, он оставил ей столько работы, сколько могло хватить на все шесть. Всегда у него находился какой-нибудь трактат, новая книга или каталог, которые надо было перевести.

Однажды, набравшись смелости, она предложила нанять

кого-нибудь себе в помощь, но он так ударил ее по уху, что она полетела через всю комнату. «Ах ты ленивая дрянь! – разбушевался он. – Ей нужна помощь, скажите пожалуйста! А зачем ты еще нужна, кроме как выполнять то, что я тебе говорю? Закончишь эту рукопись к концу недели, не то я все кости тебе переломаю».

Это была не пустая угроза. Он был свирепым человеком и никогда не стеснял себя в действиях. Не один раз возникали неприятности из-за его жестокого обращения с туземцами, которые помогали ему при раскопках. Один раз ему даже пришлось уведомление от местного комиссара.

«Слизняки! – как-то разразился он напыщенной тирадой. – Мягкотелые слизняки! Неудивительно, что черные возомнили о себе! Скоро они станут господами. Мы сами на это нарываемся. К черным надо относиться как к собакам, тогда они будут повиноваться».

Подчас Зария сомневалась, а выдержала бы собака то обращение, которое она терпела от отца. Но выхода у нее не было.

Даже когда отец умер, она не могла уехать из Шотландии. У нее не было денег. Ей казалось, что весь мир ограничился этим пустым, уединенным домом. А важнее всего было то, что она утратила волю. Она стала слишком боязлива, чтобы бежать. Но сейчас все изменилось. Теперь она стала и свободной, по крайней мере, на некоторое время. Она в Марселе, и нет никого, кто бы мог запретить ей делать все, что ей

вздумается. Во внезапном порыве протеста она достала из сумочки губную помаду и ярко покрасила губы. Пусть красный цвет будет символом непокорности, воли, энергии, жизнерадостности, которые до сих пор она никогда не могла позволить себе. И вдруг дверь в ее номер распахнулась. Никто не стучал, поэтому она изумленно обернулась. С ощущением вины она вспомнила, что оставила ключ в замке. В комнату очень быстро и почти бесшумно вошел мужчина. Не успела Зария осознать, что Я происходит, как он закрыл за собой дверь и привалился к ней спиной.

– Что вы хотите? – Зария так растерялась, что произнесла эти слова по-английски.

– Вы – мисс Дорис Браун? – спросил он ее на том же языке.

– Да... я, – поколебавшись, ответила Зария.

– Это замечательно! Я так и понял, что не мог ошибиться комнатой.

Он чуть задыхался, словно от спешки. Теперь Зария разглядела, что в руке с перекинутым через иге плащом он держал чемодан. Волосы у него были почти черные, выделявшиеся даже на фоне загорелого лица, и он носил темные очки. По-английски он говорил с каким-то странным акцентом.

Зария поднялась с кресла.

– Я... я вас не понимаю. Что вам нужно? Почему вы вошли без стука?

– У меня для этого не было времени.

И снова ей показалось, что он чуть задыхается, как будто

он бежал по коридору или вверх по лестнице. Но почему? Она беспомощно смотрела на него, не зная, как поступить.

– Пожалуйста, не пугайтесь, – более спокойным голосом, будто почувствовав ее растерянность, сказал он. – Я узнал, что вы здесь остановились. Мне надо с вами поговорить.

– Узнали! Но от кого? – недоуменно спросила Зария.

– Это не важно, – ответил он. – Главное, что мне нужна ваша помощь.

Теперь Зария поняла, что у него за акцент. Он американец. Он слегка, но тем не менее заметно, растягивал гласные. Это был крупный, широкоплечий мужчина. Быстрота и ловкость его движений говорили о том, что он занимался спортом.

– Можно мне сесть?

– Да, пожалуйста... хотя... я не знаю. Зачем вам понадобилось... врваться в мою комнату таким образом?

– Пожалуйста, мисс Браун, успокойтесь. Я все объясню, только выслушайте меня. Хорошо?

– Хорошо... говорите, – замялась Зария.

– Спасибо.

Он говорил спокойно, но после этого быстро повернулся к двери, открыл ее и, выглянув в коридор, закрыл снова.

– Я хотел убедиться, что нас никто не подслушивает, – пояснил он.

– Кому может понадобиться нас подслушивать? И зачем? – спросила Зария. – Я только что приехала.

– Да, я знаю, – сказал он. – Я видел, как вы вошли в отель, хотя и не знал тогда, что это именно вы. Почему-то я представлял мисс Браун несколько по-другому.

Зария почувствовала себя виноватой и промолчала.

Он пересек комнату и сел в кресло рядом с окном. При этом он поморщился, словно от боли, и тут Зария заметила пластырь на его ухе и странный обесцвеченный синяк на левом виске. Он почувствовал ее взгляд и поднес руку ко лбу, будто пытаясь загородить синяк.

– Я попал в автомобильную катастрофу, – неловко объяснил он, – и меня немного задело.

– Понимаю. – Зария опустилась на стул перед туалетным столиком, развернувшись так, чтобы видеть незнакомца.

– Вы не возражаете, если я закурую? – спросил он.

– Нет, пожалуйста.

– Вы абсолютно уверены? Я сам не люблю сигаретного дыма в спальне, но, кажется, вы не останетесь здесь на ночь. Яхта уже в гавани.

– О! Мне еще ничего не сообщали.

– Она только что прибыла. Вас скоро известят, и вы подниметесь на борт.

– Откуда вы знаете? – поинтересовалась Зария.

– Мне сказал об этом один ваш друг, – ответил американец. – Он просил меня разыскать вас.

Зарии понадобилось время, чтобы уяснить для себя его слова, потом она спросила, полагая, что он ждет от нее этого

вопроса:

– И как... его зовут?

– Скорее всего, вы его не вспомните, – ответил американец. – Вы когда-то встречались с ним в Лондоне, а теперь он узнал от друзей, что вы собираетесь принять участие в этом путешествии. Он рассказал мне об этом, и вот почему я решил обратиться к вам за помощью.

– Что я могу для вас сделать? – спросила Зария.

– Возьмите меня с собой, – последовал ответ.

Ей показалось, что она неправильно расслышала и с минуту молча рассматривала его: незнакомый ей человек в темных очках, которые придавали его лицу отчужденный вид, делая его почти нереальным.

– Я... я вас не понимаю, – наконец выговорила она.

– Послушайте, мисс Браун, – он наклонился вперед и сжал руки, – мне очень важно, чрезвычайно важно попасть в Алжир. Моя мать больна. Я должен попасть к ней.

– Но есть же пассажирские пароходы!

– На них у меня нет денег.

– О!

Зария легко могла принять подобное объяснение, но человек перед ней казался вполне преуспевающим. Его костюм был хорошо сшит, закуривая, он достал из кармана портсигар, хотя, возможно, он стоил всего несколько шиллингов – она плохо разбиралась в подобных вещах.

– Я вам сочувствую, – мягко произнесла она. – Мне

нетрудно представить себе, что значит быть бедным. Но не понимаю, чем я могу помочь вам.

– Вы можете мне помочь, вы не должны мне отказывать, – ответил он. – В этом путешествии вы – самое важное лицо. Так сказал мне мой друг. Мистер Вирдон настаивал на том, чтобы ему нашли секретаря со знанием археологии и арабского языка. Я ведь не ошибаюсь?

– Нет, вы правы.

– Ну вот видите. Вам стоит только сказать, что вы хотите взять с собой своего помощника, потому что не сможете в одиночку справиться с обработкой результатов экспедиции.

– А что скажет мистер Вирдон? Он же мне не поверит.

– Поверит, я в этом уверен. Он должен поверить. Только постарайтесь говорить как можно более убедительно.

– Но почему я должна это делать? – растерянно спросила Зария.

– Потому что я умоляю вас об этом, – ответил американец. – Мне надо попасть в Алжир. Я должен быть рядом с матерью. Она больна. Мой отчим – негодяй. Он плохо с ней обращается. Говорю вам, я должен попасть туда, пока еще не поздно.

Он говорил так убедительно, что у Зарии едва не навернулись на глаза слезы. Ее первым побуждением было немедленно согласиться. Этот человек попал в беду и взывает к ней о помощи. Трудно усомниться в его искренности. Однако, все еще пытаясь руководствоваться житейскими прави-

лами, она произнесла:

– Послушайте! Я никогда не встречалась с мистером Вирдоном. Он нанял меня через поверенных в Лондоне. А вдруг он не позволит мне взять с собой помощника? Вдруг он рассердится на меня за такое предложение?

– Я не думаю, – твердо ответил американец. – Сделайте точно так, как я вам скажу, и я вам гарантирую, что все будет в порядке.

– Но... но почему... почему я должна вас слушаться? – запротестовала Зария.

– Потому что, как я знаю, у вас доброе сердце, потому что все это гораздо важнее для меня, чем я могу выразить словами, потому что, совершая этот великодушный поступок, вы ничем не рискуете.

Последнее, по крайней мере, было правдой.

Она действительно ничем не рисковала. В самом худшем случае ей придется признаться, что она – хозяйка яхты. Она знала, что у нее никогда не хватит смелости на такое признание, но ее успокаивала сама возможность сделать его.

– Я кое-что придумал, если только вы согласитесь последовать моему плану, – будто почувствовав ее колебания, сказал американец. – Как только вы получите уведомление капитана о том, что яхта находится в гавани, мы вместе поедem в порт. На борту вы представите меня в качестве своего жениха.

– Жениха! – повторила Зария, изумленно раскрыв глаза.

– Да, так будет лучше всего. Тогда ваше намерение взять меня с собой будет выглядеть более правдоподобным. Я – не только ваш помощник в трудной работе, но еще и жених. К любви всегда относятся с пониманием, и я считаю что особых сложностей не возникнет. Вы, конечно, объясните мистеру Вирдону, что мы только недавно обручились, и вы не хотите расставаться со мной, уезжая в Африку.

В его устах все выглядит достаточно правдоподобно, подумала Зария. В конце концов, так и поступила настоящая Дорис Браун – обручилась, только она в связи с этим вообще отказалась от поездки.

– Я... не знаю, что и сказать, – беспомощно произнесла Зария.

– Тогда будьте умницей и соглашайтесь, – настойчиво проговорил американец.

– Но... я даже вашего имени не знаю.

– Нет, разумеется. Вы будете называть меня... Чак. Так звали меня мои друзья в колледже. Фамилия моя Танер. Итак, Чак Танер. Между прочим, я немного умею говорить по-арабски и немного разбираюсь в археологии.

– Ну что ж, это уже кое-что, – ответила Зария. Но она все-таки колебалась и, покраснев и крайне смущаясь, попросила:

– Не могли бы вы... если вас не затруднит, вы не могли бы снять очки?

Он молча сделал то, что она попросила, потом, пристально глядя на нее глубокими серыми глазами, спросил:

– И зачем?

– Я... мне просто захотелось знать, как вы выглядите на самом деле, – ответила Зария, смущенно умалчивая о том, что считает справедливым выражение: «Глаза – зеркало души».

У него были честные глаза – спокойные и почему-то, хотя она и не смогла бы объяснить почему, внушающие доверие.

– Спасибо, – спустя мгновение произнесла она и смущенно отвела взгляд.

Он снова надел очки.

– Мне приходится постоянно носить темные очки, иначе меня мучают сильные головные боли. Кроме того, у меня сенная лихорадка.

Тут, так внезапно, что они оба вздрогнули, зазвонил телефон.

– Наверное, это с яхты, – быстро сказал Чак Танер. – Ничего не говорите им обо мне. Просто скажите, что немедленно выезжаете.

Зария, колеблясь, пошла к телефону. Но не успела она поднять трубку, как он очутился рядом с ней и предупреждающе схватил ее за руку.

– Подождите! Если это кто-то другой, все равно кто, не говорите, что я у вас. Вы меня поняли?

– Но... почему? – недоуменно спросила Зария.

– Делайте так, как я говорю, – приказал он.

Он отнял руку, и Зария взяла трубку.

– Я слушаю.

– Мадемуазель Браун? – спросил голос в трубке.

– Да.

– Пожалуйста, подождите минуточку.

После непродолжительного треска и шума из трубки спросили по-английски, с ярко выраженными просторечными интонациями:

– Я говорю с мисс Браун?

– Да, мисс Браун у телефона.

– Доброе утро, мисс. Капитан просил передать вам свое приветствие. «Колдунья» в гавани. Вы готовы подняться на борт?

– Передайте капитану, что я выезжаю немедленно, – ответила Зария.

– Прекрасно, мисс. Третий причал, место под номером сорок семь.

– Спасибо.

На том конце провода раздался щелчок, и Зария повесила трубку. Только сейчас она осознала, что Чак Танер стоит так близко к ней, что должен был слышать весь разговор. Он улыбнулся, заметив беспокойство на ее лице.

– Все в порядке? – успокаивающим тоном спросил он.

– А кто, вы предполагали, это мог быть, если не матрос с яхты? – спросила Зария.

– Да мало ли кто, – уклончиво ответил он. – В мире полно разных неприятных типов, особенно когда в дело замешан

миллионер.

– Бог мой! Я совсем не подумала об этом. – Зария резко опустила на тахту. – Вы случайно не вымогатель? Может быть, вы хотите попасть на яхту, чтобы ограбить мистера Вирдона?

– Обещаю, что ни в коем случае не буду этого делать, – засмеялся Чак Танер. – Кроме того, я не охотник за теми сокровищами, которые вы собираетесь откопать с мистером Вирдоном. Нет, как я уже говорил вам, мне просто надо попасть в Алжир, а другого способа у меня нет.

– Предположим... это просто предположение... что я могла бы одолжить вам немного денег?

Она заметила, что ее слова застали его врасплох, но он быстро нашелся:

– Начнем с того, что у вас вряд ли найдется достаточно денег. Кроме того, я, конечно, не лишен недостатков, но я не привык брать деньги у женщин.

– Все равно... мне не очень нравится ваша идея, – произнесла Зария. – Предположим, капитан будет против и не допустит вашего присутствия на борту?

– Этого не случится, – уверенно возразил Чак Танер. – Он скажет, что надо подождать прибытия мистера Вирдона. Вот с ним-то вам и понадобится все ваше умение убеждать. Я полагаюсь на вас, мисс Браун. Я вам верю. Я обещаю, что это не каприз, не прихоть, дело идет о жизни и смерти.

Что-то в его тоне заставило Зарию вздрогнуть.

– А сейчас я прошу вас сделать следующее, – продолжал он. – Спуститесь и заплатите по счету. Потом попросите швейцара вызвать такси. Шоферу вы скажете ехать в порт. Но как только вы убедитесь, что никто вас не слышит, постучите ему в окно и попросите остановиться возле аптеки на Ру-Гарibaldi. Вы запомните? Аптека на Ру-Гарibaldi. Там я буду ждать вас.

– Значит... значит, вы не пойдете со мной вниз? – спросила Зария.

Он покачал головой:

– Нет, я пройду через заднюю дверь. Так будет безопаснее. Не хочу, чтобы меня кто-нибудь видел.

– Я... я вас не понимаю. Вы... скрываетесь от полиции? Вы... совершили что-то плохое?

– За свою жизнь я совершил не один плохой поступок, – с улыбкой ответил он, – но ничего, что могло бы заинтересовать французскую полицию. Пожалуйста, верьте мне. Я знаю, мой рассказ звучит немного невероятно. Он кажется вам выдержкой из «Сатидей Ивнинг пост» или детективного романа, но на самом деле все гораздо проще. Мне надо попасть в Алжир, и никто меня в этом не остановит. Родственники моего отчима, если быть точным, его сыновья, не хотят, чтобы я увиделся с матерью. Они боятся, что она оставит наследство мне. Вот и все.

– Понимаю, – со вздохом облегчения произнесла Зария. – Я сделаю так, как вы просите.

Она не знала почему, но несмотря на фантастическую историю и странную манеру поведения американца, несмотря на способ, которым он проник в ее комнату, в глубине души она была рада, что он поедет вместе с ней. Ей будет не так страшно столкнуться с таким количеством незнакомых ей людей – мистером Вирдоном, капитаном, другими участниками путешествия.

– А теперь нам пора, – между тем говорил американец. – Не забудьте, меня зовут Чак. Вы влюблены в меня, а я в вас. Я буду звать вас Дорис.

– Нет, нет, пожалуйста, – непроизвольно воскликнула Зария и, заметив его удивление, поспешно добавила: – Это мое... официальное имя. Друзья зовут меня Зарией. Я... забываю... откликаться на Дорис.

– Зария! – мягко проговорил он. – Какое красивое имя и, между прочим, арабское.

– Да, его выбрала для меня мама, потому что оно показалось ей очень красивым.

– И она права. Зария! Я не забуду его. А Дорис Браун мы оставим для официальных случаев, – сказал Чак Танер.

Зария поступила непроизвольно и сейчас уже сожалела о сказанном. А вдруг ее второе имя должно было быть указано в паспорте? Не лучше ли было позволить ему называть себя Дорис?

С другой стороны, она всегда могла уйти от ответа на этот вопрос, всегда могла сказать, что забыла. Он так мало значил

по сравнению со всем остальным. Нет, если уж они решили притворяться близкими людьми, лучше будет, если он будет обращаться к ней по тому имени, к которому она привыкла.

Она взяла чемодан.

– И это все ваши вещи? – спросил Чак Танер. – Определенно, вы путешествуете налегке.

– А вы?

– У меня есть второй чемодан. Я оставил его в аптеке.

– Я... я что-нибудь куплю себе, когда мы приедем в Алжир, – поспешно сказала Зария. – У меня совсем не было времени на сборы. Поверенные предложили мне эту работу всего пару дней назад. Они долго не могли найти подходящего человека.

– Да, я понимаю. Что ж, до встречи и благодарю вас.

Чак Танер протянул ей руку. Зария почувствовала теплоту и силу его пожатия. Она вдруг ощутила себя странно защищенной. Но он уже взялся за ручку двери.

– Выгляните, нет ли кого в коридоре, – попросил он.

Зария молча повиновалась. В мягко освещенном, застеленном коврами коридоре было пусто. Чак низко надвинул шляпу на лоб.

– Увидимся через несколько минут, – произнес он чуть слышно и заспешил прочь, бесшумно ступая по мягкому ковру.

Зария подождала, пока он не скроется из виду, и пошла к лифту. Спустившись на первый этаж, она заплатила по счету

и пошла к центральному входу.

В большом открытом холле былолюдно: погруженные в чтение газет мужчины, занятые сплетнями женщины, семьи с детьми. Зария с интересом рассматривала лица. Вдруг среди них находятся люди, которых так боится Чак Танер? Ее воображение рисовало себе хищных пасынков, которые пытаются отобрать законное наследство у настоящего сына. «Я просто обязана помочь ему», – сказала она себе и, усаживаясь в такси, попросила швейцара распорядиться, чтобы такси ехало в порт.

Чак ждал ее у дверей внутри аптеки. Как только такси остановилось, он поспешно выскочил из дверей, бросил маленький чемодан в салон и втиснул чемодан побольше на сиденье рядом с шофером.

– Все в порядке? – спросил он, усаживаясь рядом с Зарией.

– Да, разумеется, – ответила она. – А разве вы ждали каких-нибудь осложнений?

– Сам не знаю, – сказал он. – Может быть, у меня просто расшатаны нервы, но осторожность не помешает. Итак, вы уверены, что правильно все запомнили? Кстати, весь путь из Лондона мы проделали вместе. У меня на чемоданах стоят лондонские штемпеля.

– Вы так тщательно все продумали, – заметила она. – Но неужели вы считаете, что кому-нибудь может прийти в голову проверять нас?

– Трудно сказать, – туманно ответил он. – Когда лжешь, главное – хорошо подготовиться, учесть все до мельчайших подробностей. Что с вами? – спросил он, увидев, как Зария отвернулась от него.

– Я не люблю лгать, – ответила она. – Да и не умею. Ваши слова меня пугают.

– Все будет хорошо, обещаю вам, – успокаивающим тоном произнес он. – Вам только не надо придумывать ничего на ходу. Не отступайте от версии, которую я вам изложил. Мы собираемся пожениться, и в связи с этим, а также потому, что вам нужен помощник в работе, вы никак не можете ехать без меня.

При этих словах он поднял руку и поглубже надвинул шляпу на левый висок.

– Вы пытались сделать с ним что-нибудь? – спросила Зария, кивнув на синяк.

– Да, аптекарь сказал, что это средство делает чудеса. Ну что ж, посмотрим.

– Вы превысили скорость?

– Превысил скорость? – переспросил он.

– Ну, когда попали в аварию.

– Ах да, разумеется. Боюсь, что так и было. Я очень нетерпелив. Не могу ездить медленно.

Оставшуюся дорогу они сидели молча. Их – провезли через портовые ворота к сорок седьмой стоянке, и Зария увидела «Колдунью».

До сего времени она как-то не думала о том, какой окажется яхта, ее яхта. Она не ожидала, что она будет такой белой, грациозной, роскошной, сверкающей начищенной медью, с красным навесом от солнца, с низкими удобными креслами, обитыми пурпурной тканью.

Ей хотелось закричать: «Она принадлежит мне! Мне».

Вместо этого Зария молча ждала, пока Чак расплатится с водителем. Повернувшись, она увидела, как по трапу к ним спешат два матроса – помочь поднять багаж на борт. «Колдунья» оказалась значительно больше, чем предполагала Зария. Капитан, солидный бородатый мужчина средних лет в кителе с золотыми пуговицами, вышел им навстречу.

– Приветствую вас, мисс Браун, – улыбнулся он. – Надеюсь, мы не заставили вас долго ждать. Я опасался, что из-за небольшого ремонта мы не попадем сюда раньше завтрашнего утра. Но, как видите, все обошлось.

– Здравствуйте, – нервно проговорила Зария. – Позвольте представить вам мистера Танера. Он – мой... жених.

– Жених! Это неожиданность для меня. Я не знал, что вы приедете не одна.

– Надеюсь... мистер Вирдон не будет возражать, – чуть задыхаясь от волнения, произнесла Зария. – Видите ли, поверенные очень настаивали на моем участии, а я не могла ехать без мистера Танера... мы только что обручились... и они предложили, чтобы я взяла его в качестве своего... помощника. Он – хороший специалист.

– Что ж, мне кажется, все будет в порядке, – ответил капитан. – Места у нас достаточно.

Он повернулся к одному из матросов:

– Отнесите вещи этого джентльмена в каюту.

– Будет сделано, сэр.

– А теперь, мисс Браун, позвольте, я покажу вам ваши апартаменты, – продолжал капитан. – Может быть, вы с мистером Танером хотите чаю? Стюард приготовил вам настоящий английский чай.

– Спасибо, мы не откажемся, – поблагодарила Зария.

Капитан взглянул на часы.

– Мистер Вирдон должен прибыть около шести, – сказал он. – Как вы, должно быть, знаете, вчера ночью он приплыл на «Шербуре» в Гавр, а оттуда поедет поездом. К шести они должны быть здесь.

– Тогда я смогу... поговорить с ним, – сказала Зария, взглянув на Чака.

– Хорошо, – согласился капитан. – А пока почувствуйте себя как дома.

Он проводил Зарию в ее каюту, которая показалась ей верхом роскоши. Кюта Чака находилась дальше по коридору.

– А сейчас я вам покажу каюту, которую мистер Вирдон просил выделить в качестве рабочего кабинета, – сказал капитан. Он провел их по коридору в большую, удобно обставленную каюту с письменным столом, пишущей машинкой,

обширной картотекой, фотооборудованием и машинами для очистки глины. – Мы забрали все это в Канне, – объяснил капитан. – Мистер Вирдон оставил там на хранение все оборудование, которое осталось после прошлогодней экспедиции.

– Все это выглядит очень по-деловому, – заметила Зария, почувствовав, что должна что-нибудь сказать в ответ.

– К сожалению, я еще не имел удовольствия познакомиться с мистером Вирдоном, – улыбнулся капитан, – но, судя по его письмам и инструкциям, он действительно очень деловой человек, хотя и интересуется прошлым.

– Да... похоже... – пробормотала Зария. Они вернулись в ее каюту. Объяснив, как найти столовую, капитан оставил ее. Зария закрыла за ним дверь и поднесла руки к лицу. Поверит ли по-настоящему деловой человек ее фантастической выдумке о женихе, с которым она не может расстаться? Больше того, не заподозрит ли он по ее словам или поступкам, что она – не та, за кого себя выдает?

Некоторое время она неподвижно стояла, мучимая сомнением. Внезапно в дверь постучали. Не успела она ответить, как появился Чак. Он улыбался, и, несмотря на скрывавшие его лицо И темные очки, Зария различила веселый блеск его глаз.

– Пока все идет прекрасно, – прошептал он. Путешествие начинается! Вы взволнованы или просто испуганы?

– Я боюсь! Ужасно боюсь!

– Но почему? – спросил он. – Я же здесь, и о вас позабо-

чусь.

Глава 3

Зария стояла на палубе и наблюдала за тем, как яхта выходит из гавани. Было раннее утро. Над горизонтом еще висел туман, и море было окутано дымкой. Трудно было поверить, что пройдет немного времени, и оно станет пронзительно голубым, как убор Божьей Матери.

Все вокруг казалось волшебным, будто мир утратил реальность. У Зарии было такое чувство, словно и она сама лишь плод чьего-то воображения.

«Все это происходит со мной», – без конца повторяла она себе, пытаясь поверить в то, что эта яхта – ее собственность.

«Я никогда не расстанусь с ней», – прошептала она и тут же вздрогнула при мысли о том, что когда-нибудь ей придется признаться, кто она такая. Разве сможет она отдавать распоряжение этому важному капитану?

Она вспомнила, как трудно ей было сделать выбор среди многочисленных блюд, которые предложили ей на ужин. А сколько еще проблем предстоит ей решить сегодня! Беспокойные морщины появились у нее на лице.

Мистер Вирдон не приехал к шести, как они ожидали. Пришла телеграмма, что он задержался в Париже и появится на яхте только ночью.

– Наверное, нам нельзя ложиться до его приезда, – предположила Зария, когда стюард показал им телеграмму.

– Не вижу для этого никаких оснований, – ответил Чак. – Утром у нас будет достаточно времени, чтобы сообщить обо всем мистеру Вирдону.

Зария покачала головой.

– Я бы предпочла поскорее покончить с этим. Я ужасно боюсь встречи с ним.

– Почему? – спросил Чак и, не дождавшись ее ответа, добавил: – Ну и странная же вы девушка! Кажется, вы боитесь всего на свете. Что вас так пугает? Кроме меня, разумеется.

Зария отвела глаза и оглядела большую, уютную каюту, которая почему-то не вязалась с ее представлениями о рабочем кабинете. На мгновение у нее мелькнула сумасшедшая мысль: рассказать ему всю правду, открыть, кто она такая, объяснить, почему она приехала сюда под именем Дорис Браун. Но она вспомнила, что ничего не знает о Чаке, они познакомились всего несколько часов назад. Пытаясь придать своему голосу решительность, она произнесла:

– Кажется, уместнее будет, если вы расскажете мне что-нибудь о себе.

– Ну разумеется, – обезоруживающе согласился он. – Что вы хотите знать? Мне двадцать восемь лет, я – американец. Моя мать, француженка по происхождению, вышла второй раз замуж за француза. Я хорошо знаю Европу. Курю, пью, люблю детей. Это вы хотели услышать?

– По-видимому, – с сомнением протянула Зария. У нее было такое ощущение, что, несмотря на непринужденность

поведения, он что-то скрывает. Насколько он был непохож на нее! Она была такой скованной, так нервничала, когда кто-нибудь заговаривал с ней.

– А теперь продолжим нашу беседу о вас, – сказал он. – Вы перенесли тяжелую болезнь?

Зария хотела было ответить отрицательно, но тут же вспомнила, как ужасно выглядит, как выпирают у нее скулы, как заметны черные круги под глазами. Ему никогда не понять правды, поэтому ей придется соврать, хотя бы из гордости.

– Да, я болела, – тихо согласилась она.

– Так я и подумал, – продолжал он. – Но сейчас вы чудесно отдохнете, во всяком случае, на протяжении пути до Алжира. В качестве платы за мой проезд я буду выполнять всю вашу работу, а вы будете лежать и отдыхать.

– Это было бы хорошо, – со слабой улыбкой возразила Зария, – но я сомневаюсь, что вы сможете сделать все, что потребует от меня мистер Вир дон. Эта работа требует определенной квалификации, особенно в части перевода древних рукописей.

– Тогда я даже не буду пытаться этого делать, – ответил Чак. – Но я могу печатать одним пальцем на машинке под вашу диктовку. Обещаю вам, только одним, но у меня это получается довольно быстро.

– А чем вы зарабатываете себе на жизнь? – спросила Зария. Он колебался, прежде чем ответить, и она поняла, что

не услышит от него правды.

– В свое время я занимался всем понемногу, – уклончиво произнес он. – Служил в армии, был пилотом на самолете, если надо, могу неплохо паять.

«Другими словами, вы не намерены рассказывать мне об этом», – сказала про себя Зария, но она была слишком робкой, чтобы произнести эти слова вслух. Разговор иссяк. Зария подумала, какая она неловкая и неуклюжая. И все потому, что она так долго жила вдали от людей и от мира. Многие месяцы она видела только пастухов и охотников, проходивших мимо их дома, а разговаривала только с продавцами, когда ходила за покупками в деревню, со старой Сарой, которую в глубине души начинала ненавидеть, и с отцом, если он бывал дома. Вот и весь круг ее друзей и знакомых.

Тем не менее она еще помнила те дни, когда была жива мать и их дом в Эдинбурге был полон интересными и занимательными людьми. Она появлялась перед гостями в вечернем платье, ее знакомили с лордом таким-то и сэром таким-то, с известными профессорами и знаменитыми проводниками. Повсюду звучал смех и остроумные замечания. Ее мать, казалось, обладала умением вдохновлять людей, выявлять их таланты.

Потом она умерла. Зария до сих пор помнит те бессонные ночи, которые она проводила в слезах, громко жалуясь в темноте: «Где же ты, мама? Вернись, ты так нужна мне».

После смерти матери они с отцом уехали из Эдинбурга.

Сначала они путешествовали по загранице, а вернувшись в Англию, снимали квартиру в Лондоне. Потом отец решил поселиться в Шотландии.

Это строение посреди вересковых лугов задумывалось как охотничий домик. При жизни мать не раз говорила, как там скучно. Скучно! Сейчас Зария задрожала при воспоминании о долгих зимах, на протяжении которых они с Сарой были отрезаны от всего мира. Одиночество, пустота и боль снова холодом проникли ей в сердце.

– Как красиво, вы не находите? – раздался голос у нее за спиной, и, вздрогнув от неожиданности, она обернулась. Это был Чак.

– Вы рано встали, – заметил он.

– Я подумала, а вдруг мистер Вирдон захочет поговорить со мной, – объяснила Зария.

– По-моему, вряд ли, – сказал Чак. – Стюард сказал, что они просили подать им завтрак в каюты.

– Как, все, кто с ним приехал? – удивилась Зария.

Чак усмехнулся:

– Вы, по-видимому, не понимаете причуд богатых праздных людей.

– Мистер Вирдон – не праздный человек... – начала Зария, но слова тут же замерли у нее на губах. Она вспомнила, какими странными показались ей приехавшие ночью люди. Возможно, ей просто показалось, что они чувствуют себя как-то неловко: она сама была так растеряна и испугана. Но

у нее сложилось впечатление, что, по крайней мере, двое из трех приехавших мужчин плохо держались на ногах.

Они появились только к полуночи. Они вышли из подъехавшей к яхте машины и молча начали подниматься по сходням. «Словно провинившиеся мальчишки, которые боятся, чем-то их встретят», – подумала Зария, но сразу же поняла, каким нелепым было ее предположение.

Мистер Вирдон был одет в традиционный костюм яхтсмена: белые брюки, пиджак с золотыми пуговицами и шапочка с белым верхом. Он пожал руку капитану и представил ему своих друзей:

– Мистер Эди Морган, мистер Виктор Джакобетти, – и, наконец, последней, потому что она задержалась, выходя из машины, – мисс Кейт Гановер.

– Эй, мальчики, – раздался визгливый голос, – подождите меня. Что за спешка?

И, помахивая норковым золотистым манто, позвякивая браслетами и блестя глазами, Кейт Гановер поспешила за ними вслед. Ее рассыпанные по плечам волосы отливали серебром, ярко покрашенные ногти были в дюйм длиной. От нее исходил почти удушающий запах дорогой парфюмерии.

Зария в полном изумлении наблюдала за ней. Никогда прежде не встречала она никого, кто бы походил на мисс Гановер. Даже в самом нелепом сне ей не могло привидеться, чтобы такая девушка участвовала в археологической экспедиции. Но капитан уже знакомил ее с вновь прибывшими.

– Мистер Вирдон, позвольте представить вам мисс Браун. Ей надо поговорить с вами по поводу еще одного нашего гостя, мистера Танера.

– Мистера Танера? – переспросил мистер Вирдон, небрежно пожимая Зарии руку.

– Что такое? – вмешался низенький мужчина среднего возраста, которого называли Эди Морганом. – Мы не рассчитывали, что вы будете принимать на яхте гостей.

– Подожди, Эди, – перебил его мистер Вирдон. – Дай мисс Браун объяснить нам.

Краснея и дрожа от смущения, потому что все взгляды обратились на нее, Зария промямлила:

– Я... мне казалось... вы не будете возражать. Дело в том, что... мистер Танер не мог...

– Боюсь, моя невеста слишком стесняется, – пришел ей на помощь Чак. – Надеюсь, мистер Вирдон, вы извините меня за подобное вторжение, но нам не хотелось подводить вас в последний момент. Мы ведь знали, как вы настаивали на том, чтобы у вас на яхте был секретарь.

Все дело в том, что мы, я и мисс Браун, обручились и не захотели расставаться. Мы обговорили эту ситуацию между собой и решили, что будет лучше, если я поеду вместе с ней. Я готов помогать ей в работе, так как говорю по-арабски и немного разбираюсь в археологии. – Это все для меня полная неожиданность! – сказал мистер Вирдон и посмотрел на Эди Моргану, как бы ища поддержки. – Разумеется, если мисс

Браун хочет отказаться от этого путешествия... – начал мистер Морган.

– У меня есть для вас письмо, сэр. Оно от поверенных, – вмешался капитан. – В письме ко мне мистер Патерсон жаловался на то, как трудно было выполнить ваше распоряжение по поводу секретаря. По-видимому, именно поэтому мисс Браун и ее жених переживали, что подведут вас в последнюю минуту.

– Да, да, разумеется, я все понимаю, – поспешно сказал мистер Вирдон. – Очень любезный жест с вашей стороны. Разумеется, мы будем счастливы, если мистер... э-э... Танер поедет вместе с нами.

– Если верить его словам, он сможет оказаться полезным нам, – поддержал его мистер Джакобетти.

Это был молодой человек с отсутствующим лицом, на котором странно выделялись острые, пронизательные маленькие глазки. «Поросычьи», – подумала Зария, когда он уставился на нее с таким выражением, что она сразу поняла, какой непривлекательной особой он ее считает.

– Замечательно! Тогда все улажено, – произнес Эди Морган таким тоном, будто здесь он принимает решения. – А теперь, что вы скажете насчет спиртного?

– Я рассчитывал, что вам захочется подкрепиться, сэр, сказал капитан, – и стюард накрыл для вас стол в кают-компании.

– После такого ужасного переезда мне не помешает вы-

пить чего-нибудь крепкого, – произнесла Кейт Гановер своим визгливым голосом.

В знак согласия мужчины последовали за ней и капитаном вниз по трапу в кают-компанию. Зария и Чак остались на палубе одни. Они в удивлении смотрели друг на друга.

– Какие странные люди, – тихо заметил Чак.

– Я по-другому представляла себе мистера Вирдона, – откликнулась Зария.

– И как же именно? – поинтересовался Чак.

– Очень умным, с бородой, может быть. Не таким модно одетым. Все археологи, с которыми я до сих пор сталкивалась, выглядели так, будто спали не раздеваясь.

– Он, очевидно, исключение, – сказал Чак. – А как вам понравилась дама?

Зария не сразу поняла его.

– А! Мисс Гановер? Не представляю, какую роль будет играть она при раскопках! – наконец воскликнула она.

– Я бы на вашем месте об этом не беспокоился, – ответил Чак. – Если она доберется дальше главной улицы Алжира, я станцюю вам танец живота.

Зария не могла удержаться от смеха. Впервые за многие годы ей стало весело, и она почувствовала себя с Чаком более непринужденно. Как хорошо, что он был рядом, что ей не придется одной общаться с этими странными людьми.

– Пойдемте спать, – сказал Чак. – Вы выглядите очень измученной. Можете быть совершенно уверены, сегодня мы

им больше не понадобится.

Она послушалась, потому что чувствовала себя смертельно усталой. Всю предыдущую ночь она не могла уснуть от волнения.

Зария не рассчитывала, что ей удастся как следует выспаться, но едва ее голова коснулась подушки, как она погрузилась в глубокий сон, который не в состоянии были нарушить ни гудки кораблей, ни лязг подъемных кранов, ни скрип причалов. Она проснулась только от звука заводящегося двигателя, поспешно встала и оделась.

Сейчас, глядя на Чака, она поняла, что и он хорошо выспался. Его лицо уже не казалось таким напряженным, как накануне, а глаза за стеклами темных очков весело блестели. Он уже не был затравленным, настороженно озирающимся по сторонам человеком, каким явился к ней в номер.

Наверное, он чувствовал себя так легко и непринужденно потому, что судно уже отплыло из гавани, и никакие сводные братья не могли помешать ему попасть в Алжир.

– Как ваш синяк? – спросила она.

– Он еще виден? – поинтересовался он.

– Нет, его почти не заметно.

– Он уже не болит, – сказал он. – Мне хочется забыть о случившемся. Не рассказывайте ни о чем этим людям. Они наверняка сделают неверные выводы.

– Вы боитесь, они подумают, что вы были пьяны, когда вели машину? – спросила Зария.

– Не удивлюсь, – ответил он. – Это первое, что им придет в голову, ведь они сами очень много пьют.

– Откуда вы знаете?

– Я только повторяю то, что слышал. Стюард сказал, что они легли только в два. Все это время они пили в кают-компании.

– Непохоже, что у нас будет много работы! – воскликнула Зария.

– Пойдемте завтракать, – предложил Чак. – Потом мы можем отправиться в наш рабочий кабинет и там ждать распоряжений. Завтрак был не менее восхитительным, чем ужин накануне. Но Зария снова лишь слегка притронулась к пище, хотя Чак настаивал на том, чтобы она попробовала яичницу с ветчиной, сосиски, мед, землянику и один из огромных персиков, выращенных в теплице, которые лежали в вазе рядом с громадными гроздьями винограда.

– Я не хочу ничего больше, – протестовала Зария. – Я привыкла есть мало.

– Ну, это чувствуется, – ответил он. – Вы выглядите как одна из тех дурочек, которые садятся на диету и в один прекрасный момент обнаруживают, что желудок у них прилип к спине.

– Это вышло не по моей воле, – ответила Зария с внезапной горечью.

Чак внимательно посмотрел на нее, но ничего не сказал. Почему даже в помещении он не снимал очков? Она чув-

ствовала себя неловко от того, что не может различить выражение его глаз.

Хотя, разумеется, у американцев темные очки вошли в привычку. Мистер Вирдон, когда приехал накануне ночью, тоже был в темных очках, и у Кейт Гановер тоже были огромные очки с острыми углами, которые она постоянно вертела в руках при разговоре.

«Может быть, в очках и я буду выглядеть лучше, – подумала про себя Зария. – По крайней мере, они скроют круги под глазами».

Покончив с завтраком, они прошли в рабочий кабинет. Заняться было нечем, и Чак начал рассматривать книги на полках.

– Человека, который купил все это, не назовешь педантом, – заметил он. – Здесь представлены все последние романы, все в последнее время выходившие биографии известных людей и, разумеется, неизбежные для англичанина – Дебре и «Кто есть кто».

У Зарии чуть не вырвалось: «Моя тетя была очень светской женщиной», но она вовремя одернула себя.

– Наверное, их выбирала предыдущая хозяйка «Колдуньи», – только и сказала она. – Сейчас она умерла, и яхта перешла к кому-то из ее родственников.

– Неплохое наследство! – воскликнул Чак. – Интересно, что он или она собой представляют?

Зария улыбнулась про себя. Интересно, что он сказал бы,

если бы узнал правду.

– Чак! – вдруг позвала она. – А у вас действительно нет денег? В таком случае, что вы будете делать, когда попадете в Алжир?

– Я справлюсь, главное – попасть, – небрежно ответил он.

– А вдруг ваша мать настолько больна, что не сможет ничем помочь вам? – Тогда я найду работу, – ответил он. – Кстати, я уже думал о том, будет ли мистер Вирдон платить мне такую же сумму, как и вам, или он предполагает, что мы поделим на двоих ваше жалованье.

– Я как-то не задумывалась об этом, – призналась Зария. – Разумеется, вы всегда можете получить половину моего.

– Не говорите глупостей! Я просто пошутил, – улыбнулся он. – Вы слишком серьезны, Зария. В этом ваша беда. Неужели вы никогда не смеетесь, как другие девушки? С тех пор, как мы познакомились, вы улыбнулись каких-нибудь пару раз, да и то не очень-то весело.

– Кажется, я отвыкла улыбаться, – призналась Зария.

– Почему? Расскажите мне! Зария покачала головой.

– Я хочу забыть об этом, – ответила она. – Кроме того, может быть, нам не стоит откровенничать друг с другом. Мы с вами – лишь корабли в океане, только встретились и сразу же разойдемся в стороны.

Он накрыл ее руку своей.

– Что ж, вы очень симпатичный добрый маленький кораблик, спасательный шлюп, я бы сказал.

Тут дверь в каюту открылась, и в комнату вошел Эди Морган. Его вид произвел на Зарию отталкивающее впечатление. На нем был пурпурный парчовый халат, из-под которого выглядывали оранжевые пижамные штаны. Побриться он еще не успел, и его подбородок был сизо-синим. Глаза у него припухли, и все лицо казалось помятым. Вообще, он выглядел старше и неприятнее, чем накануне ночью.

– А, вот вы где, мисс Браун, – сказал он, не обращая внимания на Чака. – Мне надо немедленно отправить каблограмму. На судне есть радист?

– Да... я думаю, есть... – неуверенно ответила Зария.

– Тогда запишите: «Мадам Бертин, Ру-Клемансо, пятнадцать, Лион три точка Встречаю Таррализе завтра днем точка Пусть Ахмед поведет другую машину точка Жду ответа точка Эди точка». Вы записали?

– Да, – ответила Зария.

– Пошлите немедленно. Сейчас она уже должна была приехать в Лион.

Последние слова он произнес, как бы обращаясь к самому себе. Он уже повернулся к двери, но голос Чака остановил его:

– Мы идем в Таррализу, сэр? Я думал, мы направляемся в Алжир. Мистер Морган уже собирался ответить Чаку, что это его не касается, но вдруг его лицо утратило агрессивность, и он произнес:

– Мне, наверное, надо объясниться с вами, мисс Браун.

Мы собираемся захватить еще пару гостей в Таррализе. Мадам Бертин – одна из них. Должно быть, вы о ней слышали. Она известная модистка, одна из самых знаменитых в Париже. Она собирается открыть в Алжире свой магазин и поэтому едет с нами. Вы сами увидите, что это за выдающаяся личность. С этими словами мистер Морган вышел из каюты и закрыл за собой дверь. – Значит, мы не сразу плывем в Алжир, – проговорила Зария. – Я вам очень сочувствую. Я знаю, как вам не терпится попасть туда.

– Ничего страшного, один день не имеет никакого значения, – ответил Чак.

– Пойду отправлю каблогранму, – сказала Зария и поспешила в рубку к радисту.

Когда она вернулась, Чак по карте измерял расстояние между Марселем и Таррализой.

– Надеюсь, мы сможем причалить там, – заметил он. – Бухта совсем маленькая.

– Наверное, капитан считает, что сможем, – ответила Зария.

– Все-таки странное место они выбрали, чтобы взять кого-то на борт.

– Очень трудно будет добраться туда из Лиона за двадцать четыре часа, – заметила Зария.

– Вы правы, – согласился он. – Очень трудно.

– Почему вы так говорите? – спросила Зария.

– Что значит «так»?

Ей трудно было объяснить это словами. В его тоне было что-то, намекающее на какие-то зловещие препятствия на пути из Лиона.

– Да нет, ничего, – ответила она.

– Послушайте, зачем мы сидим здесь? – сказал Чак. – Идите на палубу и позагорайте. Вам это будет полезно. Да, между прочим, вы, наверное, сами знаете, что не стоит ходить по судну в туфлях на высоких каблуках.

– У меня... других нет, – призналась Зария.

– Ну, мои-то вам вряд ли сгодятся, – сказал он. – Я пойду поговорю со stewardом.

Он вышел и через пять минут вернулся с парой парусиновых туфель.

– Это четвертый размер, – сказал он. – Годится?

– Всего на полразмера больше, чем я обычно ношу. Это просто чудесно, – ответила Зария. – А чьи они?

– Я так понял, что год назад у них служил очень маленький юнга. Он продержался совсем недолго: слишком много было от него неприятностей. Но поскольку хозяйка яхты обеспечивала одежду для всей команды, – по словам stewardа, это была одна из ее прихотей, – у них остался лишний комплект одежды. Я сказал, чтобы он принес свитер и брюки в вашу каюту.

– Мне? – удивленно спросила Зария.

– А почему нет? – ответил он. – В них вам будет гораздо удобнее, чем в этом костюме. Да и какие бы прелестные ве-

щицы ни присутствовали в вашем гардеробе, вам все равно не перещегоолять мисс ГанOVER.

– Я и не стану пытаться, – сказала Зария.

Интересно, догадался ли Чак, что пиджак с юбкой и блузкой был единственным ее туалетом? Конечно, глупо было с ее стороны не купить ничего в Марселе. Но тогда она была слишком испугана, чтобы делать что-нибудь, выходящее за рамки инструкции, которая предписывала ей прямо со станции ехать в отель и там ждать известий с яхты.

– Я... я их примерю на себя, – немного смущаясь, сказала она.

Парусиновые туфли, хотя и оказались слегка велики ей, были очень удобными, а белый шерстяной свитер с вышитым на груди названием яхты – уютным и теплым. Она немного смущалась, примеривая брюки: никогда в жизни она не надевала брюк.

«По крайней мере, – сказала она своему отражению в зеркале, – я не кажусь в них толстой и неуклюжей, как многие женщины в шортах или широких брюках». Она была такой худенькой, что в брюках выглядела мальчиком. Но одно дело – разглядывать себя в зеркало, другое – предстать перед людьми. Когда она снова появилась в кабинете и Чак повернулся посмотреть на нее, ей понадобилось все мужество, чтобы остаться на месте, не пытаясь спрятаться от его глаз.

– Вот так уже лучше, – сказал он. – А теперь давайте поднимемся на свежий воздух. Это лучшее средство для того,

чтобы у вас на щеках расцвели розы.

Почему-то небрежность его тона успокаивала ее. Она благодарно последовала за ним вверх по трапу на палубу. Море уже приобретало голубизну. Солнце поднялось высоко, и дымка рассеялась. Вдалеке можно было различить холмы, обступающие Марсель, а еще дальше за ними отчетливо выделялись на фоне неба увенчанные снежными шапками пики.

Солнце грело ей щеки, ветер развевал волосы, и слезы подступили к ее глазам. Так восхитительно, невыразимо прекрасно было все вокруг! Как изменилась за эти сорок восемь часов вся ее жизнь!

Она вспомнила, как без сна лежала в вагоне, уносящем ее из Шотландии в Лондон. Тогда она боялась всех и всего, а еще больше – самой себя. Она не знала, как ей вести себя, что ей делать. А сейчас все было совсем по-другому. Она сама стала другой. В нее словно вдохнули жизнь, и она уже не была одинока. Чак, странный, загадочный Чак, был ей другом.

Она старалась не думать о том, что с ней случится, когда он уйдет. Даже самой себе она боялась признаться в том, как рада, что яхта должна зайти в Таррализу.

– Я так люблю море! – внезапно проговорил Чак. – Я вам не рассказывал, что как-то участвовал в китобойной экспедиции в Исландию? Это было одно из самых увлекательных путешествий в моей жизни.

– Мужчинам везет, – вздохнула Зария. – Для них все-

гда найдется какое-нибудь интересное дело. Женщина всегда оказывается в более невыгодном положении, особенно если она не очень храбрая.

– Она должна быть храброй, – ответил он.

– А если нет, если она просто... глупая... испуганная дуручка? – спросила Зария с трепетом в голосе.

Он улыбнулся ее словам.

– Если вы говорите о себе, то вы не правы.

Мне кажется, вы очень смелая девушка. Не каждая решилась бы привести меня сюда, и я очень благодарен вам. Когда-нибудь, может быть, я смогу заплатить вам той же монетой. Зария промолчала, но на сердце у нее стало тепло.

– Тем не менее, – продолжал он, – нам не стоит разговаривать так, как сейчас. На яхте даже стены имеют уши, и снаружи не лучше, чем внутри. Ветер разносит слова, а иллюминаторы на нижней палубе могут быть открыты. И еще одно. Не будьте так суровы со мной. Я же ваш жених!

– Я постараюсь, – послушно ответила Зария.

Он взял ее под руку, и они стали прогуливаться по палубе.

– Все должны думать, что мы поглощены друг другом, – тихо сказал он. – Но мне все-таки интересно, что за раскопки планирует мистер Вирдон провести в Алжире.

– Мне тоже это интересно, – ответила Зария. – Последний раз, когда я была в Алжире, мы с моим отцом ездили в Тимгад, но это было несколько лет назад, и, кажется, там все давно уже раскопали.

– Значит, вы раньше бывали там? – спросил Чак.

– Да, но это было довольно давно, – ответила Зария, чувствуя, что они коснулись опасной темы.

– Должно быть, тогда вы были еще совсем юной.

– Да, – согласилась она. – Но мой отец принимал участие в экспедиции.

– Его фамилия была тоже Браун? – спросил Чак.

– Да, разумеется, – подтвердила Зария, поспешно высвободилась и пошла к борту яхты.

– Интересно, с какой скоростью мы плывем? – произнесла она, чтобы сказать хоть что-нибудь.

По его неторопливой походке и легкой улыбке было ясно, что он понял ее намерение избежать дальнейших расспросов. Не успела Зария сообразить, как ей вести себя с ним дальше, как на трапе появился мистер Вирдон в темных очках, облаченный в белые брюки и пиджак яхтсмена. Он прошел на палубу и устроился на солнышке в одном из удобных кресел.

– Доброе утро, мистер Вирдон! – решительно направилась к нему Зария. – Какие будут распоряжения на сегодня?

Она заметила, что его глаза за стеклами темных очков были полуприкрыты.

– А, доброе утро, мисс... Браун, – неловко ответил он. – Мне пока ничего не нужно. Хотя нет, нужно – джин с тоником! Попросите стюарда принести мне стакан побольше.

– Да, разумеется, – сказала Зария. Она разыскала стюарда

и отдала необходимые распоряжения. Вернувшись, она застала мистера Вирдона сидящим на том же месте, где оставила его. Чак исчез.

– Стюард сейчас принесет вам выпить, – произнесла Зария. – Не надо ли вам что-нибудь напечатать? Или у вас есть ко мне особые распоряжения до приезда в Алжир?

– Нет, нет, – ответил мистер Вирдон. – Поговорите об этом с Эди.

– Хорошо, я обращусь к мистеру Моргану, – сказала Зария и добавила: – Мне интересно, где вы собираетесь производить раскопки. Должно быть, в Типазе? Я слышала, что во время раскопок там в сорок девятом году был обнаружен портал замка. Или вы имели в виду какое-нибудь другое место?

– Спросите об этом Эди, – ответил мистер Вирдон. – Бога ради, обращайтесь со всеми вопросами к Эди.

В его голосе прозвучало нескрываемое раздражение, и Зария, почувствовав, что надоедает ему, покраснела и поспешно отошла прочь.

Не было никаких причин так резко разговаривать с ней. В конце концов, она старалась лишь честно отработать те деньги, которые он ей платит, быть полезной ему в качестве секретаря, тем более что на ее присутствии на яхте так сильно настаивали. Она прошла на нос судна. Чем неудобна яхта, размышляла она, так это тем, что на ней нельзя побыть в одиночестве. Рядом, на мостике, стоял капитан, мимо то и

дело сновали матросы. Даже окна офицерской каюты были открыты.

Оставался выбор: сидеть здесь, спуститься в каюту или снова столкнуться с недовольством мистера Вирдона. Она выбрала наименьшее из зол и предпочла сидеть на носу, приклонившись спиной к канату и любуясь переливающимся на солнце морем.

Море завораживало ее. Она расслабилась, нежась под теплыми лучами солнца. Дремотное состояние почти овладело ею, когда она услышала, что кто-то подошел к ней.

– Завтрак почти готов, – объявил Чак.

– Тогда я пойду умоюсь. Между прочим, Чак...

– Да? – откликнулся он.

– Вы не могли бы подождать меня в кабинете? Мне не хочется одной входить в кают-компанию.

– Хорошо, – согласился он. – Только не слишком задерживайтесь.

– Я всего на минуту, – обещала ему Зария.

Она сбегала по трапу вниз, в каюту, где вымыла руки и причесалась. Волосы легли мягкими волнами по обеим сторонам ее лица, словно только что вышли из-под рук Генри.

Зария старалась не смотреть на брюки: они по прежнему смущали ее, но белый свитер придавал ей вид заправского моряка. Внезапно она развеселилась и поспешила в кабинет.

– Я готова, – улыбаясь, произнесла она. Чак стоял возле письменного стола и держал в руке листок бумаги. Он под-

нял на нее глаза.

– Я хочу, чтобы вы взглянули на это, – произнес он. – Это развеселит вас.

Когда Зария подошла к нему, Чак вдруг, к величайшему ее изумлению, обнял ее за плечи. Она удивленно посмотрела на него, напрягшись всем телом от его прикосновения.

– Милая, – произнес он глубоким, полным чувства голосом, – я люблю тебя!

Глава 4

На мгновение Зарие показалось, что Чак сошел с ума. Его руки, обнимающие ее за плечи, его лицо, приблизившееся к ее лицу, – все повергало ее в состояние панического ужаса, и она, слабо вскрикнув, отшатнулась от него.

Только тогда она заметила листок бумаги, который он поднес прямо к ее лицу. В глазах Чака читался молчаливый приказ прочесть его.

Все ее внимание было поглощено Чаком, его близостью и силой, поэтому буквы плясали у нее перед глазами. Наконец ей удалось немного успокоиться и она прочла:

«Кто-то нас подслушивает. Подыгрывайте мне».

– Я ужасно сердит на тебя, – пробормотал Чак, все еще не выпуская ее из своих объятий.

– Сердит! – только и смогла воскликнуть Зария. Губы не слушались ее.

– Да, сердит, ты все утро провела не со мной. О чем ты думала, глупышка, когда смотрела на море с тоской во взоре? Разве ты не чувствуешь себя счастливой? Послушай, Зария! Не стоит беспокоиться по поводу моих родителей. Скоро мы поженимся, очень скоро.

Зарии удалось что-то пробормотать в ответ. Она хотела бы следовать инструкции Чака и подыгрывать ему, но почему-то все нужные слова выскочили у нее из головы.

– Мне кажется... нам пора на завтрак, – наконец произнесла она.

– Ты сводишь меня с ума, – ответил он тем же глубоким голосом, который разительно отличался от его обычного. – Я люблю тебя. Напоминай мне почаще, чтобы я повторял это тебе, любимая.

Он замолчал и посмотрел на нее. Она со страхом подумала, что сейчас он поцелует ее, но Чак рассмеялся и выпустил ее из своих объятий.

– Хорошо, хорошо. Я знаю, ты проголодалась. Надеюсь, после завтрака ты станешь добрее ко мне. Пойдем. Мне хочется чего-нибудь выпить, а тебе? Он взял ее за руку, как берут ребенка, и повел из кабинета. В коридоре, когда дверь за ними закрылась, она быстро повернулась к нему и шепотом начала:

– Что... что значит?..

Но он приложил палец к ее губам, и они молча прошли в кают-компанию. Там, во главе стола, уже сидел мистер Вирдон со стаканом джина в руке.

– Что это со всеми случилось? – ворчливо спросил он, когда они вошли.

– Извините за опоздание, сэр, – ответил Чак. – Я разговаривал с мистером Джакобетти и, боюсь, потерял представление о времени.

– И о чем вы с Виктором говорили? – настороженно спросил мистер Вирдон.

– Мы разговаривали об аэропланах, – ответил Чак.

Зарии показалось, что мистер Вирдон с облегчением вздохнул.

– Да, Виктор специалист по этой части, – заметил он.

Дверь отворилась, и в комнату вошла Кейт, а за ней Эди Морган. Зария удивленно отметила про себя, какая Кейт хорошенькая. Ночью она показалась ей несколько фантастичной, но при дневном свете бесспорно выглядела очень привлекательно. Ее волосы нежно-серебристого оттенка ярко выделялись на фоне золотистой, по-видимому, в результате искусственного загара, кожи, искусно покрашенные ресницы окаймляли большие голубые глаза, а губы изгибались как лук купидона. На ней были джинсы и свитер, которые она, очевидно, носила не столько ради удобства, сколько для того, чтобы подчеркнуть округлые, обольстительные линии тела. Ее шею украшали четыре нитки бус из крупных жемчужин, а запястья – множество золотых браслетов разного объема и формы.

Кейт подошла к мистеру Вирдону и поцеловала его в лоб.

– Привет, милый! Сегодня тебе получше?

– У меня все еще ужасно болит голова, – ответил мистер Вирдон.

– Я же говорила тебе: «Не мешай!» – бросила в ответ Кейт.

Она взглянула через стол на Зарию с Чаком и наградила их сияющей улыбкой.

– Доброе утро, – сказала она и вдруг заворуженно устави-

лась на надпись на груди у Зарии.

– «Колдунья», – прочитала она вслух тоном, в котором присутствовала насмешка. – Вы, по-видимому, верите в саморекламу.

Зария не нашлась что ответить и покраснела.

Но Чак оказался на уровне.

– Меня она уже околдовала, – сказал он.

– Ну что ж, это – главное, – произнесла Кейт, слегка передернув плечами, и уселась справа от мистера Вирдона, бросив при этом выразительный взгляд на Эди Моргана.

Хотя Эди Морган побрился и надел полотняные широкие штаны и джемпер с круглым вырезом, тем не менее он, по мнению Зарии, выглядел еще менее привлекательно, чем в халате.

– Где наши места? – спросил Чак и взял Зарию под руку.

– Где хотите, – ответил Эди Морган и, словно вспомнив, что не он является здесь хозяином, добавил: – А ты. Корни, что скажешь?

Зария в первый раз услышала, как к мистеру Вирдону обратились по имени. Она подумала, что только такой неприятный тип, как Эди Морган, мог превратить красивое имя Корнелиус в вульгарную кличку Корни.

– Как будет удобно остальным, – ответил мистер Вирдон и протянул свой стакан стюарду, чтобы тот снова наполнил его.

Все были заняты напитками, когда появился Виктор Джа-

кобетти. Он уселся на единственное свободное место слева от мистера Вирдона и заметил:

– Я только что беседовал с капитаном. Это судно движется слишком медленно. Если мы собираемся попасть в Таррализу завтра к полудню, нам надо прибавить скорость.

– Не беспокойтесь, мы без труда справимся, – произнес Чак.

Взгляды всех присутствующих обратились на него, словно он сказал что-то из ряда вон выходящее.

– Что вы понимаете в этом? – спросил Эди

Морган. В его голосе прозвучали угрожающие ноты.

– Я просто посмотрел расстояние по карте, – ответил Чак извиняющимся тоном, – и прикинул, сколько времени у нас займет путь до Таррализы при той скорости, которую назвал мне механик.

– Вы малый не промах! И что еще вы выяснили? – спросил Эди Морган. Брови Чака поползли вверх:

– О чем?

– Обо всем. Я не совсем понял, каким образом вы оказались на этой яхте?

– Мне казалось, что прошлой ночью мы все уладили, – ответил Чак. – Мистер Вирдон потребовал, чтобы ему обеспечили секретаря, который знал бы арабский и хорошо разбирался в археологии.

Произнеся эти слова, он намеренно остановился и сделал глоток из своего стакана.

– Когда мы обручились, – продолжил он, – я настаивал, чтобы моя невеста отказалась от этой поездки, но ей не хотелось никого подводить в последний момент. Действительно, по приезде в Алжир вам будет трудно обойтись без нее. Поэтому, чтобы не ставить мистера Вирдона в неприятное положение, я поехал вместе с ней и готов помочь ей во всем.

– Как это благородно с вашей стороны! – заметил Виктор Джакобетти со смешком в голосе.

– Ну что ж, все улажено, – произнес Эди Морган.

– Надеюсь, никто из вас не считает, что я навязываю вам свое присутствие, – улыбнулся Чак. – Если так, то мы с мисс Браун оставим вас, как только яхта прибудет в Алжир.

– Нет, это нас не устраивает, – уверенно сказал Эди Морган. – Нам нужен кто-нибудь, кто может говорить по-арабски, правда, Корни?

– Да, – коротко ответил мистер Вирдон.

– Черт возьми, долго мы будем разговаривать о делах? – вмешалась Кейт. – Мне кажется, замечательно, что мистер... э... как вас зовут?

– Танер, Чак Танер, – помог ей Чак.

– Замечательно, что Чак поплывет вместе с нами, – улыбнулась она. – Чем больше, тем лучше, если, конечно, дело касается мужчин. Кстати, если вы не очень заняты, мисс Браун, может быть, вы поможете мне распаковать чемоданы? Я ненавижу раскладывать все по ящикам.

– Буду рада помочь вам, – ответила Зария.

– Замечательно! А теперь давайте повеселимся! – потребовала Кейт. – Главное – это хорошие напитки. Эй, стюард! Принесите шампанского! Того, что мы пили вчера вечером.

– Слушаюсь, мисс. – Стюард посмотрел на мистера Вирдона.

– Делайте то, что вам говорит мисс Ганöver, – воскликнул Эди Морган. – Принесите несколько бутылок шампанского, и побыстрее!

– Хорошо, сэр.

Стюард вышел. Все принялись за еду. На столе были лангусты, ростбиф по-французски, сельдь по-скандинавски и дюжина других изысканных блюд.

– Тебе нужно поесть, – сказал Чак Зарии таким заботливым, любящим тоном, что она вспомнила о своей роли.

– Я постараюсь, – покорно ответила она.

– Вот это правильно, – заметил Виктор Джакобетти. – Ей следует немного поправиться. Худых женщин нельзя брать в жены: они слишком строптивы.

– Ты это знаешь по собственному опыту? – не удержалась Кейт. – Что ж, позволь сообщить тебе, Виктор, что я знавала не одну сварливую женщину, у которой отовсюду выпирал жир.

– Вполне возможно, но в целом толстяки более веселые и добродушные, – не сдавался Виктор. – Это те, кто стремится похудеть, как ты, Кейт, могут отобрать последний грош у слепого.

– Спасибо за комплимент, – ответила она. – В настоящий момент я не худею.

– Но ты мало ешь, – возразил Виктор. – Наверное, навертываешь калории спиртными напитками.

– Ты несносен, – надула губы Кейт. Она положила локти на стол и посмотрела через стол на Чака.

– Вы еще не высказали свое мнение, – произнесла она сладким, обольстительным голосом.

– Я за толстых и довольных жизнью, – ответил он.

– Женщины только тогда довольны жизнью, когда об этом есть кому позаботиться, – изрекла Кейт, прищурившись на него из-под длинных черных ресниц.

– В таком случае Зария будет довольна, – ответил он.

– Зария! Что за странное имя! – воскликнула Кейт.

– Это арабское имя, – объяснила Зария, чувствуя, что пришел ее черед принять участие в разговоре.

– Когда мы попадем в Алжир, я, возможно, буду вести себя как туземка, – проговорила Кейт. – Что вы скажете, если я буду носить яшмак и танцевать танец живота?

– Это привлечет внимание, – сказал Виктор Джакобетти, – если поблизости не будет ничего более интересного.

Его губы искривились в улыбке, словно в его словах скрывался двойной смысл. Зарии показалось, что Эди предостерегающе взглянул на него.

– По прибытии в Алжир мы все будем очень заняты, – сказал он.

– Все, кроме нас с Чаком, – ответила Кейт. – Вы поведете меня на танец арабских танцовщиц – «Ouled Nail»? Ведь именно так они его называют?

– Да, верно, – ответил Чак. – Его часто исполняют для туристов.

– О, мне не хочется посещать те места, в которых полно туристов, – капризно откликнулась Кейт. – Мне хочется, чтобы все было по-настоящему. Мне говорили, что среди арабских женщин есть просто красавицы, и они тратят каждый заработанный цент на золотые ожерелья и браслеты, так что сгибаются под их тяжестью.

– Ну, значит, ты окажешься в родной стихии, – злобно заметил Виктор.

Она бросила на него испепеляющий взгляд.

– Ну, тебя-то я не прошу пойти со мной, – сказала она. – Равно как Эди или Корни. Я разговариваю с Чаком. Чувствую, он понимает толк в подобных вещах. Вы везде побывали, ведь так, Чак?

– Когда я последний раз был в Алжире, белой женщине было небезопасно появляться в подобных местах, – ответил Чак.

– Глупости! Так всегда говорят, – вскричала Кейт. – С вами я буду чувствовать себя в полной безопасности.

Очевидно было, что она лезет из кожи вон, чтобы понравиться Чаку. Зария внезапно почувствовала, что больше не сможет проглотить ни кусочка. Однако мужчины за сто-

лом, казалось, не обращали никакого внимания на поведение Кейт. Они спокойно поглощали пищу и протягивали стаканы стюарду, чтобы он снова наполнил их.

Когда стюард подошел к Зарии, она отрицательно покачала головой, но он не заметил ее жеста и налил ей шампанского. Она сделала глоток. В последний раз она пробовала шампанское, когда они с матерью и отцом ездили на званый ужин. Когда отец разливал шампанское, мать попросила: «Налей ребенку хоть капельку. Пусть и она выпьет за наше здоровье. В этом нет никакого вреда». Они выпили за новую книгу отца. «И за нас, за нас всех», – так сказала мать.

Вкус шампанского пробудил в ней эти воспоминания. Перед ее глазами возникла маленькая гостиная с пурпурными шторами и полированной мебелью из красного дерева. Глаза ее матери сверкали от возбуждения, на губах играла улыбка. Но уже тогда она была больна. Болезнь приближалась с каждой неделей, с каждым днем, и пришло то время, когда доктора сказали, что конец уже близок и только морфий может спасти ее от боли.

Зария почувствовала, как слезы наворачиваются на глаза, и поспешно опустила стакан. Ей нельзя расслабляться. Как часто она безутешно оплакивала мать, но в конце концов научилась избегать тоскливых мыслей о матери, которые вызывали у нее боль.

– Выпей же! – улыбнулся ей Чак.

Почему-то на нее нахлынуло чувство благодарности к это-

му человеку. Ей захотелось сказать ему спасибо за то, что он думал и заботился о ней, вместо того чтобы посвятить все свое внимание хорошенькой обольстительной женщине, которая сидела напротив. Кейт вдруг откинулась в кресле.

– А чем вы, мои очаровательные поклонники, собираетесь заняться сегодня? – спросила она.

– Лично я собираюсь немного соснуть, – ответил Эди Морган. – Я уже достаточно выпил. А ты, Корни?

– Возможно, мистеру Вирдону не терпится заняться делом, – предположил Чак.

– Делом? – недоумевающе повторил мистер Вирдон, будто это слово было ему незнакомо. – Какие сейчас могут быть дела? Ему никто не ответил, и он поднялся с кресла со стаканом в руке.

– Я собираюсь посидеть на палубе, – сказал он. – Пока мы здесь, надо погреться на солнышке.

И он направился к двери – высокий, широкоплечий, но тяжело передвигающий ноги. Это свидетельствовало о том, что, несмотря на ранний час, он выпил уже слишком много и его клонило в сон. Кейт поднялась и потянулась, подчеркнув этим жестом всю красоту своего тела.

– Должна сказать, что вы все – скверная компания, – произнесла она. – Пойдемте, мисс Браун, вы поможете мне распаковать вещи. А потом я намерена тоже немного вздремнуть.

Зария встала и бросила взгляд на Чака. Он, казалось, без

слов понял ее взгляд и проговорил:

– Вы найдете меня на корме, если я вам понадобится. А пока до свидания. Он протянул руку и любовно пожал пальцы Зарии. Сделав над собой усилие, она улыбнулась в ответ и последовала за Кейт в большую каюту, располагавшуюся напротив кают-компания.

– Ваш жених очень обаятелен, – заметила Кейт. – Где вы с ним познакомились?

– В... Лондоне, – ответила Зария, отметив про себя, что должна обо всем сообщать Чаку, чтобы их слова не противоречили друг другу.

– В нем что-то есть! Кого-то он мне напоминает, только я не могу вспомнить кого. А как вы познакомились?

– Мы... нас... познакомили, – ответила Зария.

– Вы очень умная девушка, если сумели окольцевать такого мужчину, – отметила Кейт. Она оглядела Зарию с головы до ног. Ее мысли было нетрудно прочесть – такое очевидное презрение сквозило в ее голубых глазах. – А теперь, может быть, приступим к делу? Сами видите, какой у меня беспорядок, – сказала она.

Беспорядок был ужасающим. Комната была заставлена чемоданами. Одни были закрыты, другие стояли полупустыми. Часть одежды из них была разбросана по стульям, другая свисала с крышек, словно Кейт, вынимая что-то со дна, совсем не беспокоилась о тех вещах, которые лежали сверху.

К счастью, в каюте было множество встроенных в стены

шкафов с искусно расположенными подставками для обуви и бесчисленным количеством полок и ящиков.

Зария начала аккуратно раскладывать вещи, стараясь удержаться от завистливых взглядов на изящное белье и ночные рубашки всевозможных цветов и покроя, на полные нейлоновых чулок пластиковые сумки, на костюмы, платья, брюки и вечерние туалеты. Все это благоухало изысканными духами Кейт.

– Как вы считаете, на яхте честные слуги? – спросила у нее Кейт, когда она складывала оберточную бумагу в уже пустую коробку.

– Я в этом убеждена, – ответила Зария.

– Я взяла с собой бриллианты. Не хочется, чтобы их стащили, – продолжала Кейт. – Наверное, лучше было оставить их в банке.

– Так было бы безопаснее, – согласилась Зария, но Кейт возразила:

– Мы можем не вернуться в Нью-Йорк. По крайней мере, вернуться довольно нескоро. Эди непредсказуем.

Зария с удивлением посмотрела на нее:

– Значит, вас пригласил мистер Морган?

Кейт, лежавшая на спине, подняла стройную ножку к потолку.

– Разумеется, – ответила она. – Я уже два года считаюсь его девушкой. Могу заверить вас, он просто сногшибателен.

– А чем он занимается? – спросила Зария. Кейт опустила

ногу и резко села на кровати.

Зария почувствовала, что почему-то ее вопрос оказался нескромным.

– Вы очень быстро справились со всеми вещами, – сказала Кейт. – Если вы уже закончили, я, пожалуй, посплю. Во время морских путешествий мне всегда хочется спать.

– Да, конечно, – ответила Зария. – Остался всего один чемодан. Если хотите, я разберу его тогда, когда вы проснетесь.

– Хорошая мысль, – сказала Кейт. – И огромное вам спасибо за все то, что вы уже сделали.

– Не стоит благодарности, – ответила Зария.

Она была рада уйти отсюда и, прикрыв за собой дверь, чуть не бегом поднялась по трапу на палубу. Ей надо было поговорить с Чаком и узнать, что значило его странное поведение в кабинете, его слова, которые он написал ей на листе бумаги. Этот лист он потом засунул поглубже в карман брюк, чтобы впоследствии, по всей видимости, уничтожить.

Она поднялась на палубу. Мистер Вирдон удобно возлежал в одном из красных кресел под тентом. Рядом с ним сидел Эди Морган и что-то настойчиво говорил ему. Виктор Джакобетти заснул в кресле неподалеку.

Зария тихонько проскользнула мимо, надеясь, что они ее не заметят. Она нашла Чака там, где и ожидала, – на другом конце палубы, вдали от надпалубных строений, где трудно было подслушать их разговор.

При ее приближении он хотел подняться с кресла, но она

быстро опустила на палубу рядом с ним, подогнув под себя ноги.

– Рассказывайте, – выдохнула она.

– Дайте мне свою руку и смотрите на меня так, будто вы соскучились без меня. Может быть, за нами наблюдают.

Она послушно протянула руку, и он сжал ее хрупкие холодные пальцы в своих больших крепких руках.

– Мне кажется, я поймал птичку, – мягко произнес он. – У вас дрожат пальцы. Не надо бояться.

– Но я не могу, – ответила она. – Я не понимаю, что происходит.

– Я тоже, – ответил он. – Но они явно что-то подозревают.

– Откуда вы знаете?

– Я обнаружил микрофон новейшей марки. Он был прикреплен к письменному столу. У меня создалось впечатление, что Джакобетти намеренно удерживал меня в своей каюте. Он из кожи вон лез, чтобы заинтересовать меня разговором. В это время, должно быть, Морган и пристроил микрофон.

– Но зачем? Зачем? – недоумевала Зария.

– Просто, чтобы убедиться.

– В чем убедиться?

– Что мы те, за кого себя выдаем.

– Почему это может иметь для них такое значение?

Мгновение он колебался, будто не решаясь что-то сообщить ей, но потом подчеркнуто равнодушно заметил;

– Может быть, Вирдон решил, что раскопает что-то сенсационное. Все археологи стремятся быть первыми и не хотят, чтобы сведения о раскопках просочились до того, как они заявят свои права на открытие. А я могу оказаться шпионом из другой экспедиции.

– Да, разумеется.

Зария почувствовала разочарование, потому что ожидала услышать от него что-то совсем другое. Ей казалось, что за всем этим скрывается какая-то тайна, и сейчас он раскроет ее. Глупо, наверное. Ему не в чем признаваться ей.

– Они все – очень странные, – наконец произнесла она.

– А что вы думаете о Вирдоне? – спросил Чак.

– Не знаю... Он непохож на тех археологов, с которыми я раньше встречалась. Правда, все они были уже пожилыми.

– И вы ожидали увидеть старика?

– Нет, мне рассказывали, что он молод и сделал блестящие открытия в Мексике. Но... я почему-то представляла его совсем по-другому. Правда, для него археология – всего лишь побочное увлечение.

– Об этом вам тоже рассказывали? – спросил Чак. Зария заколебалась.

– Поверенный сказал мне, что мистер Вирдон получил большое наследство и существенно увеличил свой капитал, а потом, устав от игры на бирже, увлекся археологией. «Он заболел прошлым» – вот, по-моему, точное выражение мистера Патерсона.

– Очень выразительно, – сухо сказал Чак.

– Наверное, мы приступим к работе, когда попадем на место, – продолжала Зария. – Сейчас, очевидно, делать нечего.

– Вы разобрали вещи этой жизнерадостной блондинки? – поинтересовался Чак.

– Да. Почему вы ее окрестили подобным образом?

– А разве это не так?

– Так как будто бы, – согласилась Зария. – Она очень хорошенькая.

– Вы находите?

– Просто очаровательная, – сказала Зария, вспомнив огромные голубые глаза и алый капризный ротик.

Чак улыбнулся, но промолчал. Зария пошевелила пальцами.

– Можно мне забрать свою руку? – спросила

– Вы этого хотите? – поинтересовался он и, повернувшись, в упор посмотрел на нее. Зария отвела глаза.

– Я... мне кажется, вам неудобно.

– И вам тоже, – сказал он. – Хорошо! Давайте расслабимся. Но мы должны быть осторожными.

– А что они сделают, если узнают? – затаив дыхание, спросила Зария.

– Они могут высадить меня в Тарраллизе, – сказал Чак.

«О, только не это!» – чуть было не вскрикнула от ужаса Зария.

Она вдруг поняла, как ей будет страшно без Чака. Конеч-

но, страх был глупым. Стоило ей только заявить о том, что она хозяйка яхты, и ситуация изменилась бы в мгновение ока. Но все в ней восставало при одной мысли об этом. Как хорошо, что рядом был Чак. Но тут она вспомнила, что если вся компания казалась ей странной и загадочной, то Чак тем более. Она не знала о нем ничего, кроме того, что он появился в ее номере и попросил о помощи.

С другой стороны, он не был совсем посторонним. У него был друг, который знал настоящую Дорис Браун.

– О чем вы думаете? – внезапно спросил ее Чак.

– О вас, – ответила Зария.

– Вы все еще боитесь меня? – поинтересовался он.

– Боюсь?

– Ну да, как в самом начале. Я не виню вас. Наверное, страшно, когда кто-то врывается к вам в номер. Но у меня не было другого выхода. Вы были очень добры ко мне. Я постараюсь то-же помочь вам чем-нибудь.

– Но вы уже помогли, – откликнулась Зария. – Я как раз думала о том, как рада вашему присутствию здесь. Эти люди меня пугают. Чак, мне страшно!

– Почему? – спросил он.

– Не знаю. Наверное, это глупо, но Эди Морган и Виктор Джакобетти не те люди, которых ожидаешь встретить на борту такой яхты и в компании с таким человеком, как мистер Вирдон.

– Да, они выглядят как персонажи дешевого фильма, – со-

гласился Чак. – Однако не стоит о них думать. Для вас главное – сохранять спокойствие и делать все, что они скажут. В конце концов, именно за это вам и платят.

У нее было такое чувство, что он намеренно упрощает ситуацию. Но она была так испугана, что в поисках душевного равновесия готова была ухватиться за соломинку.

– Может быть, когда мы приедем в Алжир, мистер Морган и мисс Гановер нас оставят, – с надеждой произнесла Зария.

– Сомневаюсь. Сильно сомневаюсь, – сказал Чак. Он смотрел на море. С того места, где она сидела, Зария видела его профиль, четко вырисовывающийся на фоне голубого неба. В этом человеке было что-то сильное и решительное. Она подумала, что он всегда сумеет поступить по-своему, какие бы препятствия ни преградили ему путь. Внезапно перед глазами Зарии встала Кейт, как она наклонилась к нему через стол, как обольстительно полуприкрыла голубые глаза темными ресницами.

– Кейт – девушка Эди Моргана, – произнесла Зария вслух.

– Кто вам об этом сказал? – улыбаясь поинтересовался Чак.

– Она сама. Она сказала, что это длится уже два года.

– Довольно долго и для нее, и для него, – заметил Чак.

– В каком смысле?

– Я хочу сказать, что Кейт Гановер не из тех, кто отличается постоянством. Сегодня здесь, завтра там. Должно быть, я недооценивал Эди Моргана.

– Не понимаю, как мистер Вирдон может интересоваться подобными людьми, – недоуменно сказала Зария.

– А что, все археологи, которых вы знали, были очень респектабельны? – спросил Чак.

Зария вспомнила своего отца и отвернулась.

– Нет, если дело касалось женщин, – сказала она. – Но их друзья-мужчины обычно интересовались тем же, чем и они сами.

– Вы забываете, что Вирдон – американский магнат. Уверен, что Эди Морган может поговорить с ним о крупном бизнесе.

– Да, наверное, – согласилась Зария. Она чувствовала, как все ее сомнения и страхи исчезают от легкого, спокойного отношения Чака ко всему, что ей казалось таким странным и фантастичным.

– Послушайте, – внезапно сказал он. – Вам надо полежать. Принести вам кресло или вы ляжете у себя в каюте?

– Мне так удобно, – поспешно возразила Зария.

– Вовсе нет, – сказал он. – Трудно отдыхать, сидя в таком положении. Я же о вас забочусь. Разве вы не видите?

– Да, разумеется, – ответила она, вспомнив, что так полагается по роли. – Если не возражаете, я посижу здесь.

Он поднялся и пошел за креслом. Возвратился он с креслом, подушкой и пледом.

– Иначе вы замерзнете, не спорьте, – сказал он. – Люди с такой комплекцией должны принимать дополнительные ме-

ры, чтобы согреться. Им необходимы шерсть, грелки и дорогие меха.

Она рассмеялась, но послушно села в кресло, и он укрыл ей ноги. Хотя она ни капельки не замерзла, ей сразу стало тепло и уютно.

– К тому времени, как мы попадем в Алжир, вы должны быть такой же толстой, как все арабские домохозяйки. Ни один мусульманин на вас и не взглянет, если вы не изменитесь. Он сочтет, что доход от вас не оправдывает затраты.

Чак говорил весело, стараясь вызвать у нее улыбку. Тем не менее Зария с отчаянием подумала, что на нее в любом случае никто не обратит внимания. Она очень четко осознала разницу между собой и Кейт, когда разбирала те прелестные вещицы, которые лежали в чемоданах у американки. Раза два она поймала свое отражение в зеркалах, которые висели на стенах каюты, и содрогнулась от вида своего заостренного носа, выпирающих скул, резкой линии подбородка. Почему ее лицо не такое округлое и гладкое, как у Кейт? Почему руки у нее грубые, костлявые и сухие, а не теплые, мягкие и пухлые, как у других женщин?

– Вы снова выглядите несчастной, – внезапно проговорил Чак. – Выбросьте из головы все то, о чем вы сейчас думаете. От таких мыслей нет никакой пользы.

Она изумленно повернулась к нему, не предполагая такой чуткости с его стороны.

– Я думала о Кейт, – призналась она.

– И, бьюсь об заклад, сравнивали себя с ней, – сказал он.

– Да, – проговорила она.

– Хотите быть похожей на нее?

Зария кивнула.

– Наверное, все женщины одинаковы, – сказал он. – Они всегда недовольны своей внешностью. Кейт – девушка, которая добилась успеха и не преминула похвастаться им перед вами, чтобы вы, не дай Бог, не упустили этот факт из виду.

Он замолчал, повернулся к Зарии и, к ее удивлению, снял очки. Его серые глаза смотрели на нее очень по-доброму.

– Вы похожи на неоперившегося птенца, – продолжал Чак. – Он вывалился из гнезда, а у него еще не отросли крылья. Когда я увидел вас, то сразу понял, что вы растеряны и одиноки. Может быть, в действительности все было совсем не так, но у меня появилось такое чувство. У меня когда-то был пес, у которого был такой же взгляд. Хозяева плохо обращались с ним и, уехав отдохнуть, просто выбросили на улицу. Я его подобрал. Точнее, это он подобрал меня, когда я поздним вечером возвращался из гостей. К тому времени от него остались только кожа да кости, он несколько дней ничего не ел. Его так напугали, что сначала, стоило мне приблизиться на один шаг, как он отпрыгивал в сторону: боялся, что я буду его бить. Но потом он привык ко мне и целых семь лет был моим самым большим другом.

– А что с ним случилось потом? – спросила Зария.

– Его сбила машина. Он не страдал и умер мгновенно, но

вряд ли кто-нибудь на земле был так близок к смерти, как водитель этой машины.

По выражению лица Чака Зария поняла, какое значение имело для него это событие. Тогда он действительно потерял друга.

– Извините меня, – только и сказала она.

– Иногда мне кажется, что я уже стал специалистом по части подбирания бездомных, – продолжал Чак. – Как-то в Риме я нашел маленького мальчика. Его ночью подбросили на мой порог. Ему было два года, и никто не отозвался на мои объявления. Сейчас ему восемь, и он неплохо живет со своей приемной матерью, которую я нашел ему.

– Вы усыновили его?

– Что-то вроде.

– Но для этого нужны большие деньги, – вдруг вспомнила Зария.

Чак помолчал, очевидно, лихорадочно придумывая ответ.

– Честно говоря, в то время у меня были некоторые сбережения, я вложил их в дело и каждую неделю получаю определенный процент. В Италии содержать ребенка не так уж дорого.

– О, я понимаю!

Как это ни странно, но его колебания только укрепили ее уверенность в том, что он говорит неправду. И снова, будто прочитав ее мысли, он сказал:

– Вы не понимаете, почему сейчас я так стеснен в сред-

ствах, что не могу заплатить за дорогу в Алжир, но все же содержу маленького мальчика. Ведь это вы хотите знать?

– Я этого не говорила, – ответила Зария.

– Ваши мысли так же просто прочесть, как увидеть пятипенсовую монету в стакане воды, – сказал он. – Не стесняйтесь, скажите правду. Вам любопытно узнать об этом?

– Ну разумеется, – коротко ответила она.

– Когда мы попадем в Алжир, я расскажу вам обо всем, о чем вы захотите узнать, – пообещал он. – А пока я прошу вас доверять мне и постараться поверить в то, что я вам рассказал. Так будет проще для нас обоих. И еще я прошу вас меня слушаться. Обещаю вам, что никогда не обижу вас. Вы верите мне?

– Да, да, я вам верю, – сказала Зария и сама поразилась тому, как взволнованно прозвучал ее голос.

Может быть, это объяснялось тем, что она чувствовала на себе взгляд его серых глаз, чувствовала его близость. Ей казалось, что она ощущает исходящие из него силу и жизненную энергию. На этого человека можно было положиться.

Внезапно какое-то шестое чувство заставило Зарию резко повернуть голову. За спиной всего в нескольких ярдах от них стоял Эди Морган. Ступая почти бесшумно в своих туфлях на каучуковой подошве, он приблизился к ним и навис над их низкими креслами.

– Воркуете, голубки, – произнес он, как обычно растягивая гласные. Чак сделал движение, чтобы подняться, но он

удержал его за плечо: – Нет, нет, оставайтесь. Мне только надо сказать несколько слов мисс Браун.

– Мистер Вирдон хочет меня видеть? – поспешно спросила Зария.

Эди покачал головой.

– Нет, мистер Вирдон сейчас отдыхает, – сказал он. – Я обещал ему, что сам поговорю с вами.

– О чем? – спросила, начиная понимать, Зария.

Она прекрасно сознавала, что у Эди Моргана должна была быть веская причина, чтобы ее разыскивать. Тут она заметила в его руках листок бумаги, на которых обычно писали сообщения радисты. Поймав ее взгляд, он спрятал бумагу в карман.

– Видите ли, мисс Браун, – начал Эди, – мы с мистером Вирдоном посоветовались и решили, что нехорошо тащить вас в пустыню и заставлять участвовать в нашем мероприятии, коли вы собираетесь пожениться и вам хочется побыть вдвоем.

– Но... – начала было Зария, но Эди Морган нетерпеливым жестом остановил ее.

– Подождите спорить, – сказал он. – Мы много думали. Мистер Вирдон не хочет показаться несправедливым, поэтому он решил, что лучше будет, если по приезде в Алжир вы, мисс Браун, сложите с себя обязанности секретаря.

Глава 5

– Но почему? – спросила Зария. – Мистер Патерсон уверял меня, что мистеру Вирдону необходим секретарь.

– Да, я знаю, – ответил Эди Морган. – Но ситуация немного изменилась. Мадам Бертин приедет с человеком, который знает арабский.

Его руки мяли бумагу в кармане пиджака.

– Понимаю... – сказала Зария.

– Как я уже говорил, мистер Вирдон – человек честный, – продолжал Эди Морган. – Он желает вам добра, мисс Браун, и благодарен вам за то, что вы решили поехать с ним. Именно поэтому он решил устроить вам и вашему молодому человеку места на прогулочном пароходе, который идет из Алжира в Марсель через Балеарские острова. Он оплатит вам стоимость билетов и выдаст месячное жалованье.

– Зачем такой кружной путь? – воскликнул, опередив Зарию, Чак.

Эди Морган зло сузил глаза и резко спросил:

– Что вы хотите этим сказать? Мы желаем добра мисс Браун.

– Да, конечно, – ответил Чак. – Просто я подумал, не лучше ли нам будет сойти с яхты завтра, в Таррализе?

– Послушайте, молодой человек! – воскликнул Эди Морган. – Мы не просили вас ехать с нами, вы сами себя пригла-

силы. Так что не вмешивайтесь. Мистер Вирдон решил поступить так, как, по его мнению, будет лучше для мисс Браун. Если она разумная девушка, а я в этом уверен, она не рассуждая примет его предложение.

– Да, конечно, – поспешила согласиться Зария.

Ее не менее испугало выражение лица Ча-ка, чем угрожающие ноты в голосе Эди Моргана.

– Значит, договорились, – произнес Эди Морган и, повернувшись к Чаку, добавил: – Только никаких умничаний с вашей стороны, молодой человек. Понятно?

– Разумеется, – небрежно ответил Чак и преувеличенно радушно улыбнулся.

– Не забывайте, – резко сказал Эди Морган и, неслышно ступая по палубе, пошел прочь.

Еще некоторое время после его ухода в воздухе, казалось, висело что-то зловещее и угрожающее.

– Я ничего не понимаю, – прошептала наконец Зария.

– Не волнуйтесь, – ответил Чак. – До Алжира еще далеко.

– Я неловко себя чувствую. Мистер Вирдон не хочет, чтобы я оставалась на яхте. Да и работы у меня здесь нет. Почему они возражают против того, чтобы мы сошли завтра? Так было бы лучше для всех.

– Кажется, Морган так не думает, а слова Эди – закон.

– Но почему? Ведь главным является мистер Вирдон, или я ошибаюсь?

– Кто знает, – задумчиво произнес Чак.

– Что вы имеете в виду? – спросила Зария.

– Ничего, – поспешно ответил он. – У богатых людей всегда есть доверенное лицо, которое выполняет за них всю грязную работу. Мистеру Вирдону было бы неприятно сообщать вам о том, что он вас увольняет, поэтому за него это сделал Эди. Но тем не менее вы не должны сомневаться, от кого исходят эти слова.

– Мистер Морган вызывает у меня ужас, – призналась Зария. – Лучше бы мне никогда не приезжать сюда.

– Вы действительно так считаете? – спросил Чак. – В таком случае у меня не было бы возможности просить вас о помощи. Я никогда не узнал бы, как вы добры и великодушны, и не смог бы попасть в Алжир.

– Нет, нет, конечно, хорошо, что для вас все обернулось как нельзя лучше, даже если этого нельзя сказать обо мне, – ответила Зария.

– Холодает. Идите к себе, полежите. Поднимается ветер. Здешний климат очень коварен в это время года, особенно для не совсем здоровых людей. Поспите немного, а после сна попросите стюарда принести вам чаю. Для этого вам обязательно подниматься в столовую.

– Хорошо, – согласилась Зария.

Ей не хотелось уходить от Чака. Она инстинктивно цеплялась за него, как утопающий за соломинку. Однако действительно холодало, а у нее не было теплого пальто, которое можно было бы надеть на свитер.

Море стало беспокойным, и яхту подбрасывало на волнах. Чак встал и помог ей подняться с кресла. Зария подумала, как приятно иметь рядом с собой внимательного мужчину, который всегда снимет плед с твоих ног и подаст тебе руку.

– А теперь спать! Не забывайте, вам это очень полезно, – напутствовал ее Чак.

– Если вдруг мистер Вирдон захочет меня видеть, вы меня позовете? – замешкалась Зария.

– Разумеется, – ответил он. – Хотя ставлю полдоллара против пяти центов, что ни сегодня, ни завтра этого не случится!

– Почему вы так уверены?

– Просто мне кажется, что мистер Вирдон решил отдохнуть от работы, – ответил Чак.

Он явно умалчивал о чем-то, но при этом так улыбался ей, что Зарии не захотелось с ним спорить. Неуверенно ступая по качающейся палубе, она подошла к трапу и спустилась в свою каюту.

После холодного ветра снаружи здесь казалось очень тепло. Переодевшись в ночную рубашку, Зария скользнула в кровать, на мягкий матрас и пуховые подушки.

Ей хотелось немного подумать, вспомнить каждое слово, сказанное ей Чаком, понять все значение своего увольнения, спланировать обратное путешествие в Англию. Но предметы расплывались у нее перед глазами, мысли рассеивались, и не успела она осознать это, как погрузилась в уютное, теплое,

счастливое состояние сна.

«Я люблю тебя, – говорил ей Чак. – Люблю». Его руки сжимали ее в своих объятиях... Ее пробудил внезапный стук в дверь. – Войдите! – позвала она. Дверь распахнулась, и в ней появился стюард с подносом в руке.

– Я принес вам чаю, мисс, – сказал он. – Вы не пришли в столовую, и я решил, что вы отдыхаете.

– Неужели уже пора пить чай? – сонно спросила Зария.

– Уже половина шестого, – ответил он. – Поскольку вы англичанка, я решил, что вы не захотите остаться без чая.

Зария села на кровати, натянув одеяло по самую шею. Она не привыкла к тому, чтобы ее обслуживал мужчина.

– Большое вам спасибо, – сказала она стюарду, когда он поставил поднос на столик рядом с кроватью.

Здесь были бутерброды, булочки, масло, мед и множество разнообразных пирожных.

– Мне не съесть столько, – смеясь, заметила она.

– Надо постараться, мисс, – серьезно ответил стюард, – Кок предлагает приготовить для вас специальный отвар. Он делал его для нашей бывшей хозяйки, миссис Кардью, после того, как ее в последний раз оперировали. Когда она поднялась на яхту, она была еще больна, очень больна. Могу поклясться, это отвар поднял ее на ноги.

– Как интересно! – воскликнула Зария. – Вы не поблагодарите кока за его заботу обо мне?

– Я расскажу вам, как все было, мисс. Я сказал коку, как

вы хотите поправиться и как мало едите, а он мне в ответ: «Что, если сделать для нее то, что я готовил для миссис Кардью? От этого она точно пополнеет, ведь так, Джим?»

– Но я не была больна, – сказала Зария.

– Нет, мисс? – спросил стюард, и по его голосу было ясно, что он не вполне верит ей. – Ну, раз так, значит, вы сидели на слишком строгой диете.

– Возможно, поэтому, – улыбнулась Зария. – В любом случае, я была бы очень благодарна вам за отвар, если, конечно, это не очень затруднит вас.

– Совсем не затруднит, – заверил ее стюард. – И вот еще о чем я подумал, мисс.

Он сунул руку в карман и достал какую-то коробочку.

– Что это такое? – заинтересовалась Зария.

– Это витамины. Миссис Кардью их всегда принимала. Здесь у нее было несколько таких коробочек. Не раз она говорила мне: «Ешь витамины, Джим. Тогда ты долго будешь оставаться молодым и всегда с удовольствием выполнять свою работу». Я обычно брал одну-две штучки, чтобы ее не расстраивать. Не то чтобы они не приносили мне пользы, но когда я в море, у меня и так ничего не болит.

– И вы решили предложить их мне? – спросила Зария.

– Попробуйте, мисс, – серьезно проговорил стюард. – Витамины три раза в день и отвар, который сделает для вас кок, – так вы в момент станете другим человеком.

– Придется поспешить, – улыбнулась Зария. – Меня вы-

саживают в Алжире.

– Высаживают! – воскликнул стюард. – Почему, мисс? Если, конечно, мне будет позволено спрашивать.

– Мистер Вирдон решил, что может обойтись без меня, – ответила Зария. – Завтра вместе с мадам Бертин приезжает человек, который умеет говорить по-арабски. Кроме того, мистер Вирдон решил, что ему вообще не нужна секретарша.

– Удивительно, – сказал стюард, почесывая в затылке. – Мистер Патерсон писал капитану, как трудно было найти секретаря, чтобы удовлетворить все требования мистера Вирдона. Мы получили подробную инструкцию – поехать в Марсель, взять вас и все такое. Странно, что теперь, когда вы здесь, вы, оказывается, не нужны ему.

– Ну, мистер Вирдон имеет право решать, с кем он хочет работать, – сказала Зария. – Однако я очень огорчена. Мне так хотелось снова побывать в пустыне.

– Я тоже огорчен, мисс, – поддержал ее стюард. – Извините меня за такие слова, но нам всем приятно иметь на борту англичанку. Почти все гости миссис Кардю были англичанами, и, честно говоря, я не понимаю этих янки.

– Тем не менее они заплатили большую сумму за аренду яхты, – заметила Зария.

– Да, я знаю, – ответил стюард. – Но на нашем судне всегда была домашняя атмосфера. За исключением двух молодых матросов, все мы служим на «Колдунье» уже больше десяти лет. Миссис Кардю всегда этим очень гордилась. «Будто у

нас семейное предприятие, Джим», – часто говаривала она. Стюард вздохнул. – Ну да ладно! Наверное, мы все слишком привыкли к определенному порядку и не любим, чтобы нас беспокоили. В этом-то все и дело. Но все же эти американцы какие-то странные. Не знаешь, как и услужить им. Они не обращают внимания на еду, не хотят, чтобы их обслуживали, даже яхта их не интересует. Я, конечно, понимаю, эта нация не привыкла к морским путешествиям, но сегодня я своими ушами слышал, как мистер Морган сказал, что ему надоело сидеть взаперти в курятнике.

При этом воспоминании стюард даже побледнел от гнева.

– Это точные его слова, мисс, только он еще добавил ругательство.

Зария еле сдержала смех, боясь обидеть Джима. Он так гордился яхтой, которую считал своим домом.

– Может быть, следующая аренда будет более удачной, – предположила она.

– Надеюсь, – мрачно ответил Джим и добавил: – Мне очень жаль, что вы уезжаете, мисс, и мистер Танер тоже. Он очень приятный джентльмен, если вы извините меня за мою смелость. Надеюсь, что вы с ним будете счастливы.

– Спасибо, – робко поблагодарила его Зария, чувствуя, что с ее стороны было дурно обманывать этого милого, искренне сочувствующего ей человечка.

– А теперь принимайтесь за чай, мисс, и побольше ешьте, – заботливо сказал Джим. – А перед ужином я принесу

вам отвар. Миссис Кардью принимала его как раз в это время. По ее словам, он лучше любого коктейля.

Он вышел из каюты, бесшумно прикрыв за собой дверь, и Зария налила себе чаю.

Однако когда пришло время одеваться к ужину, Джим сообщил ей, что море очень беспокойно, и все ужинают в своих каютах.

– Вам не стоит выходить, мисс, – сказал он, – Я принесу вам что-нибудь поесть.

– Мне неловко так затруднять вас, – возразила Зария.

– Благослови вас Бог, мне это совсем не трудно, – отозвался Джим. – Сам-то я привык к шторму. Меня он не беспокоит. Что касается остальных, то, гарантирую вам, мало кто из них будет в состоянии съесть свой ужин.

Он проказливо улыбнулся, словно эта мысль приводила его в восторг.

– Мистер Вирдон сказал, что не будет ничего есть, а мистер Морган попросил только еще одну бутылку виски.

– А мисс Гановер?

– О, в четыре часа она приняла снотворное и распорядилась, чтобы до завтрашнего утра ее никто не беспокоил. Она очень не любит море. Сказала мне, что у нее на него аллергия.

– Что ж, если вы считаете, что мне необязательно вставать... – начала Зария, которой не хотелось покидать уютной кровати.

– Оставайтесь в постели, – совет Джим. – Вы не привыкли к морю. Будет большой ошибкой разгуливать по палубе в шторм. Дело даже не в тошноте, можно получить синяк или сломать себе что-нибудь, если не удержишься на ногах. Так что лучше оставайтесь в каюте.

Он уже собирался уходить, когда Зария остановила его вопросом:

– А как... как мистер Танер?

– С ним все в порядке. Он на мостике, разговаривает с капитаном. Они так надымили, что мы рискуем не увидеть маяк, окажись он хоть в пятидесяти ярдах.

Джим хихикнул и добавил:

– Это шутка, мисс. С мистером Танером все в порядке. Не беспокойтесь о нем.

– Не буду, – согласилась Зария.

После изысканного ужина, из которого, несмотря на упрёки и увещевания Джима, ей удалось съесть лишь очень немного, Зария приняла витамины, чтобы сделать ему приятное, и снова легла спать.

Ей хотелось увидеть во сне Чака, чтобы его голос говорил ей о любви, а руки обнимали за плечи. Ей так необходимо было почувствовать, что на свете существует мужчина, который считает тебя привлекательной. Но то ли морской воздух, то ли ужин, то ли теплая и мягкая постель были тому причиной, но она погрузилась в глубокий сон без сновидений. Он как рукой снял ее напряжение, и поутру она почув-

ствовала себя счастливой.

Зария просила Джима принести ей чай за час до завтрака, но он явился только к девяти с подносом в руках.

– Никто еще не поднимался, кроме мистера Танера, – удовлетворенно сообщил он. – Все рассказывают, какую провели ужасную ночь.

– Ночью был шторм?

– Средиземноморский шквал, – поправил Джим. – Судно слегка потрепало. Без привычки самое неприятное – это качка. Будь волна посильнее, все было бы лучше, но тряска их добила.

Он явно был в восторге от мысли, что мистер Вирдон и Эди Морган сдались так легко.

– Капитан говорит, к полудню мы будем в гавани, – добавил он. – Не спешите, мисс; море стихает. Когда мы окажемся под защитой берега, вы будете чувствовать его не больше, чем младенец чувствует покачивание своей колыбели.

Зария рассмеялась и приступила к завтраку с гораздо большим аппетитом, чем в предыдущие дни. Ей стало понятно, почему ее тетя так любила яхту и провела на ней последние годы жизни.

Бедная тетя Маргарет! Жаль, что у нее остались лишь смутные воспоминания о ней. Насколько яснее в памяти сохранились проклятия отца, которые он посылал всем родственникам, включая свою сестру!

«Змеи, ехидны, спекулирующие на человеческих чув-

ствах! – однажды разбушевался он. – Глупые сантименты по поводу того, что кто-то случайно имеет тех же родителей! Напиши ей, пусть она убирается к черту, и чем быстрее, тем лучше».

Он бросил Зарии письмо и выскочил из комнаты, громко хлопнув дверью. Она привыкла отвечать на все его письма и развернула листок, недоумевая, почему тетя вообще написала ему после двух лет молчания.

Письмо было чисто деловым и сообщало о перемещении семейных накоплений из одного банка в другой. В конце была приписка:

«Посещаешь ли ты иногда могилу наших родителей? Хотелось бы думать, что да. Меня мучает мысль о том, что она выглядит совсем заброшенной».

Зария решила, что отец разгневался из-за этой приписки, испугавшись дополнительных трат. К тому времени его скудость уже переросла в манию. Он экономил не столько потому, что был вынужден, сколько потому, что это доставляло ему удовольствие.

Зария решительно встряхнула головой, чтобы отогнать от себя воспоминания. Нельзя допустить, чтобы образ отца снова преследовал и мучил ее. Какую она проявила слабость и глупость, когда сразу после его смерти не связалась с тетей, которая, наверное, забыла бы прошлые обиды и пригласила ее к себе! Правда, к тому времени переутомление, недоедание и унижение так подорвали ее здоровье, что ее можно бы-

ло считать не менее больной, чем многих из тех, за кем постоянно ухаживают. доктора и сиделки.

«Я должна поправиться, просто должна», – сейчас повторяла себе Зария, но вдруг с упавшим сердцем вспомнила о том, что пройдет сорок восемь часов, и ее путешествие подойдет к концу. Она снова останется одна. Рядом не будет Джима, с которым так легко разговаривать, не будет Чака. В какую-то долю секунды она осознала, что значит для нее Чак, и попробовала рассмеяться: так все было нелепо. Она совсем не знала этого человека, с которым познакомилась так недавно, что даже стыдилась подсчитать точно. Удивительно, но ей стало казаться, будто она знает его всю свою жизнь. В нем было что-то необычайно доброе и сильное, отчего ей хотелось опереться на него, хотя в некотором смысле это он был зависимой стороной. «Мне надо увидеться с ним», – решила она и поспешила закончить завтрак. Ей нечего было надеть, кроме матросских штанов и толстого шерстяного свитера, которые она носила накануне. Она тщательно причесалась, всматриваясь в свое отражение в зеркале. Ах, если бы ее волосы снова стали такими же густыми и вьющимися, как были они при жизни матери. В ушах у нее до сих пор звучал материнский голос: «Какие у тебя великолепные волосы, милая! Никогда не забывай причесывать их. Волосы – одно из главных украшений женщины». Какие тогда были у нее густые волосы! Мать часто смеялась: «Того, что приходится состригать, на целый матрас хватит!»

Зария улыбнулась этому воспоминанию. Но тут же перед ее глазами возникла другая картина. Однажды мать, сев на краешек ее кровати, обняла ее перед сном и поцеловала. «Ты вырастешь и станешь очень красивой, маленькая моя Зария, – сказала она тогда. – Но сколько бы мужчин тебя ни любили, не забывай, что у тебя есть мать, и она тоже любит тебя». «Мамочка, разве я смогу об этом забыть!» «Милая моя, все дети когда-нибудь вырастают, – продолжала мать. – Надеюсь, что ты встретишь замечательного мужчину, который полюбит тебя. Только помни одно: любовь очень требовательна. В любви человек должен отдавать другому всего себя». «Я буду помнить, мама».

Тогда Зария еще не понимала всего значения материнских слов и часто размышляла над ними – «Человек должен отдавать другому всего себя». Теперь она снова задумалась о них. Интересно, что она чувствовала бы, если бы они с Чаком любили друг друга и по-настоящему обручились?

Почему-то эта мысль заставила ее покраснеть. Зария всмотрелась в свое отражение в зеркале, но не увидела ничего, кроме кругов под глазами и острых скул.

«Кто может полюбить меня?» – горько подумала она и пошла на палубу.

Чак стоял, опершись о поручни, и смотрел на скалистые берега Испании, на простирающуюся за ними землю и уходящие в небо горы со снежными пиками.

– Как красиво! – непроизвольно воскликнула Зария, вста-

вая рядом.

– Доброе утро! Как вы себя чувствуете? – спросил он. – Вижу, вам лучше.

– Почему вы так решили? – откликнулась она.

– Разве сегодня вы не смотрелись в зеркало? Джим рассказывал, как он вас подкармливает. По-моему, его метод уже начал действовать.

– Неисправимый болтун этот Джим! – воскликнула Зария. – Однако он так добр ко мне.

– Вас это удивляет? Разве кто-нибудь относился к вам по-другому?

Чак не был готов к тому, как внезапно помрачнело ее лицо.

– Иногда, – пробормотала она, отводя взгляд, словно его слова пробудили в ней воспоминания, которые заставили потускнеть ее счастье в это великолепное утро.

– Забудьте, – серьезно посоветовал он.

– О чем забыть?

– О том, о чем вы сейчас подумали, – ответил он. – Никогда не вспоминайте о прошлом, если только это не помогает вам или приносит радость. Прошлое ушло и никогда не вернется. Только будущее имеет значение.

– Такова ваша философия? – спросила Зария.

– Да, – ответил он. – Надо жить настоящим и с надеждой смотреть в будущее. Все шансы, что завтра будет лучше, чем сегодня. Ну а если не так, что ж, всегда есть послезавтра.

Зария непроизвольно рассмеялась:

– Теперь понятно, почему вы кажетесь таким счастливым.

– А я и есть счастливый, – ответил он.

Улыбка сошла с ее лица.

– Вы не забыли... – начала она и остановилась. Ведь тот факт, что ее высаживают в Алжире, никак не может сказаться на нем. Там он в любом случае хотел сойти с яхты. Мистер Вирдон и Эди Морган думают, что отправляют в Лондон двоих, а на самом деле она поедет одна, а Чак останется в Алжире.

– Послушайте, Зария... – внезапно посерьезнел Чак, но тут они услышали голос Эди Моргана, который поднимался по трапу на палубу. Чак замолчал, ожидая его появления.

– Черт бы побрал эту ужасную ночь! – воскликнул Эди Морган, увидев Чака. – Если что может удержать меня от морских путешествий, так именно это. Подумать только, мы всю Атлантику пересекли без малейшего ветерка.

– Средиземное море очень коварно, – спокойно заметил Чак.

– В этом я и сам убедился, – свирепо огрызнулся Эди, перевесившись через поручни и бросив дымящуюся сигару в море. – Вроде бы успокаивается. Хоть за это спасибо.

– К обеду станет совсем тихо, – заверил его Чак. – Как чувствуют себя остальные?

– Виктор говорит, что у него болит голова, – ответил Эди Морган. – Но, по-моему, он просто перебрал лишнего.

Он, казалось, подчеркнуто не замечал Зарию. Она была только рада этому, хотя и находила такое поведение крайне невежливым.

Яхта продвигалась вперед. Берег защищал судно от ветра, и качка совсем прекратилась. Тем не менее прошло довольно много времени, прежде чем Виктор Джакобетти показался на палубе.

– Какого дьявола ты выбрал такое место? – обратился он к Эди Моргану.

– Если ты знаешь дыру получше, то выбирал бы сам! – Ответ прозвучал резко, как пистолетный выстрел.

– Лулу придется попотеть, добираясь сюда.

– Она на машине, разве не знаешь? – рявкнул Эди. – Сейчас уже начался туристский сезон. В чем дело? Становишься беззаботным?

– Нет, разумеется, – ответил Виктор. – Конечно, дело твое, тебе лучше знать.

– Прекрасно, что кто-то сумел это оценить, – ответил Эди Морган.

Виктор, обиженный, по-видимому, не столько его словами, сколько грубым тоном, сунул руки в карманы брюк и отошел от борта.

«Ну и странные же они люди, – подумала про себя Зария. – Кажется, все они терпеть не могут друг друга».

Еле сдерживая зевоту, по трапу поднялась Кейт, еще более хорошенькая, чем всегда.

– Мы еще не приехали? – спросила она. – Можно было полежать еще немножко.

– Ты уже, по-моему, належалась, – заметил Виктор.

Кейт бросила на него презрительный взгляд.

– Кто бы говорил! – сказала она. – Слышала, вчера вечером ты не слишком-то хорошо держался на ногах. Стюард сообщил мне, что единственным, кто с честью выдержал шторм, был мистер Танер. Она улыбнулась Чаку и взяла его под руку.

– Ну-ка, расскажите, как вам это удалось? Результат действия таблеток или природная стойкость?

– Мне просто повезло. У меня, как говорится, морская душа, – непринужденно ответил Чак.

– Какой вы умный, – произнесла Кейт с подчеркнутой интонацией, соблазнительно улыбнувшись и взмахнув длинными накрашенными ресницами, которые ярко выделялись на фоне бело-розовой кожи.

Зария отвела взгляд, вдруг почувствовав себя несчастной. «Почему я не могу разговаривать с ним так, как она? Почему не могу веселиться, смеяться, шутить, дурачиться? Почему я всего боюсь и стесняюсь? Что со мной, если я не могу быть похожей на других женщин?» – с горечью думала она.

Конечно, она прекрасно знала ответ на все эти вопросы, но счастливее от этого не становилась. Как бы ей хотелось быть похожей на Кейт – хорошенькую, с соблазнительно очерченной высокой грудью, вырисовывающейся под свет-

лым вязаным свитером, который был заправлен в хлопчатобумажные брюки такого же цвета. Вокруг ее шеи была повязана бирюзовая косынка, и ее белокурые, хотя и искусственно обесцвеченные волосы, казалось, отражали солнечный свет.

– Как вы думаете, в Тарраллизе есть магазины? – спросила Кейт. – Мы могли бы отправиться на берег за сувенирами.

– Это отменяется, – резко сказал Эди Морган. – Мы приедем всего на несколько минут, чтобы забрать Лулу и Ахмета. Потом капитану приказано поживее убираться оттуда.

– О, и Ахмет приезжает? – спросила Кейт.

– Да. Я сразу подумал о том, что Ахмет нам понадобится. Я сказал Лулу, что он может вести вторую машину. Кейт хихикнула:

– Представляю, как он будет смотреться на месте шофера! Ничего смешнее не видела!

– Ты всегда некстати вспоминаешь о своем чувстве юмора! – ядовито ответил Эди.

Разговор становился все более непонятным для Зарии. Тем не менее она чувствовала, что за ним скрывался какой-то смысл. Будь она чуть поопытнее, она бы разгадала его.

– Значит, нам не удастся попасть на берег, – сказала Кейт Чаку, капризно надув губы. – А я хотела купить вам красивый испанский галстук с матадором. Он очень подошел бы к вашим волосам и лицу. Как жаль!

– Не стоит расстраиваться, вы сможете купить мне галстук

в Алжире, – ответил Чак. – А я угощу вас в лучшем баре на Ри-де-Акоса. По рукам?

– Разумеется! Мне уже не терпится, – кокетливо ответила Кейт.

Зария заметила взгляд, которым обменялись Эди Морган и Виктор Джакобетти. Взгляд этот говорил сам за себя, хотя вслух не было сказано ничего. Они постараются как можно скорее избавиться от Чака, пусть только яхта прибудет в Алжир.

Интересно, объяснялось ли это ревностью со стороны Эди Моргана? Это можно понять, ведь Кейт считалась его девушкой. Но при чем тут Виктор Джакобетти?

Яхта свернула в залив, и перед ними открылась небольшая гавань Таррализы. Это была маленькая рыбацкая деревушка: всего несколько белых домиков, спускавшихся к длинному причалу, церковь со шпилем, а за ней не представляющие интереса строения. Виноградники поднимались террасами вверх по невысоким холмам, защищавшим гавань от ветра. Вот и все. Только общее впечатление бедности.

– Смотрите, Лулу! – вдруг вскрикнула Кейт. Все увидели стоящую на причале невысокую полную фигуру, а за ней огромную гору из сундуков, коробок и чемоданов, яркая расцветка которых выглядела неуместной на грязных досках причала.

– Как много у нее багажа! – заметила Зария.

– Естественно, – ответила ей Кейт. – Разве вы не знае-

те, что мадам Бертин хочет открыть магазин в Алжире? Для этого ей понадобится много всякой одежды, и вся она должна быть сшита в Париже. Костюмы, платья, вечерние туалеты. Только подумайте, сколько всего надо привезти, чтобы заполнить магазин одеждой всех сортов и размеров.

– Ты права, – сказал Эди Морган. – Для того чтобы открыть магазин, нужно все тщательно рассчитать, если, конечно, хочешь добиться успеха. А в данном случае мы просто не можем позволить себе потерпеть неудачу, да, мальчики?

– Разумеется, – согласился Виктор.

– А твое мнение, Корни? – спросил Эди Морган мистера Вирдона, который стоял молча, упершись прямыми руками в поручни. – Как ты считаешь?

На мистере Вирдоне были неизменные белые брюки, жакет с золочеными пуговицами и белая кепка, в которых он появился на борту яхты. Он поднял голову и спросил с мрачным сарказмом:

– Тебя так интересует мое мнение?

– Конечно, интересует, – ответил Эди Морган. – Ведь это предприятие организуется на твои деньги.

Эди подчеркнул голосом слово «твой».

– Да, разумеется. Поэтому, вполне естественно, я хочу, чтобы оно оказалось удачным.

– Твой энтузиазм заражает нас всех, – сказал Эди и спросил вполголоса Виктора Джакобетти:– А где, черт возьми,

Ахмет?

– В баре, наверное.

– Очень остроумно! – воскликнул Эди. Яхта медленно продвигалась вперед в поисках места для причала. Кейт махала рукой, мадам Бертин тоже. Зария разглядела теперь, что это была женщина средних лет, сильно накрашенная, с голубыми тенями вокруг глаз и губами, которые от толстого слоя помады казались залакированными. Она была некрасивой, с темными волосами, толстыми губами, тяжелым подбородком и плотно сбитым телом. Однако от нее исходило то неуловимое очарование, которое каждая француженка, кажется, выпитывает с молоком матери. Оно сквозило в ее манере носить шляпку, в огромной нитке искусственного жемчуга на шее, больших серьгах и браслете, которые были единственным украшением для строгого, но изысканно скроенного платья, и приковывали к себе взгляд.

– Привет, Лулу! – крикнул ей Эди Морган.

– *Soyez le bein venu!* (*Рада видеть тебя! (фр.)) Наконец-то вы приехали! – прокричала она в ответ. Был прилив, и вода в заливе стояла высоко, так что им удалось причалить к самому концу пирса. На судно поднялся таможенник и за ним по пятам мадам Бертин.

– Позвольте представить вам этого джентльмена, – сказала она, бросив на офицера выразительный взгляд, от которого кончики его усов взметнулись вверх. – Он был так любезен со мной. Вы не поверите, его помощник хотел перетряхивать

все мои великолепные туалеты! Я, разумеется, сказала ему: «Невежда! Если вы запустите в них свои грязные лапы, что от них останется? Ничего! А в этих коробках сейчас тысячи, нет, миллионы франков!» Но он ничего не хотел понимать. Кретин! А вот этот мосье – совсем другое дело. Он по натуре художник. Он любит хорошеньких женщин – и в прекрасных туалетах, и без них.

Ее речь перебил взрыв смеха. Эди Морган пожал руку офицеру и представил его мистеру Вирдону. Потом они втроем скрылись в столовой, из которой раздался призывающий стюарда голос Эди Моргана и звон бокалов.

– Как поживаешь, Лулу? – спросила Кейт, любовно прислонившись щекой к щеке мадам Бертин.

– Ты все хорошеешь, Кейт, – ответила та. – Правда, ты слишком осветлила волосы. Тебе больше пойдет чуть более темный оттенок.

– Джентльмены предпочитают блондинок, – ответила Кейт.

– Неужели среди твоих знакомых есть и такие? – спросила мадам Бертин с наигранным изумлением, но тут же, хлопав Кейт по плечу, добавила: – Давай не будем пока скрещивать шпаги. Стоит нам с тобой встретиться, сразу во все стороны летят искры. Ты хорошенькая девушка и сможешь представить мои туалеты в самом выгодном свете.

Повернувшись, она окинула взглядом Чака и Зарию, которые молча стояли чуть в стороне от остальных:

– А это кто?

– Это мисс Браун, – ответила Кейт, – и ее жених, мистер Танер. Они высаживаются в Алжире. Кстати, а где Ахмет?

– Я тоже хотел спросить об этом, – вступил в разговор Виктор Джакобетти. Он не пошел в столовую, чтобы распорядиться погрузкой огромного багажа мадам Бертин.

– Ах да, Ахмет! Его со мной нет, – ответила мадам Бертин.

– Нет? – воскликнул Виктор Джакобетти. – Но я понял, что он должен был вести вторую машину.

– Произошла катастрофа... – Казалось, мадам Бертин тщательно подбирает слова. – У него были не в порядке документы. На испанской границе его... отправили обратно.

– Ясно! – Виктор Джакобетти не отрывал взгляда от ее глаз, будто пытаясь прочесть в них больше, чем можно было почерпнуть из ее слов. – Все остальное в порядке? – спросил он.

– Более или менее, – ответила мадам Бертин. – Но лучше здесь не задерживаться.

– Конечно, конечно.

Виктор прошел по палубе и заглянул в дверь столовой.

– Можно начинать погрузку? – спросил он.

Ответ, очевидно, был утвердительным, потому что он крикнул матросам:

– Эй, поторапливайтесь с багажом! Только поосторожнее! Загружайте все в трюм!

– Нет, нет, не все! – воскликнула мадам Бертин. – Три или

четыре коробки нужны мне в каюте, на них стоит надпись «В каюту». Не смешивайте их с остальными.

Виктор Джакобетти хотел было повторить ее слова матросам, но она вдруг взяла его под руку.

– Я подумала, – тихо сказала она, – пусть все принесут в каюту. Так безопаснее. Трюмы всегда обыскивают первыми.

– Да, конечно, – согласился он. – Выберите то, что хотите оставить у себя, а остальное можно перенести к Кейт.

Мадам Бертин поспешила по сходням и начала отдавать распоряжения: по-английски – матросам и по-испански – их помощникам из числа местных жителей. Стало так шумно, словно все разом заговорили, но все звуки перекрывал голос мадам Бертин.

Когда багаж начали поднимать на борт, дверь в столовую распахнулась, и из нее вышел таможенник, вытирая рот тыльной стороной ладони, в которой была зажата внушительная пачка долларов. Он сунул их в карман, изящно салютнул и спустился по трапу на причал, чтобы распорядиться погрузкой.

Зария решила пойти к себе. Ей не хотелось, чтобы испанцы перепутали ее каюту с каютой Кейт. Правда, багажа было столько, что можно было заполнить сундуками и чемоданами все помещения яхты.

Отделившись от группы наблюдающих, Зария пошла к трапу. В этот момент Виктор Джакобетти поймал Эди Моргану за рукав и притянул к себе.

– Одну минуту, Эди! – Он говорил очень тихо, но подходящая к ним Зария отчетливо слышала каждое слово. – Ты в курсе? Этого проклятого дурака Ахмета сцапала полиция!

Глава 6

Миновав Эди Моргана и Виктора Джакобетти, Зария быстро скользнула вниз по трапу в пустой и темный коридор. Остановившись внизу, чтобы перевести дух, она услышала, как Эди Морган сказал:

– Идиот несчастный! Я с самого начала убеждал вас, что глупо впутывать его в это дело.

Он говорил очень тихо, почти шепотом, но до Зарии доносилось каждое слово. Инстинктивно, не сознавая того, что подслушивает, Зария задержалась, чтобы услышать ответ Виктора Джакобетти:

– Все в порядке, иначе она не добралась бы сюда. Она сказала, что он всего лишь наемный шофер.

– Какой риск! – взорвался Эди. Он говорил по-прежнему тихо, отчего его слова прозвучали еще более выразительно и зловеще.

– Да, но, по всей видимости, ей поверили.

– Нужно поскорее смываться отсюда.

– Ладно!

Зария уже собиралась уходить; когда услышала, как Эди добавил, словно внезапно вспомнив:

– Что же мы будем делать без Ахмета в Алжире?

– Да, я и забыл, – ответил Виктор. – Ну, у нас есть эта девчонка.

– Мы рискуем, – резко заметил Эди.

– Она в порядке. Вот парень меня беспокоит.

– Значит, нужно заняться им, вот и все, – сказал Эди. – А

ты поторопи капитана, чтобы побыстрее выходил в открытое море.

Они ушли. Зария, ухватившаяся за перила лестницы, почувствовала, что дрожит. Какое-то время она была не в состоянии пошевелиться, потом, словно внезапно обретя силы, бросилась к себе в каюту, захлопнула за собой дверь и привалилась к ней своим худеньким телом, будто боясь, что кто-то попытается войти к ней. Что значил этот странный разговор шепотом? Она сжала руками виски, пытаясь докопаться до его смысла и одновременно не желая поверить в то, о чем говорил ей рассудок.

Эти люди были преступниками! Она была в этом уверена. Но на чем основывалась ее уверенность? На нескольких подслушанных ею словах, которые она могла неверно истолковать. И, однако, стоило только посмотреть на Эди Моргана, услышать его речь, чтобы решить, что тут что-то нечисто. Но как же мистер Вирдон? Знает ли он? Участвует ли сам в этом деле? И если да, то почему?

Зария заперла дверь на ключ и уселась на низкое удобное кресло рядом с иллюминатором. Через него пробивались лучи солнца, образуя на полу маленькое золотое озеро. Сверху, с палубы, доносились шаги, английские и испанские реплики, взрывы смеха, шум перемещаемого багажа.

Потом багаж стали спускать вниз. Зария услышала звук открываемой двери и голос отдающего распоряжения Джима с характерным говором лондонских окраин.

Она прижала руки к щекам. Должно быть, она сошла с ума, если ей пришли в голову подобные мысли. Ну, конечно, это обычная увеселительная прогулка. Друзья мистера Вирдона сопровождают его в Алжир. Если это ей кажется странным, так только потому, что она долго не общалась с людьми.

«У нас есть эта девчонка». – Виктор говорил о ней, Зарии. Значит, раз Ахмет не приехал, они собираются использовать ее в качестве переводчицы.

Зария почувствовала, что дрожит. Ей грозила опасность, она физически ощущала ее, хотя и не могла сформулировать, в чем она состоит. Какие услуги потребуются от нее? Что вообще они замышляют? И как же Чак? Эди сказал, что они «им займутся». Эти слова прозвучали зловеще и угрожающе.

Зария вскочила на ноги. Нужно немедленно найти Чака и предупредить его. Пусть он решает, как им поступить. Ситуация казалась ей слишком запутанной, чтобы она сама могла разобраться в ней.

Возможно, Чак просто посмеется над ее страхами и скажет, что все это глупости, что мистеру Вирдону, американскому магнату, незачем участвовать в темных делах.

Но что может интересовать таких людей, как Эди, Виктор и Кейт, кроме денег, разумеется? Чак разрешит все ее

сомнения. Он объяснит ей, что Эди мог понимать под выражением «займемся им».

«Нельзя поддаваться панике. Надо сохранять спокойствие», – думала Зария, чувствуя, как колотится сердце.

Она посмотрелась в зеркало. Ее лицо в спадающих крупными волнами волосах казалось бледнее, чем обычно. Она сердито потерла руками щеки.

«Они обязательно что-нибудь заподозрят, если я явлюсь перед ними в таком виде», – подумала было она, но тут же с горькой улыбкой вспомнила, как мало внимания на нее обращали. Какое им было до нее дело? По крайней мере, до того момента, как Ахмета «сцапали полицейские», как выразился Виктор.

Зария отперла дверь и вышла в коридор. Каюта Кейт была открыта. Джим отдавал распоряжения матросам, чтобы они поставили один из сундуков мадам Бертин в угол, где он никому не будет мешать.

Зария внезапно почувствовала острое желание оказаться рядом с Чаком, услышать его голос, опереться на его силу и мужество.

«Он решит, как нам надо вести себя», – повторяла она себе, пытаясь успокоить испуганно бьющееся сердце.

Зария вышла на палубу в тот момент, когда убирали сходни. Испанцы, помогавшие при погрузке, и таможенный офицер выстроились на причале и желали им попутного ветра.

– Адью, сеньоры! Адью!

Судя по их улыбкам, им хорошо заплатили за работу.

Яхта отчалила. Таможенник отдал им честь на прощание.

В ответ мадам Бертин помахала ему рукой.

– Какой обаятельный мужчина, – заметила она мистеру

Вирдону.

– Вы определенно испробовали на нем свои чары, – ответил мистер Вирдон.

Мадам Бертин бросила на него взгляд сквозь густо накрашенные ресницы.

– Я... Как это у вас говорят?.. Загипнотизировала его, – сказала она, подкрепив свои слова выразительным жестом, и расхохоталась.

Зария огляделась в поисках Чака. Его нигде не было видно, и у нее перехватило дыхание от страха, что с ним что-то случилось. Его не было и под пурпурным навесом, где сидел Виктор с неизменным стаканом в руке, и она поспешила дальше.

Когда она миновала надпалубную постройку, перед ней открылся нос судна. Там она увидела Чака. Он стоял рядом с Кейт и держал ее под руку, наблюдая за тем, как корабль выплывал из гавани в открытое море.

Кейт, подняв к нему лицо, что-то серьезно говорила ему. Ее привлекательный профиль с маленьким, чуть вздернутым носиком и полными губами четко вырисовывался на фоне голубого неба. Чак смотрел на нее с высоты своего роста.

Их близость и отчужденность от всего, что не участвовало

в их разговоре, заставили Зарию замереть на месте. Некоторое время она была не в силах пошевелиться, потом в изнеможении привалилась к капитанскому мостику.

Разговор был, очевидно, сугубо личным и откровенным. Она поняла это, хотя не могла слышать ни одного слова. Чак стоял спиной к солнцу, поэтому трудно было различить выражение его лица, но Зарии показалось, что на нем играла улыбка. Наверное, он ощущал аромат изысканных, дорогих духов Кейт, наклоняясь к ее живому, энергичному, хорошенькому личику.

Прошла, должно быть, целая минута, прежде чем Зария повернулась и побрела назад. Она шла медленно и тяжело, словно в одно мгновение из нее ушла молодость и она превратилась в старуху. Сотни мыслей теснились у нее в голове. Что она знает о Чаке? Ничего! Кто он такой? Откуда? Почему она поверила ему, когда он ворвался к ней в номер, прося о помощи? Разве удивительно, что теперь, добившись своего, он потерял всякий интерес к ней?

Уже прошлым вечером было ясно, что Кейт находит его привлекательным и намерена прибрать к рукам.

«А мне-то какое дело до всего этого? Почему мне это так неприятно?» – спрашивала себя Зария.

Ей трудно было выразить словами, как много значил для нее Чак, разве сказать, что он казался ей единственной опорой в этом страшном мире.

Зария уже подошла к трапу и хотела было спуститься к се-

бе, но почувствовала, что кто-то тронул ее за руку. Обернувшись, она увидела рядом с собой Эди Моргана. Она непроизвольно отшатнулась, но он удержал ее и дружески, как добрый знакомый, взяв под локоть, повел под алый навес к остальным.

– Пойдемте со мной, мисс Браун, – сказал он. – Мы вас искали. – Он остановился и с улыбкой окинул взглядом ее маленькую дрожащую фигурку. – И почему, черт возьми, мы до сих пор зовем вас «мисс Браун»? – спросил он. – У вас прелестное имя – Зария. Так, кажется, зовет вас ваш жених? Так вот, Зария, мистер Вирдон хочет поговорить с вами.

«Так я и знала», – подумала Зария.

Ничего не оставалось, как только позволить Эди провести себя по палубе и посадить в одно из пурпурных кресел рядом с мистером Вирдоном.

Зария чувствовала на себе взгляд похожих на пуговицы глаз Виктора и неприкрытое любопытство мадам Бертин.

– Лили, – произнес Эди, обращаясь к мадам. – Ты незнакома с Зарией? Она – секретарша Корни. Очень хорошая секретарша, смею заверить тебя, хотя до сих пор Корни не очень загружал себя работой.

– Очаровательно! – сказала мадам Бертин по-французски и добавила по-английски: – Очень приятно познакомиться с вами, мадемуазель.

Зария хотела подняться и пожать ей руку, но Эди удержал ее. Он не понимал, что одно лишь его прикосновение вызы-

вало у нее дрожь.

– Обойдемся без формальностей, – твердо сказал он. – Все мы здесь друзья, просто друзья, ведь так, Корни?

– Надеюсь, – несколько чопорно ответил мистер Вирдон, и все расхохотались, будто он сказал что-то необыкновенно остроумное.

– А сейчас послушайте, Зария, – продолжал Эди, усаживаясь рядом с ней. – Вчера я сказал вам, что Корни решил, что вам с вашим молодым человеком следует возвращаться домой, потому что было бы нечестно удерживать вас здесь, тогда как вам хочется побыть наедине друг с другом. В этом виден его благородный характер, но он же и является источником всех его бед. Корни всегда действует импульсивно, всегда заботится о других. Ведь я не ошибаюсь, Корни?

– Надеюсь, что так, – ответил мистер Вирдон. – Во всяком случае, я стараюсь так поступать. Слишком часто богачи забывают, что на свете существуют гораздо менее удачливые люди.

Он говорил торжественным тоном, но при этом его лицо в темных очках не изменило свойственного ему равнодушного выражения. Зария почувствовала фальшь. Ей не верилось, что он думал о ней, когда хотел высадить ее в Алжире. Просто она была не нужна ему, если с ними Ахмет.

– В этом весь Корни, – продолжал Эди Морган. – Из-за своего доброго сердца сейчас он очутился в затруднительном положении. Наш друг, который должен был приехать вме-

сте с мадам Бертин... его задержали непредвиденные обстоятельства. Он заболел, если быть точным, и не может принять участия в нашем путешествии.

Именно поэтому, Зария, мы просим вас проявить немного мужества и забыть то маленькое предложение, которое мы сделали вам вчера вечером. Оставайтесь с нами и откажитесь от скорой поездки в Англию вместе со своим женихом! Это наша общая просьба, ведь так, Корни?

– Мы будем очень благодарны вам, мисс Браун, если вы согласитесь вернуться к предыдущей договоренности, – произнес мистер Вирдон.

– Это касается и мистера Танера?

Вопрос вырвался у нее невольно. Зария заметила взгляд, которым обменялись между собой Эди и Виктор, прежде чем первый из них ответил:

– Куда вы, туда и мистер Танер! Такова была наша договоренность. Мы не собираемся возражать против его присутствия и рады видеть его вместе с нами. Кажется, он неплохой малый, ведь так, Корни?

– Разумеется, мы будем рады видеть мистера Танера среди участников нашего путешествия, – ответил мистер Вирдон.

– Значит, решено, – с удовлетворением произнес Эди Морган. – Спасибо, Зария. Вы поступили благородно. А сейчас надо выпить, чтобы отпраздновать наш союз. Что скажешь, Лулу?

– Я за, – ответила мадам Бертин, бросив взгляд на пустой

бокал.

– Стюард! – громко позвал Эди Морган. – Где, черт возьми, этот стюард? На этой проклятой лодке недостает бара, где мы могли бы сами наливать себе все, что нам нравится. Терпеть не могу английских слуг, которые стоят над душой и наливают только тогда, когда сами сочтут нужным, и при этом в весьма ограниченном количестве.

– Нужно привыкать к европейскому образу жизни, – наставительно заметил мистер Вирдон. – Здесь не любят наших грубых американских замашек.

– Ты как всегда прав, Корни! Мы будем вести себя так, как того требуют обстоятельства. Стюард!

Появился Джим с серебряным подносом, на котором стояла бутылка виски и несколько пустых стаканов.

– Это то, что вам нужно, сэр? – спросил он.

– Ты становишься сообразительным, – ответил Эди. – Поставь на стол. Кому-нибудь заказать что-нибудь другое? Вам, Зария?

– У меня есть суп для вас, мисс Браун, – сказал Джим, прежде чем Зария смогла ответить. – Кок только что его приготовил. Я сейчас принесу вам, мисс.

– Суп! А это что за напиток? – вмешался Виктор. – Вам надо чего-нибудь покрепче. Это придаст блеск вашим глазам и вызовет улыбку на ваших губах.

– По-моему, он хочет, чтобы я немного поправилась, – робко объяснила Зария.

– Нет, нет! Не позволяйте ему, – воскликнула мадам Бертин. – Вам так повезло, что вы худенькая. Я с января сижу на диете, и посмотрите на меня! Похудела всего на три фунта.

– Ты никогда не похудеешь, Лулу, – сказал Эди Морган. – Ты слишком много пьешь и слишком любишь хорошую пищу.

– Что еще ждать от американца, кроме правды, – с неприязнью ответила мадам Бертин. – Француз сказал бы, что я и так само совершенство.

– Нельзя верить ни единому слову этих лягушатников, – грубо сказал Эди Морган, наливая в ее стакан изрядную порцию виски и передавая его через стол.

Мадам Бертин ответила ему какой-то остротой, которая вызвала взрыв смеха у всех присутствующих, но Зария уже не слушала их. Все ее силы уходили на то, чтобы не прислушиваться к шагам за спиной.

Неужели Чак с Кейт еще разговаривают? О чем? В чем может признаваться ему Кейт?

С того момента, как Зария увидела их вдвоем, в ее горле образовался ком, который мешал ей дышать. Кейт была такой привлекательной и так умело обращалась с мужчинами, обольщала, завлекала, соблазняла, вроде тех женщин, о которых пишут в романах! Она, в облегающем ярком свитере, с позвякивающими браслетами, длинными ярко-красными ногтями и подведенными голубыми глазами, казалось, сошла со страниц иллюстрированного журнала. Одна ее жи-

вость могла удержать любого мужчину, даже если все ее речи были пусты и глупы.

«Почему Эди Морган не ревнует ее?» – подумала Зария. Сейчас он разговаривал с мадам Бертин. Наружность у него была неприятной, даже отталкивающей, в нем присутствовало что-то жестокое. Кейт считалась его девушкой, однако его несколько не беспокоило, что она кокетничает с другим мужчиной.

Позади послышались шаги. Зария стремительно обернулась, но то был всего лишь Джим, который принес ей суп.

– Кок приветствует вас, мисс, и советует есть его горячим. Так будет вкуснее.

– Спасибо, – улыбнулась Зария. – Пожалуйста, поблагодарите кока от моего имени и скажите, что суп очень вкусный.

– Он будет рад это слышать, мисс, – сказал Джим.

– Вас здесь балуют, – язвительно заметил Эди Морган. – Мне никто супу не предлагал. А тебе, Виктор?

– Зачем он тебе сдался? – грубо ответил Виктор. – Единственный напиток, который ты признаешь, кроме шотландского виски, – это зубной эликсир. Думаю, в него ты тоже вливаешь капельку, чтобы было не так противно полоскать рот.

– Обед подан, сэр, – провозгласил Джим. Эди не ответил на колкости Виктора и сказал только:

– Пошли. Думаю, Лулу проголодалась. А где остальные?

– Я уже известил мисс Гановер и мистера Танера, – сказал

Джим.

Не успел он произнести эти слова, как появились Кейт с Чаком.

– Вы не оставили мне чего-нибудь выпить? – требовательно спросила Кейт.

– Нет, раз ты опоздала, тебе ничего не достанется, – ответил мистер Вирдон. – Жратва подана, пошли есть. Вдруг опять будет шторм, а я не собираюсь снова оставаться без пищи.

– Да, правда! – воскликнула Кейт. – Лулу, ты не представляешь, какая была непогода! Мы все чувствовали себя просто ужасно!

Она взяла мадам Бертин под руку и, весело болтая, повела ее в столовую. Зария не могла оторвать взгляда от Чака. Он улыбнулся ей в ответ, но ей показалось, что в его улыбке недоставало былой теплоты.

«Я все выдумываю», – поспешила успокоить она себя, однако почувствовала такое отчаяние, что, резко отвернувшись, последовала за остальными.

Обед был превосходным, но Зария с таким же аппетитом могла бы жевать песок. Голоса и смех доносились до нее как бы издалека. Она была не в силах понять, о чем идет разговор, и думала только о Чаке. Зачем он сел рядом с Кейт на противоположной от нее стороне стола?

«Садитесь со мной», – сказала Кейт, и он послушно сел рядом, оставив ее, Зарию, сидеть справа от Виктора.

Мадам Бертин, расположившись между Эди Морганом и мистером Вирдоном, развлекала их рассказом о том, как ей удалось втиснуть весь свой багаж всего в две машины.

– Как я ни старалась, две коробки так и не влезли, – рассказывала она. – Тогда портье говорит мне: «Мадам, мы можем отправить их с поездом». А я отвечаю ему: «Нет! Куда я, туда и мои платья! А вдруг вы их похитите!» Они все посмеялись надо мной, но все-таки мы впихнули и это, и отправились в путь на предельной скорости.

– Что за платья ты привезла, Лулу? – поинтересовалась Кейт. Она что-то нашептывала на ухо Чаку, Зария не могла разобрать, что именно, но теперь ее захватила мысль об одежде.

– Платья на любой случай, – пояснила мадам Бертин. – И по любым ценам. Я посетила все большие магазины, посмотрела на то, что они предлагают, и сделала свою коллекцию. Изысканную, уникальную, божественную! И все специально для Алжира! Туда не имеет смысла везти то, что пользуется популярностью в Лондоне, Нью-Йорке или Риме. У меня есть как раз то, о чем мечтают женщины Алжира. Не забывайте, они тоже француженки, у них есть вкус!

– Это значит, – с милой гримаской произнесла Кейт, показывая на себя пальцем, – что мы, неотесанные американки, вовсе его не имеем.

– Я этого не говорила, дорогая, – ответила мадам Бертин. – Но ты не хуже меня знаешь, что француженки более

разборчивы в платьях, чем любые другие женщины в мире.

– И несмотря на всю эту суету вокруг одежды, они не так уж хорошо выглядят, – презрительно заметила Кейт.

Глаза мадам Бертин сверкнули.

– Ты сама не понимаешь, что говоришь, глупышка. Американкам и англичанкам легко выглядеть привлекательными. У них светлая кожа, светлые волосы, голубые глаза! Хорошенькие куколочки с оборками, кружевами, лентами и драгоценностями, но не больше. Французская женщина сделана из другого теста. Пусть у нее нет цвета лица, волос или фигуры американки, но она тщательно заботится о себе, у нее хороший вкус, поэтому она – самая изящно одетая, самая очаровательная женщина мира.

– Думаю, Лулу права, – сказал Виктор. – Во француженках что-то есть, можете мне поверить.

– Дело не в одежде, – ответила Кейт. – Просто они женщины, а ты – мужчина. Они не меньше привлекали бы тебя, если бы были обернуты в какие-нибудь тряпки.

– Что за мысль! – поморщилась мадам Бертин. – Женщину делает платье! Главное заключается в том, что она носит и как! Тебе легко говорить, Кейт, ты очень хорошенькая девушка. Но обычная француженка не обладает твоими преимуществами. У нее может быть плохая кожа, непропорциональная фигура. И однако, если она оденется у меня, внимание мужчин будет приковано к ней, а не к тебе.

– Ты лжешь! – воскликнула Кейт. – Все обстоит совсем

по-другому, вы согласны со мной, Чак? Скажите им.

– Дайте мне девушку, любую девушку, – не сдавалась мадам Бертин, – и я совершу чудо. Я научу ее, как вести себя, и одену так, что вы сразу поймете, что я гениальна, да, я не боюсь этого слова! Это послужит тебе уроком, моя хорошенькая, легкомысленная Кейт.

– Я не верю тебе, – упрямо возразила Кейт. – Можно рассуждать сколько угодно, но готова поставить мой последний доллар, мужчину больше всего привлекает то, что остается у женщины, когда она снимает платье.

– Когда-нибудь я докажу тебе, – сказала мадам Бертин. – Я докажу, как Франция легко может одержать победу там, где Америка признает свое поражение. Вы, молодежь, думаете, что постигли науку оболыщения. Фи! Француженки всегда управляли миром – через своих мужчин, разумеется.

– Если дело пошло на спор, то я ставлю на Кейт, – сказал Эди.

– Милый, в наших рядах прибыло, – засмеялась Кейт. – Лулу придется раскошелиться.

– А вот я не уверен в том, что не поддерживаю Лулу, – заметил Виктор. – В ней что-то есть, как во всех этих француженках. Я уже говорил вам. Дело не в чертах лица и не в фигуре, а в чем-то другом.

– В их одежде, – ответила мадам Бертин.

От возбуждения ее голос почти поднялся до крика.

– Мне бы хотелось посмотреть на это соревнование, –

вступил Чак. – Хотя я и не согласился бы быть судьей.

– Но вы им будете, – внезапно произнесла Кейт, сверкнув глазами. – И еще Корни, и Эди, и Виктор. Мы заставим Виктора подавиться собственными словами.

– Что ты задумала? – с интересом спросил Виктор.

– Мы устроим конкурс, здесь и сейчас, – ответила Кейт. – Сегодня вечером я из кожи вон вылезу, чтобы выглядеть как нельзя лучше. Увидите, на что я способна. А что касается тебя, Лулу, то вот твоя жертва! Сделай из нее все, на что ты способна. – И Кейт указала пальцем на Зарию, к изумлению и негодованию последней. Потом добавила с горделивым блеском в глазах: – Вот она. Что ж, Лулу, докажи свои слова! Сделай ее красивой!

– Нет! – поспешила возразить Зария. – Я не хочу в этом участвовать.

– Не надо артачиться, – сказал Виктор. – Ведь это всего лишь шутка. Надо же нам как-то убить время. Позвольте Лулу сделать все, что она может... или не может. Если, конечно, она согласна. Что ты на это скажешь, Лулу?

Зария почувствовала на себе взгляд мадам Бертин, которым та окинула ее с головы до ног, словно раздевая ее жалкое, худенькое тело. К полному изумлению девушки, мадам Бертин согласно кивнула:

– Хорошо! Пусть будет так. Я отвечаю за свои слова. Каковы ставки?

– Сто долларов? – предложил Эди Морган. – Или двести?

– Пятьсот, – ответила мадам Бертин. – Во столько это мне обойдется. Кроме того, я настаиваю на тайном голосовании. Никто не будет знать, чьи голоса были в пользу той или другой девушки. Принимается?

– Да, – коротко согласился Эди Морган. – Только без обмана, Кейт! Я не собираюсь в течение шести месяцев выдерживать твои истерики, если проголосую против тебя.

– Только попробуй, и я тебя задушу! – сказала Кейт. – Это относится и к вам, Чак, – добавила она, вскинув голову в откровенно обольстительном жесте.

– Я постараюсь быть столь же объективен, как, я надеюсь, будет мистер Морган, – ответил Чак.

– Но, послушайте, пожалуйста! Я не хочу в этом участвовать, – еле слышным голосом взмолилась Зария.

– Ну же, где ваш спортивный азарт? – принялась увещевать ее Кейт. – Это всего лишь шутка. Мне нужен предлог для того, чтобы одеться как следует. И от Лулу не убудет открыться парочку чемоданов. Их и так слишком много.

– Нам они понадобятся, – сказала мадам Бертин. Сузив глаза, она все еще разглядывала Зарию. Девушка чувствовала себя так, словно ее рассматривали под микроскопом.

– Мне бы не хотелось в этом участвовать, – с отчаянием в голосе повторила она, моля глазами Чака о помощи.

Но он в ответ только улыбнулся:

– Мадам Бертин очень знаменита. Любая девушка с радостью ухватилась бы за такую возможность.

Все были против нее. Зария была для них лишь игрушкой. Что бы она ни сказала или ни сделала – ничто не могло заставить их отказаться от предстоящего развлечения. Она с отчаянием вздохнула.

– За суд Париса, – провозгласил Виктор, поднимая бокал. – Ведь это тот парень, который подарил яблоко самой красивой девушке? Не слишком роскошный приз!

– На самом деле яблоко было золотым, – заметил Чак.

– Это, конечно, меняет дело, – ответил Виктор. – Но все равно, думаю, девушка была бы больше довольна, если бы оно было усыпано бриллиантами.

– Ты неглуп, – сказала Кейт. – Лично для меня бриллианты – самый лучший подарок в любое время суток и года.

Зария готова была разрыдаться: такой она чувствовала себя одинокой и покинутой. Еще утром она считала, что у нее есть на кого опереться, потому что рядом был Чак. Пройшей ночью, уже засыпая, она думала о его обещании заботиться о ней, о теплоте его рук, взгляде серых глаз. Они, казалось, заверяли ее, что она может безоговорочно довериться ему.

Сейчас она его потеряла. Им завладела Кейт, и у нее не осталось никого, к кому можно было бы обратиться за помощью или советом.

Мадам Бертин встала, отодвинув кресло.

– Увы! Мне пора, – сказала она. – Надо спланировать нашу кампанию. Сегодня вечером вас ждет большой сюрприз. И тогда вы скажете мне: «Лулу, ты очень умная, даже мудрая»

женщина. А Кейт, бедная Кейт, она всего лишь хорошенькая куколка!»

Кейт издала короткий визгливый смешок.

– Поживем – увидим, – сказала она. – Могу только заверить тебя, Лулу, что я тебя не боюсь. – И, сузив глаза, она повернулась к Чаку:– А как по-вашему, мне есть чего бояться? – тихо спросила она.

Зария с грохотом отодвинула стул. Она не могла дольше выносить этого. Ей хотелось во весь голос прокричать Чаку те слова, которые она подслушала утром, сообщить, какая в них таилась угроза. Но внезапно она с отчаянием поняла, что Чак, скорее всего, не поверит ей.

Сколько переменялось со вчерашнего вечера! Он может подумать, что она ревнует его, и посмеяться над ее слишком бурным воображением.

– Пойдемте со мной, Зария, – по-французски скомандовала ей мадам Бертин и добавила по-английски: – Нам надо многое успеть. Надо доказать этим глупым людям, что, сколько бы они ни знали обо всем остальном, они ничего не понимают в женщинах. Пойдемте!

Она вышла, и Зария послушно пошла за ней следом. Уходя, она даже не взглянула на Чака. Он не ответил на ее призыв о помощи, поэтому ничто больше не имело значения.

Они спустились в каюту мадам Бертин. Это была самая большая каюта на яхте, с двумя кроватями, дверью в ванную комнату и множеством зеркал, в которых одновременно

в разных ракурсах отразилось то жалкое существо, которое представляла из себя Зария.

– Присаживайтесь, крошка, и дайте мне как следует посмотреть на вас, – сказала мадам Бертин, закрывая дверь.

– Пожалуйста, мадам, шутка зашла слишком далеко, – умоляюще произнесла Зария. – Позвольте, я пойду к себе и скажусь больной. Они извинят меня, и вам не придется тратить на меня силы и время. Все равно я только посрамлю вас. У вас нет ни малейшего шанса на успех.

– Зачем так говорить? – воскликнула Лулу Бертин. – Разве вы не верите, что одежда может совершенно изменить женщину?

– Верю. Но для этого в женщине должно быть хоть что-то. А вы сами видите, что я из себя представляю, – с отчаянием произнесла Зария.

Мадам Бертин только улыбнулась в ответ и, достав украшенный бриллиантами мундштук из оникса, вставила в него сигарету.

– Я вижу, во что вы сами превратили себя, – сказала она. – Кроме того, вы были больны. Но все это не имеет значения. У вас хорошая фигура, даже очень хорошая. Немного слишком худая, но этого так быстро не поправишь. Теперь давайте займемся вашим стилем – тщательно, пункт за пунктом.

Зария стиснула тонкие руки.

– Пожалуйста, послушайте меня, – взмолилась она. – Вы сделаете из меня посмешище! Как бы ни были хороши ва-

ши платья, а я уверена, что они очень хороши, я буду выглядеть в них как пугало. Я не умею носить красивые вещи, я не знаю, что сделать, чтобы выглядеть хоть чуть-чуть привлекательнее. Все, на что я способна, – это стыдиться собственной внешности. Да, я была больна, если вам больше нравится такое объяснение, но не в этом дело. Важно то, что несмотря на все ваши усилия я всегда буду выглядеть просто кошмарно.

С возгласом отчаяния мадам Бертин воздела руки к потолку и подняла плечи:

– Черт побери! Никогда не слышала подобных глупостей! Как можно так говорить? Вы молоды и здоровы, только это и имеет значение! Вы что, хотите выглядеть как кукла? Хотите быть такой же, как Кейт – размалеванной глупой маленькой кошечкой? Разве вы не чувствуете, что вы живая? У вас прекрасные глаза, волосы, фигура. Более того, вы умеете улыбаться. Впрочем, забудьте обо всем, кроме одного – у вас есть сердце. В нем-то все дело. Именно оно определяет выражение лица, изгиб губ.

– Кажется, я не вполне понимаю вас, – сказала Зария, но в глазах ее появился ответный блеск.

– Я наблюдала за вами, – сказала мадам Бертин. – Хотите, я открою вам нечто, что поможет нам больше, чем все остальное?

– Что именно? – спросила Зария.

– Вы влюблены, глупышка, – улыбнулась мадам Бертин.

Глава 7

На секунду Зарии показалось, что мир вокруг замер. Она недоуменно смотрела на мадам Бертин, но вдруг что-то щелкнуло у нее в мозгу, и она опомнилась. Ну разумеется! Все на яхте считают, что они с Чаком помолвлены! Она же сама всем рассказывала об этом.

Зария вышла из оцепенения. Все вещи вокруг снова обрели перспективу.

– Конечно, – тихо произнесла она. – Мистер Вирдон был очень любезен, позволив моему жениху участвовать в этой поездке.

Мадам Бертин рассмеялась.

– Я не то имела в виду, дорогая, – сказала она. Женщины часто говорят: «мой жених», «мой муж», но разве дело в этом? Все это относится к официальной стороне жизни. В моей стране к браку всегда относились как к сугубо деловому предприятию. *Eu mariage de conve-nance* – брак по расчету, как у нас говорят. Любовь же совсем другое дело! Когда женщина влюблена, у нее меняется лицо. Вы, мое дитя, влюблены!

Внезапно Зария поняла, что это правда. Знание пришло к ней внезапно, как молния. Оно словно осветило каюту, и Зарии показалось, будто перед ней распахнулся новый неизведанный мир.

Она влюбилась! Как бы ни хотела она опровергнуть это, отмахнуться от того, что одновременно твердили ей сердце и разум, она вынуждена была признать правду. Она была влюблена в Чака! В человека, о котором она почти ничего не знала, с которым познакомилась так недавно, который вошел в ее жизнь при загадочных, подозрительных обстоятельствах!

Невероятно, необъяснимо, нелепо, но она любит его! Ей вдруг стало понятно, откуда возникало в ней чувство покоя, когда он был рядом, почему ее пальцы трепетали в его руках, почему она тосковала без него и почему ее охватили горе и отчаяние, когда она увидела, как он улыбается Кейт.

Нет, нет, это не могло быть правдой! И все же так оно и было!

– Прекрасно, – произнесла мадам Бертин с улыбкой, будто прочитав мысли Зарии. – Вы начинаете понимать. Любая женщина может стать красивой. Дело не в чертах лица, как думают некоторые глупые люди, дело в сердце. Лицо дала нам природа, мы не можем в корне изменить его и должны принять себя такими, какие мы есть. Но красота... О, красоту мы можем создать себе сами.

Огромным усилием воли Зарии удалось подавить в себе мысль о том новом знании, что пробудилось в ней, о чувстве, с такой силой сотрясавшем все ее тело, что ноги у нее подкашивались, а руки дрожали.

Стараясь казаться непринужденной, она проговорила:

– Вы очень добры, мадам, но, кажется, вы задумали невозможное. Мне будет очень жаль, если вы проиграете.

– Но мне нельзя проигрывать, – ответила мадам Бертин. – Мне нужны эти пятьсот долларов, крайне нужны. Давайте подумаем, как мы сможем их выиграть.

Зария издала короткий смешок, который больше походил на стон.

– Выиграть, мадам! Нужно быть слепой, чтобы на это рассчитывать! Как я могу сравниться с Кейт? У нее такая прекрасная фигура, такое хорошенькое личико, такая изысканная одежда!

Мадам Бертин топнула ногой.

– Вы сомневаетесь в моих словах? – сердито воскликнула она. – Я – Лулу Бертин. Меня считают одной из самых блестящих модисток Парижа. Я изобрела сотни знаменитых моделей. По моей воле рождалась новая мода и умирала старая, стоило только мне нелестно отозваться о ней. Если я говорю, что добьюсь успеха, я это сделаю. *Voilà!* (*Вот! (фр.) Вам придется поверить мне!

«Если бы я только могла, – подумала Зария, поддаваясь силе и страсти, звучавшим в голосе мадам Бертин. – Если бы я была красива, может быть, тогда Чак обратил бы на меня внимание и полюбил бы меня!»

Она чуть не рассмеялась этой безумной мысли. Что она могла предложить Чаку Тане-ру? Пусть он беден, пусть он даже преступник, подобно всем остальным на яхте, но он

мужчина, красивый мужчина. Он здоров, силен, у него быстрый, подвижный ум. Что еще может желать человек, если он свободен, не отягощен обязательствами, если впереди у него жизнь, богатая новыми ощущениями и приключениями?

– Вы должны мне верить! – между тем говорила мадам Бертин. – Должны полностью положиться на меня, и я сделаю с вами то, что обещала.

«Она гипнотизирует меня», – подумала Зария и произнесла вслух:

– Мне очень хочется вам поверить. Вы же сами понимаете, нельзя выглядеть так, как я выгляжу, и при этом чувствовать себя счастливой. Но я... у меня было... трудное время.

– Все делается к лучшему, – ответила мадам Бертин. – Не стыдитесь этого. Не бойтесь, что из-за этого вы выглядите некрасивой. Тяжелые испытания, даже несчастье, оставляют свои следы на лице женщины. Но следы эти необязательно уродуют ее. Нередко они придают взгляду духовность. Женщина становится подобной прошедшей закалку стали, выйдя победительницей из огня опыта.

Она произнесла эти слова низким глубоким голосом, будто ею руководила какая-то сила вне ее. Между тем она не отрывала пронизательных темных глаз от Зарии, оценивая все до мельчайшей детали – тонкое, почти треугольное лицо, тяжелые, безжизненные волосы, которые спадали на плечи, угловатые линии тела, чуткие нервные руки.

Внезапно она вскрикнула по-французски:

– Нашла!

Возглас был таким громким и неожиданным, что Зария вздрогнула от испуга.

– Я поняла! – возбужденно продолжала мадам Бертин. – Все это время я сосредоточенно наблюдала за вами, стараясь почувствовать вас, понять вашу душу. И теперь я знаю, как вы должны выглядеть. Vite! (*Быстро! (фр.)) Снимайте с себя все – этот ужасный свитер, эти кошмарные брюки!

– Они не мои, – слабо улыбнулась Зария. – Они принадлежали юнге. Мне пришлось позаимствовать их, потому что у меня не было ничего, кроме костюма, а он не очень годился для морского путешествия.

– Накиньте на себя это, – сказала мадам

Бертин, бросая ей через кровать прелестный халатик, который она только что отыскала в одном из чемоданов на полу.

За халатом последовала пара шлепанцев, полетевших в разные углы комнаты.

– Какой размер вы носите? – спросила она через плечо, быстро распаковывая чемодан.

– Три с половиной... кажется, – ответила Зария.

– Хорошо! У меня такой же. Нам везет.

Зария с изумлением посмотрела на ноги мадам Бертин. Она ожидала, что они под стать ее крупному телу, но они казались такими крошечными, что было непонятно, как им удастся нести такую массу.

– Mon Dieu! (*Мой бог! (фр.) Это не тот чемодан. Наверное, тот, что мне нужен, отнесли к Кейт.

Мадам Бертин распахнула дверь каюты и выбежала в коридор, призывая во весь голос: «Стюард! Стюард!»

Зария слышала, как прибежал Джим, и они вместе пошли в соседнюю каюту к Кейт. Оттуда слышался шум голосов и звук сдвигаемых коробок, словно они никак не могли найти нужную.

Зария медленно присела на стул перед туалетным столиком и посмотрела на себя в зеркало, пытаясь обнаружить в своем лице то, что увидела в нем мадам.

Она была влюблена! Как можно было понять это по ее лицу? Она выглядела не лучше, чем всегда, хотя, пожалуй, чуть менее уставшей. Круги под глазами были не так четко видны, и сами глаза казались больше. Это сказывались хорошая пища и сон.

Но она не стала менее безобразной. Не настолько она глупа, чтобы обманывать себя. Да, она безобразна, и поэтому Чак в поисках красоты, которой она не обладает, обратился к Кейт. Но Зария не могла обижаться на него. Ее переполняла любовь к нему. Это чувство было таким новым для нее. Она готова была довольствоваться тем, что любит сама, и не требовать ничего больше. Каким счастьем было просто вообразить себе, как он снова берет ее руки в свои, как спокойно, дружелюбно смотрит на нее своими серыми глазами!

«Как я могла не понять, что люблю его, когда мы сидели

вчера вдвоем на палубе?» – спрашивала она себя. Пусть тогда ее чувство еще не оформилось в словах, оно все же присутствовало в ней. Он был рядом, он говорил с ней – и ей было весело и спокойно. Это чувство собственной защищенности поколебалось только тогда, когда появился Эди Морган и сказал, что в Алжире им придется оставить яхту.

Зария внезапно вспомнила, что не успела рассказать Чаку о случайно подслушанном разговоре. Надо поговорить с ним наедине, сообщить, что за люди их спутники. Она уже поднялась с намерением как-нибудь разыскать его, когда дверь распахнулась, и появились Джим с тяжелым сундуком, а за ним мадам Бертин с маленьким чемоданчиком.

– Я нашла то, что нам нужно! – радостно воскликнула она. – К счастью, я на каждой коробке пометила, модели какого размера там лежат. Вот видите, здесь написано – «Tres re-tite»– «Очень маленький». Это как раз для вас, милая, правда, боюсь, даже он будет чуть-чуть велик.

– Merei! Благодарю вас, стюард, – сказала она Джиму. Он вышел из каюты, понимающе улыбнувшись Зарии, будто считал француженку не просто непонятной, но слегка сумасшедшей.

Мадам Бертин откинула крышку сундука и заглянула внутрь.

– Прекрасно! Все на месте, – сказала она. Поторопимся! Нам многое надо успеть, прежде чем мы приступим к одежде.

– Что именно? – немного нервно спросила Зария.

Вместо ответа мадам Бертин подошла к туалетному столику, взяла расческу и провела ею по волосам девушки.

– Что за безобразная прическа! – воскликнула она. – В этом вся Англия!

– Но ее сделал француз, – возразила Зария. – До этого было еще хуже.

– Ба! Француз, постоянно живущий в Англии, утрачивает чутье, – презрительно изрекла мадам Бертин. – Только в Париже парикмахер сначала изучает женщину и лишь потом приступает к прическе. Прическа должна дополнять лицо, а не быть красивой сама по себе.

– Мне казалось, что так я выгляжу гораздо лучше, – немного упрямо сказала Зария.

– Значит, до этого ваша прическа была просто ужасной, – ответила мадам Бертин. – Эти тяжелые волны совсем не подходят к вашему маленькому личику. Разве вы сами не видите? Все эти спадающие линии делают ваше лицо более острым, более худым, более... как это лучше сказать по-английски? – более изможденным.

– Возможно, вы правы, – робко согласилась Зария.

– Возможно! – Мадам развела руками. – Я расскажу вам, милочка. Знаете, что я сделала прежде, чем решиться на это предприятие?

Она остановилась, и Зарии ничего не оставалось, как только спросить:

– Что же?

– Сейчас узнаете. Я, Лулу Бертин, прославленный модельер, снова пошла учиться! Я пошла ученицей – обычной, робкой ученицей – к Антони. Вы знаете, кто это?

Зария покачала головой.

– Какое невежество! – воскликнула мадам Бертин. – Антони, милочка, король парикмахеров, он уникален, он художник, гениальный художник! И вот я пошла к нему и умолила его посвятить меня в секреты своего мастерства. Сначала он посмеялся, а потом увидел, что я говорю абсолютно серьезно.

– Вы научились стричь? – спросила Зария.

– Я научилась моделировать волосы, – поправила ее мадам Бертин. – Научилась изобретать прически, которые выражают индивидуальность того человека, который их носит.

– Но зачем вам это понадобилось? – спросила Зария.

– Я надеялась, что вы зададите мне этот вопрос, – удовлетворенно произнесла мадам Бертин. – Я объясню вам. Я еду в Алжир, чтобы открыть там новое дело. Я хочу сказать новое слово в моде. Как я могу осуществить это, если женщины, которые будут носить мою одежду, не обладают французским вкусом? Они же никогда не бывали в Париже, они живут в Алжире! Что я смогу, если их волосы будут завиты или острижены так, как это делали двадцать лет назад?

Она остановилась, чтобы перевести дыхание, и Зария сказала:

– Наверное, это очень важно... я имею в виду волосы...

– Важно? – воскликнула мадам Бертин. – Да важнее этого ничего нет! Прежде всего обращают внимание на прическу! Как там выразился поэт? «В царственном сиянии волос» – как это справедливо!

– Значит, вы научились искусству парикмахера, – сказала Зария.

– Я не гордая, я не стыжусь признаться в том, чего не знаю, – ответила мадам Бертин. – Я сидела у ног Антони, и он показывал мне свое искусство, он учил меня стричь волосы, укладывать их. И в конце концов он сказал: «Мадам, если когда-нибудь вы останетесь без работы, мой салон к вашим услугам».

– Вы поступили очень умно, – сказала Зария.

– Разве только умно? Вы не понимаете, что я уникальна! Я – Лулу Бертин! Именно поэтому я говорю вам, что могу сделать из вас красавицу, с которой никогда не сравнится эта кукольная Кейт! Ба! В любой столице найдется тысяча похожих на нее женщин! А теперь за работу! У нас нет времени на разговоры!

– Что вы собираетесь делать? – встревожилась Зария.

– Я хочу, чтобы ваши волосы выглядели так, как им подобает, – ответила мадам Бертин. Она достала из ящика несколько пар ножниц и, поднимая волосы расческой, начала стричь. Зария вскрикнула от ужаса:

– Вы же все сострижете!

– И прекрасно! – ответила мадам. – Их надо постричь покороче. Они должны подниматься вверх, а не спадать на плечи. Вместо локонов будут завитки. Вы знаете, что я хочу вам сделать? Какую прическу я задумала?

– Нет, – нервно произнесла Зария. На пол сыпались длинные пряди состриженных волос, и девушке стало казаться, что мадам Бертин сошла с ума.

– Я сейчас расскажу вам одну историю, – говорила мадам Бертин, орудуя ножницами. – Однажды два парикмахера, – достаточно известных, у которых были свои салоны, – поехали отдыхать в Италию. Они гуляли в горах и наткнулись на двух пастушков, которые пасли овец. Один из мальчиков подстригал волосы другому. Это зрелище позабавило парикмахеров, и они остановились посмотреть. Мальчик использовал совсем другой метод стрижки, чем тот, который практиковался повсюду. Сначала он намочил волосы, а потом начал подстригать их лесенкой, так что верхние пряди были чуть короче нижних. Под конец стрижки его друг стал походить на бога Пана. У него были вьющиеся от природы волосы, и не хватало только свирели.

Мадам Бертин остановилась, чтобы перевести дыхание, и чуть откинулась, чтобы полюбоваться на свою работу.

– Парикмахеры пришли в восторг, – продолжала она. – Со свежими впечатлениями они вернулись в Париж. И вскоре появилась новая стрижка. Парикмахеры отказались от химической завивки. Из-за нее завитки выглядят прилизанны-

ми, будто приклеенными, придавая прическе искусственный вид, который убивает истинную красоту. Прическа «под пастушка» стала криком моды.

– Вы хотите причесать меня в таком стиле? – спросила Зария.

– Естественно! Но сидите смирно, – сказала мадам Бертин. – Вы еще сможете посмотреть на себя. А сейчас не дергайтесь. Мне надо точно соблюсти пропорции. Помните, красота прически зависит от верности линий.

«Нельзя было позволять ей стричь меня, – между тем думала Зария. – Я буду выглядеть еще хуже, просто как пугало».

Однако она чувствовала, насколько бесполезно спорить с мадам, отстаивать свои желания или вкусы. «Возможно, – думала она, слыша пощелкивание ножниц рядом со своим затылком, – мадам все-таки знает, что делает».

Зария до сих пор удивлялась, как, несмотря на свой возраст и неправильные черты лица, француженка умудрялась производить впечатление привлекательной, элегантной женщины.

В этих густо оттененных глазах и красных выпяченных губах была какая-то таинственная притягательная сила.

Зария вздохнула и тут же забыла и о мадам Бертин, и о щелкающих ножницах у своей головы. Она снова думала только о Чаке, о том, что он сейчас делает. Сердце ее упало, когда она вспомнила о Кейт. Сейчас она, должно быть, смот-

рит на него своими живыми голубыми глазами и держится тонкой белой рукой за его руку.

«Разве найдется мужчина, который смог бы противиться ее обаянию? – с горечью подумала Зария. – А впрочем, разве Кейт, в свою очередь, могла сопротивляться обаянию Чака?»

Зария повторяла в памяти те слова, которые говорил ей Чак с момента их первой встречи. Он был так добр к ней. Пожалуй, доброта – его основная черта. Ни на мгновение он не допустил, чтобы в его присутствии она почувствовала себя безобразной, непривлекательной или ненужной.

Она ощутила ком в горле, вспомнив, как он был заботлив с ней, как помог сесть в такси и выйти из него, как поддержал ее, когда она поднималась по трапу на яхту, как всегда предупредительно отодвигал для нее стул, когда она садилась за стол, как он накануне укрыл ей ноги пледом и сказал, что ей нельзя простужаться.

Это и еще многое другое. Он подумал о том, чтобы достать ей более удобную одежду для путешествия на яхте, он говорил, что она может довериться ему, а он будет заботиться о ней. «Боже, не допусти, чтобы Кейт завладела им».

Зария чуть не произнесла эти слова вслух, но вовремя взяла себя в руку. Она посмотрела в зеркало и увидела, что мадам Бертин наблюдает за ней.

– Вы страдаете, милочка, – сказала она. – Почему? Бойтесь, что ваш жених попадет на удочку к Кейт? Не бойтесь. Он быстро разберется, что она всего лишь пустышка с кури-

ными мозгами и телом, которое с таким же успехом могло быть набито соломой, потому что Господь, создавая ее, забыл дать ей сердце.

– Вы хорошо ее знаете? – спросила Зария.

Мадам Бертин рассмеялась. Это был не очень приятный смех.

– Достаточно, – сказала она.

– Я думала... они – ваши друзья, – нерешительно произнесла Зария, боясь показаться недоброжелательной.

Мадам Бертин рассмеялась снова.

– Говорят, родственников не выбирают, и в этом они отличаются от друзей, – сказала она. – *Ma foi* – честно говоря – это не всегда правда. Иногда друзья – как бы это лучше сказать? – навязывают себя сами!

Зария ничего не ответила, но не могла удержаться от мыслей. Втянута ли мадам Бертин в то предприятие, которое замыслил Эди Морган с Виктором? Да, по всей вероятности. А это значит, что ей, Зарии, необходимо соблюдать крайнюю осторожность, чтобы мадам Бертин не заподозрила, что она слишком много знает и что ее любопытство не случайно.

– *L'amour!* Любовь! – переключившись на другую тему, проговорила мадам Бертин. – Вот в чем смысл существования женщины! Каждая женщина мечтает о ней, ищет ее. Даже в моем возрасте я все еще ищу этот мираж. Любовь удивительна! Восхитительна! Прекрасна! Необыкновенна! Ради нее стоит жить!

– У меня... не очень богатый опыт в... этой области, – нерешительно сказала Зария.

– Вы давно помолвлены? – спросила мадам Бертин и, не дожидаясь ответа Зарии, проговорила: – Вот и прекрасно! Значит, у вас впереди радость постепенного узнавания друг друга. Позвольте дать вам совет, милочка. Не уставайте никогда удивлять его. Он никогда не должен быть уверен в вашей любви. Пусть он никогда не знает заранее, что вы скажете или сделаете. Неожиданность, тайна – вот что поддерживает любовь, заставляя мужчину чувствовать себя охотником.

Она в последний раз щелкнула ножницами и, бросив их на туалетный столик, зачесала волосы Зарии наверх, так что они встали, подобно нимбу.

– Voila! Все! – воскликнула мадам Бертин, и Зария с изумлением уставилась на свое отражение в зеркале.

Как отличалась ее прическа от той, что была раньше! Вместо крупных волн, спадавших на плечи, шапка мягких, естественных завитков поднималась от шеи к вискам. Ее волосы поднимались вверх, словно язычки пламени, так мягко и ненавязчиво обрамляя лицо, что резкие линии скул и подбородка не бросались в глаза.

– Это... удивительно! – воскликнула Зария. – Я выгляжу... намного лучше.

– Разумеется, – улыбнулась мадам Бертин. – Разумеется, гораздо лучше. Возьмите зеркальце и посмотрите на себя

сбоку. Посмотрите, как восхитительна линия затылка! Стала видна форма головы и длина шеи. Очаровательно! Изящно! Вам можно позировать в качестве херувима!

– Я выгляжу совсем другой... совсем! – не решалась поверить своим глазам Зария.

– Но я еще не закончила, – сказала мадам Бертин. – Нам еще многое надо успеть. Ложитесь на кровать, только наоборот. Головой – туда, где обычно находятся ноги, а ноги – на подушку.

Зария безропотно подчинилась. Накрыв ее шелковым пуховым одеялом и обложив ей шею и лицо полотенцем, мадам Бертин принялась за работу. Впервые в жизни Зария испытала, что такое массаж лица. Она чувствовала силу пальцев мадам, которые похлопывали сухую, обветренную кожу, втирали в нее мягкие, ароматные кремы.

Массаж был таким мягким и успокаивающим, что вскоре ее начало клонить в сон. Глаза у нее были закрыты, она слышала только легкое похлопывание по лицу, глухой звук моторов и плеск воды за кормой.

Она задремала. Ее сновидения не были похожи на те ужасные ночные кошмары, которые мучили ее в Шотландии после того, как отец был особенно груб с ней. Тогда она была так голодна и измучена, что не могла забыться и то и дело просыпалась.

Теперешний сон был легким и радостным. Рядом с ней был Чак. Она чувствовала его руки на своих плечах, слыша-

ла его голос...

Зария не знала, как долго проспала. Она пробудилась внезапно и по тишине вокруг поняла, что осталась одна в каюте. Она хотела открыть глаза, но на них лежали кусочки ваты. Ее лицо было покрыто толстым слоем крема.

Зария не знала, надо ли ей оставаться на месте или уже можно вставать. Закончила ли мадам Бертин свою процедуру? Она все еще колебалась, не зная, что предпринять, когда услышала, как дверь отворилась.

– Дитя еще спит, – услышала она тихий голос мадам Бертин. По-видимому, она говорила стоя в дверях.

– А как быть с вашим идиотским конкурсом? – прозвучал голос Эди Моргана. Он тоже говорил почти шепотом.

– Это всего лишь развлечение, – ответила мадам Бертин. – Надо же нам чем-то занять себя. Вы все такие... как это говорят?.. взвинченные.

– Что вы имеете в виду?

– То, что сказала. И будьте поосторожнее со стюардом. Не удивлюсь, если окажется, что Ахмета задержали на границе из-за того, что он слишком много болтал.

– Ты же говорила, они заподозрили, что у него фальшивые документы.

– Правильно, – согласилась мадам Бертин. – Но почему таможенники рассматривали их так тщательно? Документы были достаточно хороши, чтобы выдержать обычную проверку.

– Ты уверена, что за тобой не было слежки?

В голосе Эди Моргана звучало неприкрытое беспокойство. Зария лежала с закрытыми глазами и не могла его видеть, однако без труда представила, как он схватил мадам Бертин за руку, а та пожала плечами в характерной для нее манере.

– Иначе бы я сюда не приехала, – ответила она.

– Надеюсь. – Теперь в голосе Эди прозвучало облегчение.

– Давай выпьем и подумаем о чем-нибудь более приятном, – чуть громче проговорила мадам Бертин.

– Не шуми!

Он, по-видимому, втолкнул ее в каюту и вошел за ней следом.

– Ты что, хочешь, чтобы нас слышали все на этой чертовой яхте? – сердито спросил он. – Откуда ты знаешь, что эта девчонка спит?

– Мой массаж всегда усыпляет их, – ответила мадам Бертин. – А она вдобавок очень слаба.

– Сплошное неудобство иметь ее на борту, – сказал Эди Морган. – Но придется прибегнуть к ее услугам. Никто из нас не говорит на этом проклятом языке.

– Я сделала все, что могла, – защищаясь, сказала мадам Бертин. – Не моя вина, что Ахмета арестовали.

– Наверное, все из-за прошлогоднего дела с автомобилями, – рассуждал Эди. – Я же говорил, что не надо использовать его для такой незначительной работы. Я сказал: «Надо

приберечь его для крупной игры», но никто меня тогда не послушал.

– Ш-ш! Не болтай слишком много! – сказала мадам Бертин.

Она подошла к кровати, на которой лежала Зария. Девушка поняла, что она прислушивается. Ее охватил страх. Если они поймут, что она не спала и слышала весь разговор, что тогда будет с ней?

У нее вдруг пересохло во рту и запершило в горле. Отчаянным усилием воли она заставила себя дышать глубоко, как обычно дышит спящий.

Внезапно у нее родилось безумное желание открыть глаза. Но она чувствовала присутствие рядом с собой мадам Бертин. Мадам ждала, всматриваясь в ее лицо, прислушиваясь к ее дыханию. А за ней стоял Эди, который – Зария была уверена в этом – не остановится ни перед чем, если кто-то встанет ему поперек дороги, угрожая разрушить его планы.

– Спит? – просвистел голос Эди.

– Мертвецки, – ответила мадам Бертин. – Но сейчас уходи отсюда!

Он без слов повиновался. Зария слышала, как хлопнула дверь каюты, но мадам Бертин все еще молча стояла возле кровати. Наконец она чуть слышно спросила:

– Вы уже проснулись?

Зария не ответила, и она повторила чуть громче:

– Зария, вы проснулись?

Медленно, будто возвращаясь из состояния глубокого сна, Зария вздохнула и пошевелилась. Помотав головой из стороны в сторону, словно не желая просыпаться, она чуть заметно зевнула и, казалось, снова погрузилась в глубокое забытие.

Даже не видя мадам Бертин, Зария почувствовала, как француженка отбросила сомнения и расслабилась.

Девушка лежала, уткнувшись в подушку, до тех пор, пока мадам Бертин не сказала уже совсем другим тоном:

– Ну-ка, малышка, просыпайся, пора!

Два часа спустя мадам Бертин распахнула дверь салона, где все собрались на ужин. Все, как обычно, выпивали. Рядом с мужчинами стояли стаканы с шотландским виски, а Кейт держала в руке бокал с шампанским. В этот момент она с милой гримаской подняла его к Ча-ку, который сидел на подлокотнике ее кресла.

– Итак, представление начинается! – хихикнула она. Пусть выиграет красивейшая!

Она явно не сомневалась в исходе этого состязания. Впрочем, любому, кто сейчас ее видел, трудно было представить, что кто-нибудь сможет затмить ее.

На ней было длинное плотно обтягивающее фигуру платье в серебряных блестках, которое делало ее похожей на сладострастную сирену. Оно подчеркивало каждую линию, каждый изгиб ее тела. Вырез на спине доходил до талии, а спереди был таким низким, что можно было увидеть впадин-

ку между острыми грудями.

Шею украшало бриллиантовое кольцо, гармонирующее с серьгами в ушах. Светлые, серебристые волосы спадали волнами на обнаженные плечи, а красный пухлый ротик по цвету сочетался с лаком, которым были покрыты длинные ногти на руках и изящно подстриженные ногти на ногах, проступавшие через прозрачный нейлон.

Она была прелестным, совершенным продуктом своего века, все искусство которого направлено на то, чтобы сделать из женщины не просто красавицу, а искусственное воплощение красоты.

– Все собрались? – спросила от двери мадам Бертин.

– Ты же сама видишь, – ответила Кейт.

– Давай ее сюда. Мы ждем, – неуверенным голосом сказал Виктор. Он уже слишком много выпил, и его темные похотливые глазки неприятно впились в Зарию, когда она вошла в комнату.

– Allons y! (* Вот и мы! (фр.) – воскликнула мадам Бертин. – Любуйтесь на красавицу от Бертин!

Зария на секунду замерла в дверях, как проинструктировала ее мадам Бертин. Она робела и очень боялась, однако не могла не почувствовать, как все вдруг задохнулись от изумления, что для любой женщины значит гораздо больше, чем самые громкие аплодисменты.

– Боже правый! – первым подал голос Эди. Зария едва ли слышала его. Она смотрела только на Чака. Он медленно,

словно не в состоянии поверить собственным глазам, поднялся на ноги. Она следила за выражением его лица и внешне почувствовала себя невыносимо, невероятно счастливой.

– Я бы никогда не поверил! Никогда! – воскликнул Эди, предоставляя мистеру Вирдону спокойно и серьезно признать:

– Вы гений, Лулу. Если бы даже я не знал об этом прежде, сейчас вы бы меня убедили.

– Дайте мне что-нибудь выпить, я заслужила, – ответила мадам Бертин.

Она протянула руку к Чаку, но он не заметил ее, подав бокал с шампанским Зарии. Девушка приняла его и залилась краской.

«У вас такая белая кожа, само совершенство, – сказала ей мадам Бертин, когда они выходили из каюты. – Но вам надо использовать румяна, иначе вы будете выглядеть как привидение, а мужчины боятся привидений».

Сейчас Зария вспомнила ее слова.

«Я не привидение. Я – живая!» – подумала она про себя.

Ее тело трепетало от возбуждения, от того, что она молода и привлекательна, что Чак любит ее.

– Думаю, нет смысла пить за твое здоровье, – мягко сказал он. – Лучше выпьем за твое будущее.

– Восхитительный тост, – вмешалась мадам Бертин, не давая ответить Зарии. – Давайте все вместе выпьем за будущее

Зарии, то будущее, дорогу в которое я показала ей.

Мужчины подняли стаканы. Все сознавали, что нет смысла устраивать тайное голосование, победительница была бесспорной. Эди без слов, повернувшись спиной к Кейт, протянул мадам Бертин пачку зелененьких долларов.

Кейт, скривив губы, налила себе шампанского и воинственно произнесла:

– Я тоже надеюсь, что будущее Зарии будет соответствовать ее желанию. Судьба имеет обыкновение очень неприятно шутить, когда мы меньше всего этого ожидаем.

Мистер Вирдон рассмеялся, но Зария не обратила внимания на ее слова. Она пыталась привыкнуть к своему новому самоощущению. Она знала, что платье, которое выбрала для нее мадам Бертин, сделало ее прелестной, открыв в ней ту красоту, о которой она сама не подозревала.

Сшитое из мягкого розового шелка, вытканного серебром, оно расходилось необъятной юбкой от узкой талии. Края юбки были затканы жемчугом. Облако розового тюля, окутывавшего плечи, скрывало удобу рук. Три ряда жемчужных бус украшали шею. Их мягкий розовый блеск оттенял белизну и прозрачность кожи.

Она казалась девушкой из сновидений, юной, невинной, нетронутой, как яблочный цвет в мае. В то же время в ее красоте присутствовало что-то одухотворенное и ускользающее, словно она не лежала на поверхности, ее не так просто было увидеть и оценить.

Когда Зария посмотрела на себя в зеркало, то не могла поверить, что это она и есть. Ее глаза, оттененные зеленым, с подкрашенными ресницами казались огромными, волосы приобрели необычный блеск, красные губы стали более полными. И все это не только благодаря искусству мадам Бертин, но и той вере в себя, которую та вдохнула в нее. Ее мудрые, добрые слова были причиной того, что Зария поверила в себя, осознав, что в этом мягком струящемся восхитительном туалете может выглядеть как настоящая женщина и чувствовать себя ею.

«Забудьте прошлое, забудьте все, что вы пережили, – наставляла ее мадам Бертин. – Не надо рассказывать ни мне, ни кому-нибудь еще, что это было. Просто забудьте. Все прошло. Есть только настоящее. И даже о будущем не стоит беспокоиться. Женщина должна заботиться только о настоящем моменте, который не повторится никогда».

Возможно, именно эти слова, больше, чем все другое, подействовали на Зарию, заставив ее войти в салон с высоко поднятой головой и улыбкой на губах.

На секунду она испугалась, но тут же вспомнила, что здесь – Чак, тот Чак, которого она любит. Сейчас он здесь с ней, и не важно, что будет завтра или послезавтра.

Она слышала шелест своего шелкового платья, чувствовала запах изысканных духов, которыми обрызгала ее мадам Бертин и в одно мгновение, подобно актрисе на рампе, поняла, что завоевала своих зрителей.

Она сделала глоток шампанского из бокала, который все еще держала в руке и сказала в ответ на тост:

– Благодарю вас. Я надеюсь на счастливое будущее, но важнее всего то, что я счастлива сейчас, необыкновенно счастлива.

Она сама не знала как следует, зачем произнесла эти слова, но она обращалась к Чаку, словно прося его о чем-то и надеясь, что он каким-то необъяснимым образом поймет ее. Но он только смотрел на нее с неопределенным выражением лица, скрываясь за темными очками. Скорее всего, с чувством поражения подумала она, он не понял ее.

Именно этот момент Виктор выбрал для того, чтобы попытаться встать с кресла. Он был очень пьян и нетвердо стоял на ногах. Вытянув руку, чтобы опереться о стол, он сшиб бутылку с виски, и она разбилась об пол. Но он будто не заметил этого.

– Я не верю, – тяжело сказал он, невнятно выговаривая слова. – Все это сплошной обман. Лулу не под силу сделать из нее такую красотку! Она шпионка! Она здесь, чтобы следить за нами! Заявляю вам всем, она – шпионка!

Глава 8

Пять пар глаз уставились на Зарию. Она почувствовала, что им с Чаком угрожает опасность. На мгновение ее словно парализовало, но, осознав, что его положение гораздо более рискованно, вдохновляемая любовью, она собрала все свое мужество, чтобы спасти его.

Во что бы то ни стало она должна была отклонить пьяные обвинения Виктора, которые повисли в воздухе, словно занесенный для удара кинжал. Сейчас она боялась не за себя, а за Чака. Она любила его всем своим существом независимо от его отношения к ней, и это чувство пробудило в ней дотоле скрытые силы.

– Шпионка? Подумать только, – услышала она свой высокий, чуть дрожащий, но искрящийся смехом голос. – Вы мне льстите, мистер Джакобетти. Вы считаете, что я настолько умна, чтобы быть шпионкой одного из ведущих модных салонов Англии или Нью-Йорка? Разумеется, я слышала, как часты попытки узнать о новейших коллекциях до их официальной презентации. Кажется, есть специальные люди, которые запоминают детали и делают наброски. Однако, боюсь, я не настолько умна. Мадам Бертин может без опасений доверить мне все свои самые важные секреты. Я не смогла бы передать их, даже если бы захотела.

По мере того, как она говорила, захлебываясь слова-

ми, словно возбужденная молоденькая девушка, напряжение ослабевало, и угрожающий блеск в их глазах рассеивался. Она почувствовала, как поступит Эди, еще до того, как он взял ситуацию в свои руки.

– Заткнись, ты, идиот! – свистящим шепотом одернул он Виктора и громко добавил: – Ты пьян, старик. Это всего лишь Зария Браун, девушка, которая была с нами с момента нашего отправления. Мы ей полностью доверяем. По правде сказать, захоти даже мы что-то скрыть от нее, это было бы бесполезно. Хорошая секретарша знает обо всем, так ведь?

– Вы правы, разумеется, – ответила Зария. Чак пришел ей на помощь.

– Могу заверить вас, что мы оба не менее надежны, чем английский государственный банк, – проговорил он и, приобняв ее за талию, слегка сжал, словно хотел сказать: «Хорошая работа!»

– Я ошибся, приношу свои извинения, – пробормотал, слегка покачиваясь на ногах, Виктор. – Как глупо с моей стороны. Я должен был знать, что Эди никогда не допустит шпионов на нашу лодку.

Эди Морган опять что-то прошептал ему и, проходя мимо него к столу за стаканом, резко хлопнул по руке.

– Ужин готов? – нетерпеливо спросил он. – Думаю, все уже достаточно поднабрались. Но Виктор еще не закончил своей речи.

– Я прошу меня извинить, – повторил он. – Чего еще мож-

но от меня требовать? Вы на меня не сердитесь, да, Зария?

Он качнулся в ее сторону, и она инстинктивно отпрянула назад.

– Нет, разумеется, – поспешила заверить она.

– Один поцелуй, и будем считать, что все улажено, – предложил он. – Вы должны доказать, что не сердитесь на меня. Терпеть не могу, когда кто-нибудь на меня злится. Поцелуйте меня в знак того, что мы стали друзьями.

– Нет! – резко ответила Зария.

Виктор схватил ее за руку и потянул к себе.

– Нет! Нет! – вскрикнула она, охваченная внезапным страхом, и повернулась к Чаку, моля о защите.

– Остановите его! Пожалуйста! – просила она, запрокидывая голову в порыве отчаяния.

– Мы должны подружиться, – ныл Виктор.

– Совершенно с вами согласен, – своим спокойным, уравновешенным голосом проговорил Чак. – Но я не могу разрешить вам поцеловать мою невесту. Это исключительно моя привилегия.

– Неужели?

Виктор отпустил руку Зарии и воинственно посмотрел на Чака.

– Кто придумал такое глупое правило? – обратился он за поддержкой ко всей компании. – Почему я не могу поцеловать Зарию и извиниться перед ней за то, что я считал ее шпионкой?

– Придержи язык, Виктор, – воскликнул Эди, но Виктор словно не слышал его.

– Я никому не причиняю никакого вреда. – Голос у него становился все жалобнее. – Извиняюсь, я поступаю честно. Но раз я приношу Зарии свои извинения, она должна принять их. Только жестокая, упрямая женщина может сказать «нет», когда мужчина перед ней извиняется. Вы же не такая, Зария?

– Разумеется, я принимаю ваши извинения, – согласилась Зария. Она по-прежнему стояла, отвернувшись от него и одной рукой держась за Чака.

– Тогда нет вреда в небольшом поцелуе, – продолжал Виктор. – Никакого вреда.

– Вы хороший мальчик, забудьте об этом, – проговорил Чак. – Забудьте, и давайте выпьем.

– А зачем мне забывать? – спросил Виктор с одержимостью пьяного.

– Я уже объяснил вам, – терпеливо ответил Чак. – Зария – моя девушка. Поймите это наконец.

– Я вам не верю, – сказал Виктор. – Я видел, как вы весь день увивались вокруг Кейт. Лично я считаю, что Зария сама по себе.

– Уверяю вас, мы помолвлены, – ответил Чак. – И давайте закончим на этом наш разговор.

Слова прозвучали резко, словно его терпение почти истощилось.

– А как насчет поцелуя невесте? – спросил Виктор.

– Если кто-нибудь будет ее целовать, то только я сам. – На этот раз в голосе Чака прозвучало неприкрытое раздражение.

– Прекрасно, целуйте, – сказал Виктор. – Поцелуйте ее за меня. Посмотрим, так ли вы ее любите, как хотите представить нам.

Было что-то жуткое в его пьяной настойчивости. Он инстинктивно чувствовал обман и, не понимая, в чем он заключается, отчаянно пытался нащупать суть.

Зария задрожала. Никогда еще она не была так уверена в том, что им с Чаком угрожает опасность. Она посмотрела на него, не зная, что он собирается предпринять, чем вообще может закончиться эта сцена. Ее охватывал ужас при мысли, что разговор может вынудить их на неосторожные поступки, и всем откроется правда. Едва ли сознавая, что делает, она прошептала трепещущими губами:

– Чак! Чак!

Его имя было для нее словно священный талисман, который мог помочь им спастись от неожиданной опасности. Она почувствовала его руки у себя на плечах.

Его близость и сила успокаивали ее.

– Разумеется, я поцелую Зарию, если вам этого хочется, – улыбнулся он Виктору. – Почему бы и нет? Мне очень нравится ее целовать.

Он наклонился к ней. Застигнутая врасплох, Зария не

успела отвернуться. Не ожидав от Чака подобного ответа, она застыла, вскинув на него глаза, и в это мгновение почувствовала на своих губах его губы.

Сначала она была так изумлена, что оставалась совершенно пассивной. Его руки все крепче и крепче обнимали ее, губы овладевали ее губами. В первый раз в жизни ее целовал мужчина. И этим мужчиной был Чак.

Она чувствовала теплую силу его губ, и внезапно что-то внутри нее рванулось ему навстречу. По ее телу пробежала дрожь, словно огонь опалил ее. Никогда прежде она не думала, что жизнь может быть такой удивительной и прекрасной.

Однако все это длилось считанные мгновения, он так же быстро отпустил ее, как завладел ею. Но в эти секунды она узнала вечность.

Краска прилила к ее щекам, ноги так ослабели, что она с трудом стояла.

– Вы этого добивались? – с победным смехом спросил Чак Виктора. – Теперь вы уверились, что никто, кроме меня, не вправе целовать Зарию?

– Не понимаю, почему никто не целует меня, – жалобно произнесла Кейт. – Все внимание достается Зарии. Это нечестно. Я не собираюсь мириться с этим!

Она встала и двинулась через комнату к Эди.

– Меня все покинули, – пожаловалась она.

– Что ж, милая, это для тебя новое ощущение, – ответил он и поцеловал ее в щеку.

Выбросив вперед руки, она обняла его за шею и, полуприкрыв глаза и соблазнительно выпятив губы, поверх его плеча взглянула на Чака.

– Некоторым не мешает поучиться искусству поцелуев, – сообщила она, не обращаясь ни к кому в отдельности.

– Уверена, ты с радостью их поучишь, за плату, разумеется, – съязвила мадам Бертин.

Зарии показалось, что мадам Бертин чем-то обеспокоена. На всем протяжении сцены с Виктором она сидела, затаив дыхание, будто боялась внезапного взрыва. Теперь она одним глотком осушила бокал с шампанским попросила следующий.

– Ужин подан, сэр.

Спокойный английский голос Джима вернул всех к реальности.

«Все это просто привиделось мне», – подумала Зария. Но губы ее еще горели от поцелуя, а тело трепетало от возбуждения.

«Я уже никогда не буду такой, как прежде», – думала она, идя в столовую следом за Кейт и мадам Бертин. Чак шел с ней рядом. Садясь, он слегка пожал ей руку, словно подбадривая ее. Она снова затрепетала от его прикосновения, но, взглянув на него, увидела, что его лицо обращено к Кейт. «Он всего лишь притворялся», – подумала Зария, чувствуя, как радость и возбуждение покидают ее. Надо руководствоваться здравым смыслом.

Чаку она безразлична. Что ему в ней? Он просто использовал ее в своих целях. Тем не менее ей следует быть благодарной ему за то чувство защищенности, которое он позволял ей испытывать рядом с ним. Он ничем не обязан ей. Это она в долгу перед ним. Не будь его, она, наверное, измучилась бы от страха. Все изрядно выпили перед ужином, поэтому трапеза была необычно шумной. Все шутили, спорили и с удовольствием наблюдали за настоящим соревнованием в остроумии, которое устроили Кейт и мадам Бертин.

Одна Зария сидела молча. Она не могла думать ни о ком, кроме Чака. Он поцеловал ее! А вдруг это тот единственный поцелуй, который она будет помнить всю свою жизнь?

Кейт явно старалась заманить Чака в свои сети. Если Виктор был посрамлен публичным проявлением нежных чувств со стороны Чака, то на Кейт это подействовало как красная тряпка на быка. Она вцепилась в Чака железной хваткой и, по-видимому, решила кокетничать с ним независимо от того, хочет он того или нет.

К огорчению Зарии, такое поведение забавляло Чака и вызвало у него ответный интерес.

– Давайте потанцуем после ужина, – сказала Кейт, обращаясь через стол к Чаку.

– Я не умею танцевать в современной манере, – ответил он.

– Я научу вас, – последовал ответ.

– Что за стойкое желание обучать! – насмешливо про-

изнесла мадам Бертин. – А как насчет того, чтобы самой немного поучиться?

– Чему это? – спросила Кейт, растягивая слова. Она не скрывала своей враждебности.

– Например, хорошим манерам – *la politesse*, предположила мадам Бертин.

Кейт сердито посмотрела на нее.

– Ты всегда казалась забавной, Лулу, но сейчас становишься просто скучной.

– С кем поведешься, оттого и наберешься! – ответила мадам Бертин. – Пойдемте в кают-компанию!

Она встала и направилась к двери. За ней последовали остальные. Виктор и мистер Вирдон чуть задержались, наливая себе еще ликера.

– Наверное, мне лучше пойти к себе, – прошептала Зария Чаку.

– Чуть позже, – ответил он.

– Мне нужно сказать... – начала она, но вовремя поняла, что Кейт прислушивается к и их разговору.

– Поставьте пластинку, – потребовала Кейт.

– Предупреждаю еще раз, я отстал от моды, – ответил он, но пошел за ней к проигрывателю, оставив Зарию в одиночестве.

Нерешительно потоптавшись на месте, она пошла к креслу. По пути она взглянула на свое отражение в зеркале и с трудом поверила своим глазам. Она никогда не знала, какая

у нее хорошая фигура, большие глаза и длинная шея.

«Вы напоминаете мне херувима», – говорила ей мадам Бертин. Вспомнив ее слова, Зария улыбнулась своему отражению. Мадам Бертин совершила чудо. Прелестная широкая юбка, расширяющаяся вниз от тонкой талии, мягкий тюль на плечах придавали ее красоте неземной оттенок, привлекавший по контрасту с нарочитой чувственностью Кейт.

Но, увы, только не Чака!

Чак танцевал с Кейт, кружа ее по маленькому кусочку паркета, который они освободили от ковра. В кают-компании было полутемно, но Зария видела, что Кейт обнимает Чака за шею и прижимается к нему, чуть ли не касаясь щекой его щеки.

Зарии показалось, что она не в силах дольше выдерживать это зрелище. Она резко повернулась и ушла бы в свою каюту, если бы ее не остановила мадам Бертин, которая сидела на софе со стаканом в руке.

– Поговорите со мной, моя маленькая протезе, – пригласила она, призывно взмахнув рукой. – Я очень горжусь вами. Вы их покорили, впрочем, я ни на минуту не сомневалась, что так оно и случится.

– Благодаря вам я задумалась о том, какую роль в нашей жизни играет одежда, – откликнулась Зария.

– Она для женщины – все. Одежда придает женщине уверенность в себе, а это очень важно. Если женщина верит в себя, значит, она уже ж выиграла начало сражения.

Зария посмотрела через комнату на Чака и вдруг почувствовала, что боль в сердце ослабла. Почему она решила так легко сдаться? Нельзя допустить, чтобы он достался Кейт. Чак поцеловал ее, разве это ничего не значит?

При мысли о его поцелуе она снова затрепетала и почувствовала, как в ней возрождается мужество, которое умерло много лет назад под ударами отца. «Я буду сражаться за него», – решила она. Не сознавая, что делает, она повернулась к мадам Бертин.

– Мадам, я хочу вас попросить кое о чем.

– Чем могу быть полезна, милочка? – спросила мадам Бертин по-французски. К этому моменту она уже много выпила, но не стала пьяной, как Виктор, а только еще более мягкой и любезной. Мир казался ей прекрасным, и она с наслаждением переваривала превосходный ужин.

– Я бы хотела стать вашей первой покупательницей, – сказала Зария. Эти слова сами собой сорвались с губ, словно что-то принуждало ее произнести их.

– Моей первой покупательницей! – повторила мадам Бертин, поднимая брови.

– Да, – ответила Зария. – Я хочу купить у вас несколько платьев.

Она заметила, как была изумлена мадам Бертин, и продолжила:

– Я заплачу вам, будьте уверены. Единственная сложность заключается в том, что сейчас у меня есть только чек, кото-

рым мисс Мансфорд – это новая хозяйка яхты – снабдила меня в Лондоне. Думаю, его оплатит любой банк, потому что она... э-э... очень богата. Он выписан на мое имя, поэтому мне надо только подтвердить его.

Она слегка споткнулась на последних словах, потому что такое объяснение даже ей самой показалось странным. Но мадам Бертин, по всей видимости, не усомнилась в нем.

– Значит, вы знакомы с хозяйкой «Колдуньи»? – воскликнула она. – Тогда понятно, как вы получили эту работу.

– Да, поэтому, – согласилась Зария. – Кроме того, она заплатила мне за работу, которую я выполняла для нее раньше. Так что... так что это довольно большая сумма денег... двести фунтов. Она выписала чек на мое имя, но я очень спешила и не успела получить по нему деньги. Вас устроит, если я... передам его вам?

Она дрожала, называя цифру, потому что чувствовала себя чуть ли не преступницей. Но мадам Бертин отнеслась к этой сумме вполне спокойно.

– Двести фунтов, – повторила она. – Прекрасно! Ее хватит, чтобы снабдить вас одеждой, по крайней мере, на несколько месяцев. Чек в хорошем банке?

– Очень хорошем, – подтвердила Зария. – Скорее всего, у него есть свое отделение в Алжире.

– Превосходно, – одобрительно проговорила мадам Бертин и тихо добавила: – Только не говорите никому о нашей договоренности, вы меня понимаете? Ничего и никому. Не

хочу, чтобы знали, что я зарабатываю на вас деньги.

– Нет, нет, конечно, – заверила ее Зария.

– Я отберу для вас одежду сегодня вечером, – обещала мадам Бертин, – в крайнем случае завтра утром. Мы прибываем в Алжир к одиннадцати.

– Уже? – удивилась Зария. – А я и не знала.

– Так сказал Эди. Итак, вы принесете мне чек сегодня?

– Да, как только мы пойдем спать, – ответила Зария.

– Договорились. Только никому ни слова.

– Я буду молчать, – пообещала Зария.

Она хотела сказать еще что-то, но тут к ней подошел Чак.

– Не хотите потанцевать со мной? – спросил он.

Она так удивилась, что с минуту молча смотрела на него.

– Боюсь... я не так хорошо танцую, как... Кейт, – запинаясь, вымолвила она наконец.

– Какое это имеет значение? – ответил он. – Давайте попробуем. Это одна из моих любимых мелодий. Зария почти нехотя позволила ему отвести себя на миниатюрную танцевальную площадку рядом с проигрывателем. Кейт, демонстративно развернувшись к ним спиной, сидела на подлокотнике кресла Эди и наливала ему виски. Виктор разговаривал с мистером Вирдоном.

Казалось, они с Чаком остались наедине – никто не обращал на них никакого внимания. Поэтому она отбросила игру и стала снова самой собой.

– Я плохо танцую, – прошептала она. – Пожалуйста, Чак,

вам необязательно быть таким любезным.

– Вы считаете, что я веду себя так из любезности? – спросил он.

При этих словах он обнял ее и начал танец. Какое-то время она спотыкалась, но быстро расслабилась. Его близости и прикосновения было достаточно, чтобы она чувствовала каждый следующий его шаг, не сознавая ни техники движений, ни самой музыки. Она словно слилась с ним, ощущая себя его частью. Все проблемы и неприятности исчезли, она витала в облаках, чувствуя на своих плечах его руки. Ничто, кроме этого, не имело значения.

Он был так близко, что ей казалось, она слышит биение его сердца или то было ее собственное?

«Я была бы счастлива, если бы могла умереть так», – внешне подумала она про себя. Ее вдруг пронзил страх, что завтра наступит слишком быстро. Он уйдет, и она никогда больше его не увидит.

В одиннадцать они будут в Алжире! Однако время еще есть, он рядом и держит ее в объятиях.

– Бойтесь? – мягко спросил он.

– Сейчас нет, – ответила она.

– Вы удивительно выглядите!

Ей хотелось плакать оттого, что его голос был таким искренним. Они молча кружились в танце.

– Мадам Бертин – просто гений! – наконец произнес он. Я всегда знал, что вы можете так выглядеть, но не представлял,

что нужно для этого.

– Вы смеетесь надо мной, – ответила Зария.

– Как это характерно для англичан! Вы боитесь комплиментов. – И он действительно мягко рассмеялся. – Я говорю вам правду.

– Мне надо кое-что рассказать вам, – шепнула Зария.

– Осторожнее! – произнес он так тихо, что она едва разобрала это слово.

– Хорошо, но как же тогда?

– Не знаю, – ответил он. – Я постараюсь найти способ.

Пластинка кончилась. Пока Чак ставил новую, к Зарии, сияя, подошла Кейт.

– Виктор хочет потанцевать с вами, – сказала она.

– Нет, я пойду спать, – быстро ответила Зария.

– Прекрасная мысль, – заметила мадам Бертин со своего дивана. – Я тоже пойду. Спустимся в мою каюту, Зария! Я помогу вам снять платье. С ним надо быть осторожной, это одна из моих лучших моделей.

– Спокойной ночи, Чак! – повернулась Зария к Чаку и в ту же секунду поняла, что он не хочет, чтобы она уходила.

– Спокойной ночи, Зария, – слегка нахмурившись, произнес он. – Хорошего сна.

– Нам этого не дано, – сказала Кейт. – Пойдемте, Чак, устроим себе в эту ночь праздник!

Зария с упавшим сердцем отвернулась от них. «Бороться бессмысленно», – подумала она. Насколько Кейт умнее

ее! Своим уходом Зария только освобождала ей место, ведь внизу, у себя в каюте, она ей уже не конкурентка.

Мужчины разговаривали в дальнем углу салона. Они даже не повернули головы, когда Зария с мадам Бертин, проскользнув мимо них, вышли из комнаты. Спускаясь по трапу, Зария услышала почти театральный шепот мадам Бертин:

– Чек! Принесите его сейчас!

Зария пошла к себе и, достав чековую книжку, аккуратно выписала чек в двести фунтов на имя «мисс Зарии Браун» и подписалась.

Двести фунтов! Она едва не падала в обморок из-за колоссальности суммы. И все эти деньги пойдут на ее туалеты! Однако, почувствовав собственную привлекательность и увидев, какую роль играет одежда, она поняла, что не сможет снова надеть старый костюм.

Именно благодаря одежде Чак по-новому начал относиться к ней, а только это и имело значение. Впрочем, имело ли? Ведь, приехав в Алжир, он сразу же отправится на поиски матери.

У нее вдруг возникло такое чувство, что она едет на скором поезде. Скорость все увеличивается, ей уже не остановить его. Проходит время, бегут часы, и Чак неизбежно уйдет от нее.

Она передоверила чек на имя мадам Бертин, сложила его и немного смяла, чтобы он выглядел так, словно лежал у нее

в сумке, потом отправилась в каюту к мадам Бертин.

– Вот чек, – сказала она.

– Тише, дитя мое! Не говорите так громко, – ответила мадам Бертин. – Я же предупреждала вас, что не хочу, чтобы кто-нибудь знал об этом. Я скажу им, что вы обещали платить мне за платья из своего жалованья, понемногу каждую неделю. Вы меня понимаете? Она внимательно изучила чек и указанные на нем имя и банк.

– Зария Мансфорд! – воскликнула она. – Ее зовут так же, как вас.

– Я... меня называли в ее честь, – ответила Зария.

Мадам Бертин приняла это объяснение без всяких сомнений. Она быстро и жадно, как показалось Зарии, спрятала чек в сумочку.

– Этого достаточно на несколько платьев, – сказала она. – Конечно, не на самые дорогие модели, а на их копии, и на несколько простеньких экземпляров, которые я привезла специально для жаркой погоды. Вы сделали хорошую покупку.

Погрузившись в излюбленную тему, мадам Бертин продолжала болтать. Зария не слушала ее. Сбрасывая мягкий тюлевый шарф и снимая шуршащее шелковое платье, она погрузилась в мысли о том, что в это время происходило в салоне. Может быть, в этот момент Кейт танцует с Чаком, и он наслаждается тем, что держит ее в объятиях. Может быть, он хочет поцеловать ее.

Зария вздрогнула от одной мысли об этом. Было невыносимо думать о том, как губы Чака касаются полного, красного рта Кейт. Кейт без сомнений ответит на его поцелуй. Она жадно, страстно приникнет к нему, как она набрасывается на все, что приносит удовлетворение ее горячему, чувственному телу.

– У вас есть халат? – ворвался голос мадам Бертин в мысли Зарии.

– Нет, я, к сожалению, о нем не подумала, – ответила Зария.

– Тогда пусть он будет вашей первой покупкой, – сказала мадам Бертин. – У меня есть несколько моделей из хлопка. Их легко стирать, они дешевы и незаменимы для жаркого климата. Держите! Вот этот, светло-розовый с белыми цветами, очень подойдет вам.

Достав его из одного из лежащих на полу чемоданов, она помогла Зарии облачиться в него и бантом завязала пояс у нее на талии.

– Очаровательно! – воскликнула она. – Ничего лучше и желать нельзя!

– Да, вы правы, – согласилась Зария.

– А сейчас ложитесь, – посоветовала мадам Бертин. – Вы очень устали. Я подберу вам необходимые вещи. Завтра стюард принесет их к вам в каюту.

– Спасибо, – сказала Зария и добавила: – Я очень вам благодарна. Вы были так добры ко мне. Я... я навечно в долгу

перед вами.

– Бедная крошка! – воскликнула мадам Бертин. – У вас была трудная жизнь, и сейчас вы опять страдаете. Не бойтесь. Этой глупой Кейт не отнять его у вас. Что она из себя представляет? Ничего, просто пустышка. Он быстро раскусит ее, как это сделали многие мужчины, до него. Запомните, мужчинам не хочется владеть тем, что слишком легко достается.

– В самом деле? – спросила Зария.

– Разумеется, – ответила мадам Бертин. – Мужчины! Они по натуре охотники. Они охотятся за тем, что трудно достать, но когда получают желаемое, то – пфи! – это утрачивает для них свою ценность. Этап уже пройден и больше не увлекает их.

– Хотела бы я верить вам, – ответила Зария. Мадам Бертин улыбнулась.

– Ох уж эта любовь! – сказала она. – Как она ранит! Но только так можно научиться жизни – страдать, пытаться в будущем избежать страдания и знать, что только так стоит жить.

– Неужели это правда? – спросила Зария. Мадам Бертин только кивнула в ответ.

– Спасибо вам, – произнесла Зария и, к своему собственному изумлению, поцеловала мадам Бертин в щеку.

Потом, стараясь спрятать набегающие на глаза слезы, она бросилась к себе в каюту.

Она очень устала, но ей не хотелось ложиться в постель. Вместо этого она села за туалетный столик и, не снимая грима, который наложила ей на лицо мадам Бертин, принялась разглядывать себя в зеркало.

Она впервые в жизни изучала свое лицо, его сильные и слабые стороны, пыталась понять, как можно сделать его красивее – не ради собственного удовольствия, но чтобы понравиться Чаку.

Разумеется, все безнадежно, он никогда не полюбит ее. И однако, своим присутствием она могла бы помочь ему, спасти. От чего? Она не знала сама. Какую пользу она могла принести ему?

Он был беден – она могла дать ему денег. Это во-первых, и это проще всего. Но тогда ей надо признаться ему в том, кто она такая, а она дрожала при одной мысли об этом. И все же, чтобы помочь ему, она готова была преодолеть и смущение и робость.

Но существовало еще кое-что пострашнее денежных затруднений. Она не забыла злобного замечания Эди, той угрозы, которая таилась в его словах. Она не знала, почему они решили избавиться от Чака, но была уверена, что таково их желание. Надо предупредить его и быть готовой встать на его защиту, как это было сегодня вечером.

– Я люблю тебя! – робко произнесла она вслух, почти стыдясь того ощущения счастья, которое приносили ей эти слова.

Она ничего не хотела от своей любви. Ей было достаточно, чтобы Чак еще немного побыл рядом с ней, чтобы он держал ее за руку, чтобы она чувствовала его близость и слышала его уверенный голос.

Она вспомнила, как он сказал ей: «Я люблю тебя!» – и как она испугалась, захваченная врасплох. Сейчас она грезила о том, чтобы он еще раз искренне повторил ей эти слова.

Она резко поднялась и рассмеялась над собой. Как это глупо! Новая прическа, другая одежда не могли зачеркнуть реальности. Она – обычная девушка из Шотландии, с которой плохо обращались, которую плохо кормили. Внезапно она стала обладательницей большого состояния, но, получив его, не знала, как поступить с ним.

Она снова почувствовала тот ужас, который испытала в отеле «Кардос», когда, запинаясь и заикаясь, попросила горничную помочь ей. Она снова боялась остаться одна и снова, от безвыходности ситуации, решала занять место Дорис Браун и ехать в Марсель, чтобы сесть на «Колдунью».

«Меня она уже околдовала!» – вновь услышала она слова Чака.

Ей хотелось закричать от отчаяния, потому что это не было правдой. Он всего лишь притворялся, чтобы обмануть наблюдавших за ними людей.

Это на свитере Кейт можно вышить слово «Колдунья». Ведь именно она со своими теплыми красными губами может обворожить любого мужчину.

Зария заткнула уши пальцами, словно отгораживаясь от ревнивых мыслей, и заходила по комнате. Почему она так волнуется? Какое право она имеет возражать против этого? Никакого!

Они с Чаком встретились, как корабли в океане. Она сама говорила ему об этом. Он ответил, что она для него – как спасательный шлюп. Однако не он, а она, Зария, сейчас молит его о помощи, чтобы он чуть дольше побыл с ней и она чуть дольше могла опираться на него. Зария посмотрела на настенные часы. Был почти час ночи. Она медленно разделась, натянула ночную рубашку и легла. Не имело смысла ждать, когда остальные начнут спускаться к себе в каюты. Сегодня у них праздник, как выразилась Кейт, но никто не хотел видеть на нем ее, Зарию. Внезапно ее глаза наполнились слезами, но она решительно смахнула их.

«Нельзя жалеть себя, – сказала она себе. – Что бы ни случилось, я встретила Чака. Пусть будет то, что будет, но я люблю его и буду любить всю свою жизнь».

Должно быть, с этой мыслью она и заснула. Сон ее так перемешался с явью, что она не удивилась, когда, открыв глаза, увидела присевшего на постель Чака. Он приложил палец к ее губам, показывая, что нельзя говорить громко.

Она сонно смотрела на него.

– Нам надо вести себя очень тихо, – прошептал он, – не то кто-нибудь нас услышит. Извините меня за вторжение, но это единственный способ поговорить наедине.

Какое-то время ей казалось, что она еще спит. Он молча смотрел на нее, сняв очки. Она видела его спокойные серые глаза, которые, казалось, проникали ей в душу и видели, как рвется она навстречу ему.

– Вы хорошо повеселились? – спросил она сама не зная зачем еще сонным, теплым, счастливым голосом, потому что в действительности это не имело значения, ведь сейчас он был рядом с ней.

– Мне очень не хотелось будить вас. Во сне вы выглядели такой юной, такой невероятно юной, – немного удивленно проговорил он.

Привстав, она взглянула на часы. Было четыре часа утра.

– Как поздно! – воскликнула она.

– Я не решался прийти пораньше, – объяснил он. – Боялся, что они еще не уснули.

Она с трудом вспомнила, о чем собиралась поговорить с ним.

– Послушайте... – начала она. Он склонил голову так, что его ухо почти касалось ее губ.

– Говорите потише, – сказал он. – Если они узнают, что я у вас, они подумают что-нибудь нехорошее или решат, что мы что-нибудь затеваем против них.

Она быстро рассказала ему все, что услышала в каюте мадам Бертин, когда ее считали спящей. Чак не удивился. Когда наконец он поднял голову и посмотрел ей в глаза, она увидела улыбку на его лице.

– Не волнуйтесь, – сказал он. – Предоставьте все мне.

– Но я не могу успокоиться, – ответила она. – А вдруг – вдруг они что-нибудь с вами сделают?

Она остановилась, но тут же продолжила:

– Наверное, когда мы приедем в Алжир, вам лучше сразу уйти отсюда и ехать к матери.

С ее стороны это было самопожертвование, но она не могла поступить иначе, потому что слишком любила его. Ей хотелось спасти его. Он должен уйти. Пусть она останется одна, и будь с ней что будет.

– Предоставьте все мне, – повторил он. – Не думайте об этом. Ведите себя естественно и приготовьтесь выступить в качестве секретаря мистера Вирдона.

– А как же вы? – спросила она.

– Я смогу позаботиться о себе, – ответил он.

– Вы... уйдете?

– Нет, если только меня не вынудят.

– Что вы хотите этим сказать?

– Давайте оставим эту тему. Я уйду тогда, когда мне придется это сделать. А до тех пор я буду здесь, с вами.

– Я не понимаю, – жалобно сказала она.

– Все это не имеет значения, – ответил он. – Мы вместе, мы вдвоем против всех – вот что важно.

Он был прав. Ничто не имело значения, кроме того, что они вместе и могут поддержать друг друга.

– Я боюсь потерять вас.

Она никогда не осмелилась бы произнести такие слова днем, но сейчас еще не совсем очнулась от сна, и его присутствие рядом казалось ей нереальным. В ответ он потрепал ее по щеке.

– Бедняжка, – произнес он. – Вы совсем растерялись и испугались. Помните, я рассказывал вам о бродячем псе? Он подобрал меня и стал моим самым большим другом. У меня такое чувство, Зария, что мы с вами будем... большими друзьями.

Были тому виной его слова или прикосновение, но голова у нее вдруг закружилась от счастья.

– Все равно, – пробормотала она, – мне бы хотелось знать, что же все-таки происходит. Почему у мистера Вирдона такое странное окружение? Они плохие люди, я в этом уверена.

– Я тоже, – согласился Чак. – А сейчас мне пора уходить. Все, что от вас требуется, – это заснуть и больше не волноваться. Спокойной ночи, Зария.

Он подоткнул ей одеяло, словно она была ребенком, затем внезапно наклонился и коснулся губами ее лба. Она хотела что-то сказать, но он быстро вышел, бесшумно закрыв за собой дверь.

Зария лежала, прислушиваясь, не услышит ли его шагов в коридоре. Но оттуда не доносилось ни звука. Она с трудом перевела дыхание. Он поцеловал ее! Поцеловал по собственной воле!

Пусть в знак утешения, по-братски, но она снова почувствовала его губы, убедилась, что он искренен в своем дружеском отношении к ней.

– Боже! Благодарю тебя! Благодарю! – шептала она. На глаза навернулись слезы. Она их не сдерживала, и они медленно стекали по щекам. Это были слезы доселе не изведанного ею счастья. Чак, которого она так любила, стал ее настоящим другом!

Глава 9

Зарию разбудил Джим, который принес ей в каюту завтрак. Он поставил поднос на столик рядом с кроватью и отдернул с иллюминаторов шелковые занавески. Солнечный свет залил комнату. Зария села на кровати и протерла глаза.

– Доброе утро, Джим, – сказала она.

Что-то вокруг было не так, но что именно? Вдруг она поняла, что мотор молчал.

– Почему мы остановились? – спросила она.

– Мы уже в порту, мисс, – ответил он. – Мы прибыли в Алжир на рассвете.

– Мне казалось, мы приедем не раньше одиннадцати, – воскликнула она.

– Такая скорость – не предел для «Колдуньи», – ответил он. – Впрочем, тот, кто сказал вам об одиннадцати часах, явно преувеличил. От Марселя до Алжира всего пятьдесят часов ходу. Хотя мы, конечно, немного свернули чтобы забрать мадам.

– Но мадам Бертин сказала мне, Эди Морган уверял ее, что мы будем только к одиннадцати, – возразила Зария.

– Наверное, у мистера Моргана были свои причины так говорить, если вы извините меня, мисс, – доверительно проговорил Джим. – Что ж, мы прибыли. Приятно видеть знакомые берега. Я всегда говорил капитану, что Алжир – один

из самых красивых портов Средиземноморья.

– Мне тоже всегда так казалось, – рассеянно согласилась с ним Зария. Она думала о Чаке, о том, чем он занят в настоящий момент.

– Я вам принес кое-что, мисс, – улыбнулся Джим.

Он выскользнул из каюты и через секунду появился снова с грудой одежды.

– Мадам велела принести все это, как только вы проснетесь. Сейчас я принесу еще.

Он положил одежду на стул, снова исчез и появился с другой партией.

– Пойду найду для вас вешалки, – сказал он. Зария смотрела на одежду, захваченная обилием красок: красной, голубой, зеленой, белой и серебристо-серой, наверное, это был костюм для прогулок.

Джим появился снова с коробкой для туфель и легкой нейлоновой нижней юбкой, которую, как догадалась Зария, надо надевать под летние платья с ярким, цветастым узором на белом или пастельном фоне.

– Готовите приданое, мисс? – улыбнулся Джим. Его слова ранили ее. Вряд ли ей когда-нибудь понадобится приданое. Однако она была слишком занята, чтобы заботиться о своих печалях. Ей надо было подумать о многом другом, например, о том, что будет делать Чак теперь, когда они прибыли в Алжир.

– Мне надо вставать, – нетерпеливо проговорила она.

– Я включу для вас воду в ванной, мисс, – ответил Джим. – Да, кстати, кок приветствует вас и надеется, что вам понравится завтрак.

Он помедлил немного и добавил:

– Мы все очень рады, мисс, что вы стали так хорошо выглядеть. Если простите мне мою смелость, вчера вечером вы были просто очаровательны.

– Спасибо, – покраснела Зария. Она вспомнила, что за ужином заметила лица в выходящем на кухню люке, но не поняла тогда, что именно она является объектом их любопытства. – Шеф считает, что это его заслуга, – сказал Джим. – Но я больше доверяю витаминам миссис Кардью. Вы явно немного поправились мисс.

– О Джим, неужели правда? – спросила Зария, забывая обо всем на свете от удовольствия слышать комплимент, который, как она знала был искренним.

– Не сомневайтесь, мисс, – ответил Джим. – По-моему, нам стоило бы иметь на яхте весы. Тогда мы знали бы точно, сколько вы прибавляете в весе каждый день.

– Ну, это было бы совсем непозволительной роскошью, – рассмеялась Зария.

Как только Джим вышел, она выскочила из постели. У нее не заняло много времени принять душ и надеть одно из прелестных тонких платьев, которые Джим оставил на стуле. Она робела надеть слишком яркое и выбрала бледно-голубое. К нему подходила короткая шерстяная кофточка, ко-

тору можно было надеть, когда скроется солнце и подует холодный ветер, что часто случается в Средиземноморье.

Зария причесала волосы так, как учила ее мадам Бертин, и, тронув щеки румянами и слегка подкрасив ресницы, поспешила из каюты.

Только поднявшись на палубу и увидев мистера Вирдона, она вспомнила, что в первую очередь должна была подумать о нем. Она – его служащая, но до сих пор ей не удавалось хоть чем-то оправдать свое жалованье. Сейчас наступил тот момент, когда ее услуги могли понадобиться ему.

– Доброе утро, мистер Вирдон! – проговорила она. – Чем я могу быть полезна вам?

Он посмотрел на нее туманным взором, словно не мог вспомнить, зачем она здесь и почему он может нуждаться в ее помощи.

– Поговорите с Эди. Он вас искал, – наконец произнес он, неопределенно махнув рукой.

Зария поискала глазами и увидела, что Эди Морган с Виктором разговаривают на носу с несколькими важного вида чиновниками в форме, украшенной золотыми галунами. Она поспешила к ним.

– Вот и вы, Зария, – сказал Эди Морган, нахмутив брови. – Попытайтесь объяснить им, что мадам Бертин уже зарегистрировала свой магазин. Они упорно считают нас обычными туристами.

– А вы говорили им о мистере Вирдоне? – спросила Зария.

Эди Морган поднял брови:

– О Вирдоне? А что я должен был им сказать о нем?

– Что он археолог, – ответила Зария.

– Нет, я совсем не подумал об этом.

Зария повернулась к чиновникам и объяснила им, что мистер Вирдон – археолог и собирайся почти немедленно приступить к раскопкам. Она говорила медленно, потому что немного подзабыла французский.

Как она и предполагала, тот факт, что мистер Вирдон настоящий археолог и вдобавок к этому американский миллионер, произвел на них сильное впечатление. Чиновники расплылись в улыбках и выразили готовность всячески помочь им.

– Мистер Вирдон взял мадам Бергин на яхту, потому что она – его друг, – продолжала Зария. – Она – очень известный модельер из Парижа, и ее модели будут способствовать процветанию торговли в городе.

Чиновники снова улыбнулись и пообещали помочь.

– Мадемуазель, очевидно, носит одно из платьев мадам, – заметил один из них с галантностью, которая была свойственна его нации.

– Да, вы правы, – подтвердила Зария,

– В таком случае, мы уверены, все женщины Алжира будут искренне рады приезду мадам, – проговорил чиновник.

Зария улыбнулась ему и по-английски объяснила Эди, что все в порядке.

– Разумеется, багаж должен пройти таможенный контроль, – сказала она. – Но эти любезные джентльмены проследят, чтобы не было никаких задержек. А сейчас им хотелось бы взглянуть на корабль.

– Чистая формальность, – сказал один из чиновников, и Зария перевела.

– Наверное, этим нужно заняться капитану, предположила она. – А пока они не отказались бы от чашечки кофе или чего-нибудь покрепче.

Эди и Виктор сразу же поняли намек и поспешно оставили их, чтобы найти капитана и приказать Джиму немедленно принести кофе и бутылку коньяка в кают-компанию. Зария объяснила их действия чиновникам.

– Очень любезно с вашей стороны, – ответили они. – Мадемуазель первый раз в Алжире?

– Нет, – покачала головой Зария. – Я уже была здесь несколько лет назад. Я помню, какой это красивый город.

– Вы собираетесь участвовать в раскопках вместе с мистром Вирдоном? – поинтересовался другой чиновник.

Зария кивнула.

– Дайте мне ваши паспорта, и я прослежу, чтобы вам вернули их как можно быстрее, – сказал он. – Это сэкономит вам время, мадемуазель. Пусть мистер Вирдон не беспокоится, мы сделаем все, что в наших силах.

– Вы очень любезны, – улыбнулась Зария. В этот момент к ним подошел капитан. Зария представила его и отправилась

на поиски Эди. Он был в кают-компании и, как обычно, подлеплялся виски. – Им нужны наши паспорта. Они обещали немедленно проштамповать их, – сообщила она. – Я соберу их?

– Я все сделаю, мисс, – сказал Джим. Он специально помедлил у двери, чтобы узнать как идут дела.

– Спасибо, Джим, – отпустила его Зария.

– Это обычная процедура? – спросил Эди. К удивлению девушки, он был хмур. – Я имею в виду эту катавасию с паспортами.

– Разумеется, – ответила Зария. – Вы не можете въехать в страну, не пройдя таможенного и паспортного контроля. Мне распорядиться, чтобы выгружали багаж мадам Бертин?

– Мы не спешим, – резко сказал Эди.

– Но мне казалось, вы хотели увидеть ее магазин... – начала Зария.

– Я же сказал вам, что не надо спешки, – недовольно возразил Эди. – Не суетитесь, понятно?

Зария замолчала, не понимая, почему он позволяет себе кричать на нее. В этот момент в комнату вошел Джим с пачкой паспортов в руках.

– Здесь все, и ваш тоже, мисс, за исключением паспорта мистера Танера. Он взял его с собой на берег, – сказал он.

– На берег! – воскликнула Зария. – Он сошел на берег?

– Да, мисс. Как только мы прибыли в порт.

– Что такое? – спросил Эди Морган. – Кто ему позволил

спускаться на берег? Я считал, что это запрещается.

– После прохождения таможенного контроля это позволено всем.

– Куда пошел этот чертов парень? – спросил Эди. – Он должен был предварительно сообщить об этом мне. Он не имел права так срываться с места. Мне это не нравится. Куда он пошел?

– Он не говорил мне об этом, сэр.

– А вам? – спросил Эди, глядя в глаза Зарии. Она отрицательно покачала головой.

– Нет, я даже не предполагала, что ему представится такая возможность. Если помните, вы сами вчера сказали мадам Бертин, что мы прибываем в Алжир только к одиннадцати.

– Разве? – Его ответ прозвучал неубедительно, и у Зарии сложилось впечатление, что он с самого начала знал точное время прибытия.

– Как бы то ни было, он имел смелость уйти, не поставив никого в известность, – продолжал Эди. – Мне казалось, он здесь, чтобы помогать вам.

Эди не был похож на хорошего актера и, следовательно, в самом деле не знал, куда и почему ушел Чак. Это слегка утешило Зарию, хотя она все равно беспокоилась.

А вдруг Чак совсем ушел с яхты? Вдруг, попав в Алжир, он сразу же отправился к матери, больше не заботясь ни о ней самой, ни о тех людях, с которыми вместе ехал? Ей не верилось что он мог так поступить. Однако он не оставил для

нее никакой записки, никак не предупредил ее.

Зария упала духом. Она чувствовала себя подавленной, хотя и повторяла себе, что Чак не мог исчезнуть без всякой причины и должен вернуться.

После поверхностного осмотра яхты в кают-компанию вошли таможенники за обещанным кофе и коньяком. Их английский оставлял желать лучшего, поэтому Зария предпочла переводить разговор, который завели с ними Эди и Виктор. Она была удивлена тем, что к ним не присоединился мистер Вирдон. Он все еще стоял без дела на палубе.

«Наверное, он очень застенчив», – подумала она про себя, хотя и не могла до конца поверить в это. Он был довольно угрюмым, неразговорчивым человеком, но вряд ли робким. Странная личность, она совсем не понимала его. Более всего странно было в нем то, что он никогда не отдавал распоряжений лично, а всегда использовал для этой цели Эди.

Таможенники собрались уходить. Откланявшись, они спустились на берег, унеся с собой пачку паспортов.

– Будем надеяться, что все обойдется, – с сомнением обратился Эди к Виктору.

– Кажется, они не собираются чинить нам никаких препятствий, – ответил Виктор.

– Когда же мы наконец избавимся от этих проклятых ищек? – спросил Эди. Только произнеся эти слова, он вспомнил, что Зария его слышит. Он быстро обернулся к ней.

– Бегите к мадам Бертин. Пусть она поднимается сюда,

если она уже встала, – приказал он.

– Хорошо, – ответила Зария.

Закрывая дверь салона, она слышала, как Виктор произнес:

– Ты все время к нам придираешься, Эди, но сейчас и сам был не очень-то осторожен.

«Когда же все разъяснится?» – думала Зария, спускаясь вниз и стучась в каюту к мадам Бертин.

– Войдите! – отозвался по-французски хриплый голос мадам Бертин. Она сидела перед туалетным столиком и красила губы.

– Доброе утро, милочка, – сказала она. – Дайте-ка я посмотрю на вас.

Повернувшись, она взглянула на Зарию, стоящую в любушках из иллюминатора лучах солнца. – Очаровательно! – воскликнула она. – Но вы все-таки слишком бледненькая. Надо класть побольше румян. Конечно, перебарщивать тоже не стоит, но щеки у вас должны быть того цвета, который подobaет молоденьким девушкам. А платье такое изысканное, свежее, без всякой вычурности! Вы сделали правильный выбор. Повернитесь!

Зария повиновалась.

– Да, я несомненно гениальна по части одежды для солнечной погоды, – продолжала мадам Бертин. – Увы, с одеждой для холодного климата дело обстоит несколько хуже.

– По-моему, все, что вы отобрали для меня, просто пре-

восходно, – сказала Зария. – Правда, я не успела все как следует рассмотреть. Не предполагала, что мы так рано приедем.

– Я тоже, – ответила мадам Бертин. – Ну что ж, прекрасно. Что происходит на палубе?

Зария рассказала ей о чиновниках, как они были любезны и предложили помочь.

– Мистер Вирдон произвел на них большое впечатление, – объяснила она. – Они всегда приходят в восторг, когда американские миллионеры приезжают в Алжир. Им кажется, что это способствует процветанию города. К тому же, если раскопки будут успешными, можно ожидать наплыва туристов и других археологов, а это опять же дополнительные деньги.

– Вы, по-видимому, энтузиастка, милочка, – заметила мадам Бертин. – Вам действительно нравится... как это говорится... копать?

– Это очень увлекательное дело, – сказала Зария и, поколебавшись, добавила: – Мне бы хотелось, чтобы мистер Вирдон проявлял больше интереса к раскопкам. Мы еще ни разу не говорили с ним на эту тему. Кажется, он не очень стремится обсуждать свои дела.

Мадам Бертин снова повернулась к туалетному столику.

– Не волнуйтесь! – успокоила она Зарию. – Всеу свое время. – И она занялась своими большими жемчужными серьгами. – Какие планы на сегодня?

– Не имею ни малейшего представления, – ответила Зария. – Я думала, мистер Морган хочет, чтобы ваши вещи поскорее перенесли на берег, но он сказал, что спешить незачем.

– Ну, разумеется, незачем, – откликнулась мадам Бертин. – Сначала мне надо посмотреть магазин. Он должен соответствовать качеству моих великолепных моделей.

– Я совсем не подумала об этом! – воскликнула Зария. Разумеется, мистер Морган прав. Платьям безопаснее полежать здесь. Вдруг ремонт еще не закончен или надо будет что-нибудь спешно подделать!

– Вот именно, – сказала мадам Бертин. – Если вам нетрудно, достаньте из шкафа мой шарф – голубой, вы увидите, под это платье.

Зария исполнила ее просьбу, после чего они вместе с мадам поднялись на палубу.

Наконец-то у Зарии было время оглядеться вокруг. Прекрасная полукруглая гавань была полна кораблей всех размеров и очертаний, а на берегу белые с плоскими крышами здания поднимались террасами к огромной крепости со старинными бронзовыми пушками, которые до сих пор были обращены на залив. Крепость стояла на том месте, где жили древние бейи.

У Зарии перехватило дыхание. Не только красота Алжира была тому причиной. Она чувствовала себя так, будто после долгих странствий вернулась в родной дом. На нее нахлы-

нули воспоминания о том времени, когда она была здесь в последний раз. Она вспомнила о песке, который забивается под одежду, как бы вы ни были осторожны, о гортанных песнях, которые поют рабочие во время раскопок, о выкопанных гончарных изделиях, которые раскладываются на солнце, о захватывающих минутах ожидания, пока новую находку вытаскивают на поверхность. Она помнила каждое счастливое мгновение, забывая о том, как гневные всплески отца нередко превращали ее жизнь здесь в сплошной кошмар, полный насилия и жестокости.

Она помнила, как кормила здесь осликов, как разговаривала с местными женщинами. Они казались ей такими таинственными, только глаза сияли поверх скрывающих лица яшмаков. Ветер на секунду отвернул их, обнажив высокие скулы, иссиня-черные волосы и обведенные черной краской глаза, как это полагалось арабским танцовщицам.

Зария так погрузилась в воспоминания, что не заметила, как осталась одна на палубе. Мадам Бертин ушла в салон.

На берегу залива толпились арабы, дети и нищие, разглядывая яхту, но она не замечала ничего, погруженная в свои грезы. Снова перед ней простиралась огромная пустыня под палящим солнцем, сливавшаяся вдалеке с безоблачным голубым небом. Африка, родная ей земля!

Именно в этот момент, как бы явившись к ней из мечты, на трапе появился Чак. Зария на секунду застыла, не в силах оторвать от него взгляда, потом, вскрикнув, бросилась

навстречу.

– Чак, где вы были? Я так беспокоилась. Я боялась, вы уже не вернетесь.

– Вы считали, что я на это способен? – спросил он.

– Я... я сомневалась. Почему вы не сказали мне, что собираетесь спуститься на берег?

– Я думал, вы еще спите, – ответил он. – Кроме того, мне не хотелось объявлять всем о своих намерениях. Мне необходимо было попасть на берег.

– Эди очень рассержен, – сказала она.

– Неужели? – Казалось, Чака эта мысль забавляла. – Они все в салоне, – продолжала Зария. – Он узнал, что вас нет, когда таможенники начали собирать паспорта.

– С ними что-нибудь не в порядке? – поинтересовался Чак.

Зария покачала головой.

– Насколько я знаю, нет. Их еще не принесли обратно.

– Ну, мой-то уже отмечен, – сказал Чак. – Так что это не должно никого беспокоить. Какие у нас планы?

– Не знаю, – ответила Зария. – Мадам Бертин говорила, что хочет посмотреть магазин. Я предложила мистеру Вирдону свою помощь, но, похоже, он во мне не нуждается.

– На вашем месте я не стал бы проявлять излишнюю настойчивость, – посоветовал Чак. – Он сам знает, когда хочет начать работать.

– Да, наверное, – робко согласилась Зария.

– А сейчас нам предстоит встреча с начальником, – произнес Чак, слегка усмехнувшись. Он прошел по палубе к двери салона и распахнул ее. Эди поднял на него глаза и сердито спросил:

– А, явились наконец, мистер Танер? Где вас носило?

– Я был на берегу, – ответил Чак. – У вас есть какие-то возражения?

– И немало. Почему вы не сообщили, что собираетесь уходить?

– Я как-то не подумал об этом, – ответил Чак. – Мне просто надо было кое с кем встретиться на берегу.

– С кем? – Вопрос прозвучал в тишине салона как пистолетный выстрел.

– С одним другом, – ответил Чак. – Вас он вряд ли заинтересует. Это просто мой друг. Подумать только, если бы мы приехали к одиннадцати, как вы нас уверяли, то я бы никогда с ним не встретился!

– Кто он такой? – спросил Эди. И снова в его вопросе прозвучала угроза. Чак немного помолчал и наконец несколько неохотно произнес:

– Извините за колебания, но это довольно личное дело. Дело в том, что... тот друг, с которым я должен был встретиться... это женщина.

Эди заметно расслабился.

– Так вот почему вы так скрытничали? – спросил он, чуть усмехнувшись про себя.

– Ну разумеется! Вы сами видите, что поставили меня в несколько неловкое положение, – ответил Чак.

– Если бы вы были откровенны со мной, я не стал бы проявлять излишнего любопытства, – сказал Эди. – Но давайте поставим точки над *i*. Никто не имеет права сходить на берег и слоняться по городу без моего разрешения. Вы и Зария наши служащие. Теперь, когда мы наконец прибыли в Алжир, у вас будет много работы.

– Вы хотите, чтобы мы заказали транспорт и наняли рабочих для раскопок? – спросила Зария. – Надо позаботиться об этом заранее, иначе лучших наймет кто-нибудь другой.

– Неплохая мысль, – согласился Эди. – Вы с вашим молодым человеком немедленно займетесь этим. Хотя, пожалуй, пусть это делает Танер, а вы, Зария, будете служить мне в качестве переводчика.

– Хорошо, – ответила Зария, стараясь, чтобы голос не выдал ее разочарования. Ведь ей так хотелось побыть вместе с Чаком!

– Принимайтесь за работу, Танер. Я хочу, чтобы все было готово, – сказал Эди.

– Хорошо, – ответил Чак, – но вам не кажется, что неплохо было бы выслушать мистера Вирдона. Пусть он расскажет, куда мы собираемся ехать и что будем делать. Район очень большой, вы же понимаете.

– Ваша беда в том, – нахмурился Эди, – что вы задаете слишком много вопросов. Вы наймете работников, а осталь-

ным займется сам мистер Вирдон. Кстати, а где это можно сделать?

– Мне говорили, существует специальное бюро по найму. Оно где-то рядом с мечетью Сиди Мухамеда, – ответил Чак. – Я немедленно отправлюсь туда и попробую все уладить.

– Подождите несколько минут, и я пойду с вами, – вмешался Виктор.

– Буду рад, – ответил Чак. Зария заметила взгляд, которым обменялись Виктор и Эди. Хотя она не поняла его значения, но у нее сложилось странное впечатление, что они чего-то ждут и сейчас просто тянут время. Правда, с другой стороны, в этом не было никакого смысла: они хотели попасть в Алжир, и вот они здесь.

– Как вы насчет того, чтобы выпить? – спросил Эди.

– Я хочу кофе, только черный и, пожалуйста, погорячее, – ответила мадам Бертин. Она сидела в кресле и разглядывала свои ногти.

Эди позвонил и отдал распоряжения пришедшему на звонок Джиму.

– Все будут кофе, сэр? – спросил Джим.

– Я бы не отказался, – ответил Чак. Остальные проявили полное равнодушие. Только Эди добавил:

– Еще бутылку виски. И поживее.

«Почему они все так нервничают и раздражаются?» – подумала Зария.

Джим вышел из комнаты, но тут же из-за двери послышался тихий голос матроса, который что-то сообщал ему. Джим вернулся в салон.

– Там человек, сэр. Он говорит, у него записка для мистера Моргана.

– Пусть войдет. Немедленно, – сказал Эди, вскочив с кресла и внезапно возродившись к жизни.

В салоне воцарилась тишина, все молчали. Наконец вошел маленький худой человечек в феске и странном, полу-восточном-полуевропейском одеянии, из-под которого торчали ноги в коричневых ботинках.

– Записка для мистера Моргана, – сказал он певучим голосом и улыбнулся собравшимся.

– Давайте, – приказал Эди.

Он взял клочок бумаги, который протянул ему человечек, прочитал его и резко сказал:

– Ответа не будет.

Человечек в феске не тронулся с места, будто ожидая чего-то.

– Посыльный, по-моему, ждет вознаграждения за услуги, – весело проговорил Чак.

– Что такое? – спросил Эди. – Дайте ему доллар. Есть у кого-нибудь с собой?

– У меня есть немного французских денег, – ответил Чак и бросил человечку стофранковую бумажку. Поймав ее в воздухе, человечек тут же исчез в дверях.

Мадам Бертин и Виктор выжидательно смотрели на Эди. Но не успел тот сказать и слова, как Зария почувствовала на своем плече руку Чака.

– Пойдемте, – тихо сказал он.

Никто не пытался остановить их. Чак повел ее туда, где никто не мог их услышать.

– Что происходит? – спросила она.

– Не знаю, – ответил он. – Я не хочу, чтобы вы оказались замешаны в эту историю. Возможно, будет лучше, если мы прямо сейчас уйдем отсюда.

– Уйдем? С яхты? – спросила Зария. – Но почему? Я не могу поступить так.

– Я волнуюсь за вас, – сказал он.

– Не надо, – ответила Зария. – Они, конечно, странные и необычные люди и, думаю, замышляют что-то плохое, хотя и не могу представить себе, что именно, однако опасность грозит вам, а не мне. Если кому-нибудь и надо уходить с яхты, то именно вам. Ей трудно было произнести это, потому что в глубине души ей не хотелось, чтобы он уходил, оставляя ее одну.

– Я в состоянии позаботиться о себе, – ответил Чак. – И о вас тоже, если только это в человеческих силах.

– Чего вы боитесь? – спросила Зария. – Чак, пожалуйста, скажите мне правду. Что, по вашему мнению, замышляют эти люди?

– Сейчас я не могу рассказать вам об этом, – ответил

Чак. – Вам остается только довериться мне.

– Это связано с вашей матушкой? – спросила она.

– Моей матери уже лучше, – быстро ответил он. – Я звонил ей, когда спускался на берег.

– Так вот зачем вы уходили, – сказала Зария. Она сама не вполне сознавала, каким тяжелым грузом лежала на ее сердце мысль о подруге Чака. Но теперь тучи рассеялись, и все вокруг снова стало радужным!

– Разумеется, – ответил он, – но я же не мог им признаться в этом! Кажется, они будут не слишком довольны, если узнают, что у меня есть родственники в Алжире.

– Во всем этом кроется какая-то тайна, – сказала Зария. – Как бы мне хотелось узнать правду. И мистер Вирдон какой-то странный...

– Не беспокойтесь, – сказал Чак. – Я уже говорил вам, предоставьте все мне. А пока я пойду и займусь рабочими. Конечно, когда Виктор соизволит сообщить мне, что он готов.

Его мысль словно передалась сидящим в салоне, потому что при этих словах Виктор высунул голову из-за двери.

– Танер! – позвал он. – Танер! Где вы?

Чак и вслед за ним Зария направились к салону. Все трое, которые сидели молча и равнодушно при их уходе, сейчас, казалось, были одержимы жадой немедленных действий.

– Танер, вы с Виктором сейчас же отправляетесь за рабочими! – командовал Эди. – И по дороге подбросите мадам

Бертин до магазина. Зария, вы пойдете со мной.

Эди казался генералом, расставлявшим своих солдат по местам, не сомневаясь в их беспрекословном повиновении. Чак, Виктор и мадам Бертин отправились немедленно, а сам Эди пошел искать мистера Вирдона.

Зария побежала в каюту, чтобы захватить пальто на случай холодной погоды. Вернувшись на палубу, она услышала, как Эди говорит:

– Умоляю, сделай вид, что тебе это интересно, даже если это совсем не так. У нас впереди еще уйма дел. Мы слишком далеко зашли, чтобы позволять себе промах.

– Не понимаю, зачем мне надо ехать с вами, – прозвучал ответ мистера Вирдона. – Какая от меня польза?

– Ты нужен мне в качестве витрины! – сердито проговорил Эди. – Ты же можешь сыграть роль... – Он внезапно замолчал, увидев Зарию.

– Поспешите, – сказал он, будто она заставила его ждать. – Мы не можем терять весь день.

Они спустились на берег, наняли такси и поехали в город. После долгого пути по широким забитым машинами улицам они остановились у Каабы и отпустили машину.

Отсюда они стали пробираться по узким, извилистым, похожим на темные ущелья улочкам, которые карабкались на вершину холма. Они шли мимо зловещего вида домов без окон, таинственных подворотен, разномастных лотков и лавчонок. Людей было так много, что им с трудом удавалось

пробираться сквозь толпу в море шума, криков и запахов. Они шли мимо мужчин, играющих в шахматы у дверей мавританских кафе, мимо ремесленников, выдавливающих узоры на коже, сапожников, ремонтирующих обувь, женщин, толкущих кофе в каменных ступках тяжелыми свинцовыми пестиками, ткачей, работающих за ткацкими станками.

Зарии очень хотелось остановиться и как следует разглядеть необычные товары, которые лежали на лотках у торговцев продуктами. С одного из них продавали маленькие, шипящие на открытой жаровне шампура с кусочками печени, почек и крохотными красными сосисочками. У другого стоял мужчина, который, стуча ножом по краям огромного железного блюда с кондитерскими изделиями, выкрикивал громким визгливым голосом: «Сладости! Сладости!»

Зарии представлялось, что она попала в сказку из «Тысячи и одной ночи». Они сворачивали из одной улочки в другую и, казалось, потеряли дорогу в этом заполненном людьми лабиринте. Им навстречу попадались палатки, в которых переливались местные драгоценности и висели шелк и парча. Женщины смотрели темными глазами из-под яшмаков, мальчишки бежали следом, прося милостыню.

Но они продолжали, не останавливаясь, продвигаться дальше. Сначала Зария думала, что Эди, который шел впереди, идет наобум, не разбирая дороги, но потом она заметила в его руке листок бумаги, в который он то и дело поглядывал. Один раз, когда он остановился, ей удалось подойти

поближе и заглянуть ему через плечо. Это была та самая записка, которую принесли на яхту. На самом деле она представляла собой грубо нарисованную от руки карту.

Зарии хотелось расспросить Эди, но мистер Вирдон, который шел последним, не выказал ни малейшего интереса. Он шел молча, глубоко засунув руки в карманы белых брюк. С ее стороны было бы неуместно задавать вопросы, если он без возражений принимал лидерство Эди.

Еще один поворот и еще один изгиб улочки – и они остановились у низкой лавчонки, в которой было выставлено множество сафьяновых туфель, сумок, поясов и других вещей из кожи, украшенной тонкими узорами местных ремесленников.

Араб-торговец в изощренной туземной одежде низко поклонился им.

– Вам нужны туфли, прекрасные туфли для молодой леди? И для вас самих тоже? – спросил он по-английски. – У меня есть что показать вам.

В ответ Эди протянул ему бумагу, которую держал в руке. Торговец быстро огляделся по сторонам, затем кивнул, приглашая их войти в лавку. Это была крохотная комната, завешенная портьерами. Торговец отодвинул свисавшую с потолка кожу с выделанными на ней узорами, и Зария увидела за ней обитую гвоздями дверь.

– Поспешите! – умоляюще произнес торговец.

Эди вошел в дверь, чуть нагнув голову. За ним последовал

мистер Вирдон.

Медля, Зария бросила взгляд на араба. На губах у него играла улыбка, но выражение лица заставило ее вздрогнуть. Он смотрел в спину ничего не подозревающих американцев, и неприкрытая жадность и скупость читались в его глазах.

Глава 10

Наклонившись, Зария вошла в дверь и, к своему изумлению, оказалась в маленьком внутреннем дворике. Она тут же вспомнила, как характерны такие дворики для арабских домов. Этот, по-видимому, выходил на улицу, до тех пор пока перед ним не поставили обувную лавку.

В центре двора маленький фонтан бил высокими струями, темная листва пальм почти касалась украшенных арками и мозаикой балконов окружающих его высоких зданий с занавешенными, словно слепыми окнами. Тень под ними казалась почти черной по сравнению с яркими пятнами солнечного света. Как обычно в арабских двориках, Зария не могла избавиться от мысли, что чьи-то черные любопытные глаза наблюдают за ней через щелки в ставнях.

– Поторопитесь! – произнес по-арабски торговец. Зария опомнилась и поняла, что, пока она разглядывала окрестности, Эди с мистером Вирдоном ожидали ее в узкой арке.

– Он говорит: «Поторопитесь», – перевела она, что было совсем необязательно, потому что о словах араба легко было догадаться по его тону.

– Тогда пойдете, Бога ради! – воскликнул Эди. К ее немалому изумлению, он нервничал. Его темные подозрительные глаза внимательно оглядывали все вокруг, даже грубо слепленный потолок.

– Он хочет, чтобы вы шли за ним, – произнесла Зария, показывая глазами на араба, который стоял, вытянув руку по направлению к обитой железом двери.

– Сам вижу, – огрызнулся Эди и чуть слышно спросил: – Как считаешь, это нормально, Корни?

В ответ мистер Вирдон только пожал плечами, и Зария подумала, что он единственный среди них остается спокойным.

«Почему он ввязался в эту историю? – подумала она про себя. – Такое впечатление, что он ко всему равнодушен. Тем не менее он позволяет, чтобы все эти дела совершались под маркой его имени».

Хотелось бы ей знать ответ на этот вопрос! Но времени для раздумий не оставалось, они уже двигались вперед. Первым в дверном проеме скрылся араб, за ним последовал Эди и, наконец, мистер Вирдон. Они даже не попытались казаться вежливыми и пропустить женщину вперед.

Впрочем, Зария была благодарна им за дурные манеры. Это давало ей время немного успокоиться.

Комната, в которой они оказались на этот раз, была маленькой, низкой и завешенной шелковой материей. На полу, вокруг большого медного блюда, были разложены пухлые подушки. Через окна, затененные листвой и изгородью, проникало очень мало света, в воздухе чувствовался слабый, но отчетливый запах мускуса, сандалового дерева и неизменно кофе. Араб приветствовал их:

– Окажите честь моему бедному жилищу, присаживайтесь.

Зария перевела, и Эди неохотно и почти обреченно опустился на одну из подушек. Зария с трудом сдержала желание рассмеяться: таким он выглядел неуместным в изоэщенной обстановке комнаты. Ему больше подходило подпирать стойку бара.

Мистер Вирдон в своем костюме яхтсмена тоже смотрелся нелепо. Может быть, и она сама, садясь на кожаную подушку, превращенную искусством местного умельца в замысловатое сиденье, выглядела смешной.

– Как ты считаешь, он здесь? – прервал молчание мистер Вирдон.

– Попробуй он только не быть, – ответил Эди, – после всех тех сложностей, которые мы преодолели.

– С этими туземцами трудно сказать наперед, – возразил мистер Вирдон.

Словно не в силах дольше выдержать ожидания, Эди агрессивно обернулся к Зарии.

– Спросите его, здесь ли шейх, – приказал он.

– А как зовут шейха? – поинтересовалась Зария.

– А вам что за дело? – возразил Эди.

– Лично мне никакого, – холодно ответила Зария, – но по-арабски невежливо говорить о нем, не называя по имени. Не забывайте, арабский – очень витиеватый язык.

– Ну, хорошо, – согласился Эди. – Спросите его о шейхе

Ибрахиме ибн Каддоре. Мы договорились с ним о встрече здесь.

Зария повернулась к арабу, который от дверей наблюдал за ними. Он тоже заметно нервничал. Ей показалось, хотя она и не была в этом уверена, что он в этом деле был мало-значительным человеком.

– Американские джентльмены спрашивают когда шейх Ибрахим ибн Каддор почтит их своим присутствием, – спросила она по-арабски. К своему облегчению, она без труда вспомнила нужные слова и выражения, хотя давно не говорила на этом языке.

Однако торговец, казалось, был очень удивлен ее речью. Вежливо кланяясь, с бегающими глазами, он поспешил из комнаты.

– Пошел позвать его, – предположил Эди.

– А кто такой этот шейх? – поинтересовалась Зария.

– Вас не касается, – грубо ответил Эди и добавил, словно эта мысль в первый раз пришла ему в голову: – Вы, разумеется, понимаете, что все происходящее здесь сугубо секретно. Мистер Вирдон оплачивает вашу преданность. Вы не должны никому упоминать о том, что здесь слышали. Вам понятно?

Как это ни странно, Зария не испугалась, возмущенная его тоном. Может быть, причиной ее храбрости был ее новый облик или то, что она лучше питалась и чувствовала себя такой здоровой, как никогда раньше.

И, однако, она сама удивилась, услышав свой дерзкий и твердый голос:

– Преданность не покупается. Тем не менее я не собираюсь ни с кем обсуждать личные дела мистера Вирдона, пока я работаю на него,

К ее полному изумлению, Эди сразу сдался:

– Послушайте, Зария, мы же с вами друзья. Зачем нам всем нарываться на неприятности, правда, Корни?

– Мне кажется, Зария очень помогает нам, – произнес мистер Вирдон в своей обычной спокойной манере. – Ты прямо-таки взял ее за горло, Эди, когда она задала тебе простой вопрос. Этого никто не любит.

– Хорошо, приношу свои извинения, – поспешно сказал Эди.

За дверью послышались шаги. Все напряглись и посмотрели в ту сторону, но это возвратился все тот же араб. Он принес им кофе, который с большими церемониями предложил каждому, а потом сбрызнул им руки розовой водой.

– Арабский обычай, – быстро объяснила Зария, потому что Эди смотрел подозрительно и собирался отказаться от этой любезности.

– Почему они медлят? – спросил он. – Вы можете у него спросить?

– Здесь не принято торопиться, – ответила Зария. – Шейх может заставить нас ждать, чтобы подчеркнуть свою значительность или по какой-то другой причине. Они все делают

очень медленно. Время для них не играет никакой роли.

– Черт подери! К дьяволу такие обычаи! – воскликнул Эди.

У Зарии сложилось впечатление, что он больше испуган, чем зол, потому что в его голосе не хватало пыла.

Они пили кофе, довольно плохой, по мнению Зарии, когда через вторую дверь, спрятанную под портьерой, в комнату вошел другой араб.

Они все повернулись к нему, а Эди вскочил на ноги.

– Шейх Ибрахим? – с нетерпением спросил он, но мужчина отрицательно покачал головой.

Он был молод и привлекателен. Белый тюрбан и черный бурнус эффектно подчеркивали золотистый цвет его кожи. В его глазах был тот странный, настороженный блеск, который Зария не раз отмечала в арабах, живущих в пустыне и не привыкших к городскому разгулу.

– Мой брат очень жаль... не смог прийти, – сказал незнакомец на ломаном английском.

– Когда мы с ним встретимся? – спросил Эди.

– Он нет... прийти сюда, – был ответ.

Араб уселся на подушку, скрестил руки, и, чуть ли не по волшебству, перед ним оказалась чашка с кофе.

– У вас... было приятное путешествие... из Америки? – вежливо спросил он.

– Давайте говорить о деле, – резко сказал Эди. – Мне нужно видеть вашего брата, шейха Ибрахима. Он обещал, что

мы встретимся, как только приедем сюда. Почему его нет здесь?

– Мой брат приветствует вас... он не приедет город... небезопасно!

– Но это нелепо! – взорвался Эди. – Если только, конечно, вы не собираетесь взять его дела на себя.

– Никакие дела... без брата, – ответил араб.

Он сидел, улыбаясь, словно находя ситуацию занимательной, и у Зарии возникло такое чувство, что он играл в какую-то игру, где его ум скрестился с умом Эди, и он выиграл.

Эди внезапно стукнул кулаком по медному столику, так что кофейные чашки подпрыгнули и задребезжали.

– У нас нет времени на игрушки, – сказал он. – Я настаиваю, чтобы шейх немедленно встретился со мной, в противном случае товар, который мы привезли ему, уплывет обратно в Америку.

– Пожалуйста, я не понимаю. – Араб, казалось, был удивлен.

Зария быстро перевела. Она запнулась на слове «товар», не зная, как перевести его, чтобы араб понял. Однако по выражению его лица она заключила, что он понял все гораздо лучше, чем она сама.

– Мой брат очень рад вашему приезду, – сказал он. – Но все сложно, очень сложно.

– Спросите его, каковы его предложения, – нетерпеливо приказал Эди.

Она перевела вопрос на арабский. Ей показалось, что именно этого он и ждал.

– Мой брат предлагает вам приехать в Тимпассу, – сказал он. – Там много мест для раскопок... очень интересно. Замок... он новый, хорошо сохранился. Привезите товар с собой.

– Скажите ему, пусть не считает меня дураком, – сказал Эди, сузив глаза. Зария беспомощно посмотрела на него.

– Это нельзя перевести, – сказала она. – Кроме того, это звучит грубо.

– Я этого и хочу, – ответил Эди. – Скажите ему, что я требую определенности. Мы не сделаем ни шагу из города до тех пор, пока не будет достигнута определенная договоренность. Он знает, что я имею в виду.

Зария перевела его слова. Араб склонил голову, словно признавая свое поражение, и произнес:

– Я говорю... братом. Приходите вечером... дом Салема... посмотреть танцовщицы. Там вас... известят. Здесь небезопасный.

– Хорошо! – сказал Эди, вставая. – Но передайте шейху, если ему не нужно то, что я привез, мы найдем других. В желающих недостатка нет.

– Пожалуйста, я не понимаю.

И снова Зария перевела, постаравшись сделать слова Эди не такими грубыми. И снова араб поклонился. У нее создалось впечатление, что ему доставило удовольствие это сорев-

нование умов и что все шло так, как он заранее предполагал.

– А теперь пойдём отсюда, – сказал Эди.

Он повернулся к двери, через которую они входили в комнату.

– Нет, нет, другой выход! – сказал араб. – Мы очень осторожны. За нами может следить полиция.

Он сделал знак торговцу, и тот провёл их через занавешенную дверь, через которую вошёл брат шейха, в очень узкий, извилистый темный коридор. Оттуда они попали в другой внутренний двор без фонтана, где среди неухоженных растений и обломков мебели лежали кухонные отбросы. В стене была дверь. Они вошли, и не успели ещё понять, куда попали, как дверь за ними захлопнулась. Они оказались на узкой улочке, грязной и пустынной, которая через пятьдесят ярдов мимо домов без окон упиралась в лестницу, круто уходящую вниз. После нескольких поворотов Зария увидела тесную толпу и разноцветные лавочки. Ни Эди, ни мистер Вирдон не произнесли ни слова до тех пор, пока не вынырнули из шумной толпы на одну из главных улиц города. Здесь они поймали такси и велели шоферу отвезти их в порт.

– Фу! – Мистер Вирдон снял свою кепку и вытер лоб. – Как здесь жарко.

– Чертова задержка, – сердито проговорил Эди. – Вытащили нас черт знает куда и ничего не сказали.

– Боюсь, вам ещё придется столкнуться с этим, – объяснила Зария. – Арабы все таковы. Редко случается, чтобы они

сразу, с первой встречи, приступали к делу. Для них дело – это запутанная забавная игра. Они тратят часы, дни, а иногда и недели на то, чтобы купить простейшую вещь. Они не желают, чтобы их торопили. Им даже не нужны деньги, если за них надо бороться.

– Если они думают, что с нами можно шутки шутить, то они глубоко ошибаются, – разъярился Эди.

– Не стоит накачивать себя, – сказал мистер Вирдон. – Ты не сможешь переделать всю нацию. Зачем лезть на рожон? Мы не спешим.

– Я спешу, – коротко ответил Эди.

– Что ж, как сказала Зария, этим ты ничего не достигнешь. Они будут поступать так, как у них это заведено.

– Казалось бы, эти дураки должны были ухватиться... – начал Эди, но, вспомнив о Зарии, оборвал себя. – Хорошо! – сказал он. – Мы поедем туда вечером. Если шейха Ибрахима там не окажется, я покажу им, почем фунт лиха!

Мистер Вирдон внезапно наклонился и поднял стекло, отделявшее их от шофера.

– По-моему, лучше не называть имен, – сказал он.

– Шейх, которого вы разыскиваете, может быть известен в городе. Не лучше ли наперед разузнать о нем? – спросила Зария.

Эди быстро повернулся к ней.

– Помолчите! – сказал он. – Ваше дело переводить, а не строить предположения. И запомните, вы не должны ни о

чем никому рассказывать, включая вашего молодого человека.

– Чаку можно доверять, – ответила Зария. – Он, как и я, работает на мистера Вирдона.

– У меня другое мнение, – заметил Эди. – Мы доверяем вам, и вы не должны ему ничего рассказывать.

Зария хотела было возразить, но такси уже подъехало к гавани. Они вышли. Рядом с трапом стоял дежурный матрос, и Зария вспомнила, как капитан сказал, что нужно принять меры против жуликов и воришек, которые готовы стащить с яхты все, что ни подвернется, как бы бесполезно это ни оказалось для них. Матрос поднял руку в знак приветствия.

– Мистер Джакобетти вернулся? – спросил его Эди.

– Да, сэр, он в салоне.

Эди повернул к салону, и Зария пошла за ним следом. Ей надо было увидеть Чака. Что бы ни случилось, как бы драматично и чревато важными последствиями ни было происходящее, часть ее существа была всецело поглощена им.

Ее сердце на секунду замерло, когда она подумала, что его может не быть в салоне. А вдруг с ним что-то случилось? Вдруг они, по их выражению, уже «разобрались» с ним? Нелепо, но она боялась Эди и Виктора Джакобетти. Они не остановятся ни перед чем, если кто-то встанет у них поперек дороги.

Но Чак сидел в салоне рядом с Виктором. Он встал при виде Эди.

– Мы наняли полный комплект, – сказал Виктор. – Будь уверен, это обойдется в копейку. Танер настоял, чтобы мы наняли самых лучших. По его словам, это окупится.

– Когда же? – кисло спросил Эди, наливая себе огромную порцию виски из бутылки, которая стояла рядом с Виктором.

– Кто знает? – вмешался Чак, видя, что Виктор не собирается отвечать.

Эди отхлебнул большой глоток виски и сказал:

– Мне надо переговорить с Виктором наедине. Можете вы с Зарией испариться? У вас есть кабинет, где вы можете посидеть.

– Разумеется, – непринужденно ответил Чак. – Извините, если мы вам помешали.

– И еще одно, – проговорил Эди. – Ни один из вас не должен спускаться на берег без моего разрешения.

– Почему? – Брови Чака поползли вверх.

– Не намерен объяснять вам, – ответил Эди. – Это приказ. И добавил после секундного раздумья: – Мистера Вирдона, разумеется. Ведь он ваш хозяин.

– Я не совсем понял, – сказал Чак. – Похоже, мы с мисс Браун ваши пленники.

– Мы платим вам за ваше время, – ответил Эди. – Вы нужны на борту. Это ясно?

– Безусловно! – насмешливо проговорил Чак.

– Хорошо. Как я уже сказал, это приказ, и вы должны повиноваться ему, – продолжал Эди.

– В противном случае нас разрежут на кусочки и выбросят в море, предварительно взвесив, разумеется, – съязвил Чак.

– Слушайте, парень! – разъярился Эди. – Я уже говорил вам, что мы не приглашали вас в эту поездку. Поэтому делайте то, что вам говорят, или вам будет хуже.

В его голосе прозвучала несомненная угроза, и Зария поспешно положила руку на плечо Чака:

– Не спорьте.

– Нет, разумеется, – улыбнулся Чак и обратился через комнату к Эди: – Сэр, мы ваши покорные слуги и готовы подчиняться малейшему приказанию.

Он склонился в преувеличенно любезном поклоне, так резко отличавшемся от поклона араба в Каабе, что, не будь Зария так испугана, она не выдержала бы и рассмеялась. Потом, взяв ее под руку, Чак вывел ее из салона и закрыл за собой дверь.

– Спустимся вниз, – сказал он и пошел первым.

Когда Зария хотела повернуть в кабинет, он отрицательно качнул головой.

– Слишком опасно, – прошептал он. – Пойдемте в вашу каюту. Насколько я знаю, она не прослушивается.

Зария повиновалась. Войдя за ней в комнату и закрыв за собой дверь, он огляделся в поисках микрофонов.

– Они нас не слышат? – спросила Зария.

– Трудно сказать, – осторожно ответил он. – Сейчас мы пройдем в кабинет, и я покажу вам одну штуку. Я ее только

что купил. Я заставил Виктора выложить гораздо большую сумму, чем он предполагал. Это было очень забавно. Я все время повторял: «Мистеру Вирдону нужно самое лучшее». Поскольку все в магазине уже видели яхту, они охотно соглашались со мной.

– А он в самом деле хочет самое лучшее? – спросила Зария.

– Да, разумеется, – быстро ответил Чак.

– Кажется, он не очень стремится начать раскопки. Я не совсем понимаю его, – сказала Зария. – У меня была такая необычная встреча. Я должна поделиться с вами...

Она внезапно остановилась.

– В чем дело? – спросил Чак.

– Эди велел мне ничего не говорить вам, – спохватилась Зария. – А я чуть не забыла.

Чак взял ее за руку и подвел к кровати. Они уселись на ней рядышком.

– Послушайте, – тихо сказал он. – Мне кажется, вы ничем не обязаны этим людям. Начать с того, что они еще ничего вам не заплатили. Во-вторых, мне кажется, вам не стоит о них беспокоиться. Лучше всех – Вирдон, но не намного. Если хотите знать мое мнение, мы влипли в историю – и вы и я.

– Почему бы нам не обратиться в полицию? – спросила Зария.

– А что мы им скажем, подумайте сами? – ответил он. – Что наши хозяева немного странные, не те, кого называют

леди и джентльменами, и что они рыскают по городу в поисках какого-то шейха?

– Откуда вы знаете? – спросила Зария. – Я вам не говорила об этом.

– Нет, но я обобщил ту информацию, которую мне удалось выудить из Кейт. Это действительно так?

– Да, но...

– Здесь много всяких «но», – проговорил Чак. – Суть же в том, что мы не располагаем достаточным количеством фактов, чтобы заинтересовать ими полицию или еще кого-нибудь. Поэтому нам остается пораскинуть мозгами и понять самим, что же в действительности происходит. У меня есть одна неплохая идея.

– Расскажите мне, пожалуйста, – взмолилась Зария.

– Нет, лучше, если мы будем думать независимо, – покачал головой Чак. – Мне не хочется вовлекать вас в эту историю больше, чем это необходимо.

– И все же мне кажется, что нам лучше поставить в известность полицию, – возразила Зария. – Во всяком случае, они могут информировать нас относительно шейха Ибрахи-ма ибн Каддора.

Чак внезапно застыл.

– Ибн Каддора? Вы сказали Каддора? – переспросил он.

– О Боже! Наверное, я не должна была говорить об этом, – спохватилась Зария. – Но, кажется, вы и без моих слов знали об этом.

– Я не знал его имени, – ответил Чак. Он присвистнул. – Так вот с кем они имеют дело! Это становится интересным.

– Не держите меня в неведении, – взмолилась Зария.

– Что они собираются делать? Где назначена встреча? – быстро спросил Чак.

– Сегодня, в доме Салема, – ответила Зария. – Шейх должен прийти туда.

– Ставлю тысячу долларов к десяти центам, что он там не появится, – сказал Чак. – Интересно посмотреть, что произойдет.

– Нам вряд ли удастся попасть туда, – заметила Зария. – Мы, очевидно, здесь пленники.

– Ну, я-то найду способ, – ответил Чак. – Кстати, я прекрасный пловец.

– Вы собираетесь уйти и оставить меня здесь одну? – забеспокоилась Зария. Он взял обе ее руки в свои.

– Я обещаю вам, – сказал он, – что никогда не оставлю вас одну, по крайней мере, на долгое время. И я не бросаю своих обещаний на ветер, если вы знаете.

– Да, теперь я спокойна, – облегченно вздохнула она. – Я не боюсь никого рядом с вами.

– Так вот зачем я вам нужен? – спросил Чак. – В качестве сильной, вооруженной до зубов няньки! Это единственная причина?

Она поспешно отвернулась. Если бы только она могла сказать ему правду! Если бы только могла признаться, что у нее

есть тысяча причин на это, что каждое проведенное с ним мгновение доставляет ей радость!

Зария униженно подумала, что она – лишь незначительный, случайный эпизод в его жизни и не должна слишком сильно цепляться за него.

Он наблюдал за выражением ее лица, за профилем, четко вырисовывающимся на деревянной обшивке каюты, за внешне опустившимися губами.

– Вы очень ранимы, – неожиданно произнес он. – Нужно, чтобы с вами рядом был тот, кто будет постоянно заботиться о вас.

– Все не так просто, – ответила она. – Я осталась совсем одна.

– У вас нет родственников? – спросил он.

– Нет, насколько мне это известно, – ответила она.

– Значит, никто не забьет тревогу в случае вашего исчезновения, – задумчиво проговорил он. – Бога ради, не говорите об этом Эди.

– Что вы хотите этим сказать? – Она широко раскрыла глаза.

– Ничего, – ответил он. – Но воздержитесь от любых разговоров с этой бандой.

– Я и не собираюсь ни о чем разговаривать с ними, – ответила она.

– Милая маленькая Зария! – мягко произнес он. – Вы такая маленькая и хрупкая. Я боюсь, что своим прикосновени-

ем могу ранить вас, и все же у меня такое впечатление, что вы очень храбрая, что вы смелее, чем сотни из тех, кого я знаю.

– Вы ошибаетесь, – ответила она. – Я – ужасная трусиха. Я боюсь посмотреть в глаза фактам. Я не могу ни на что решиться. Сказать по правде, я неудачница и всегда ею останусь.

– Кто вам сказал такую глупость? – мягко улыбнулся он и спокойно добавил: – В наше время странно слышать, как женщина принижает себя вместо того, чтобы возноситься. Главная беда американок в том, что они хотят продать себя слишком дорого. Вы так непохожи на них...

– Мне бы хотелось измениться, – страстно ответила Зария. – Я хочу быть как все. Хочу быть уверенной в себе, в том, что мир существует лишь ради моего удовольствия. Но мне никогда, никогда не удастся так думать.

Ее голос прервался. Все несчастья ее прошлой жизни вдруг обрушились на нее.

Когда она повернулась к Чаку с полными слез глазами, он снял очки и посмотрел на нее с такой нежностью, которую она никогда не предполагала увидеть ни на чьем обращенном к ней лице.

– Когда-нибудь я докажу вам, что в жизни есть место радости, – мягко произнес он – Сейчас же нам надо подумать, как выбраться из этой истории максимально безболезненно.

– Вы имеете в виду... – начала понимать Зария. – Ровным

счетом ничего, – ответил он. – Просто принимайте вещи такими, каковы они есть. Повторяю, у вас есть мужество. Я уверен в этом и потому полагаюсь на вас. Вы же не подведете меня?

– Я сделаю все, что смогу, – ответила Зария. Он внезапно поднес ее руку к губам.

– Это все, о чем я могу просить вас. Ваши возможности гораздо больше, чем чьи бы то ни было.

Он встал и помог ей подняться.

– Пойдемте посмотрим на мои приобретения, – сказал он. – Будьте осторожны и не говорите ничего, что может быть неверно понято теми, кто нас подслушивает.

Он все еще держал ее за руку. Некоторое время она молча смотрела на него. В каюте было очень тихо. Слышались только мягкие удары волн о борта да издали, с набережной, доносились гомон и шум. Это в море отправлялся корабль. Ничто, кроме этого, не нарушало воцарившейся тишины.

Зария встретила взглядом с глазами Чака. Внезапно ей показалось, что между ними происходит нечто необыкновенно важное. У нее перехватило дыхание, по телу пробежал огонь. Она чувствовала, что ей никуда не скрыться от холодных серых глаз Чака, которые словно околдовали ее.

Зария затрепетала: вот сейчас он поцелует ее. Однако физический контакт был почти излишен. Между ними установилась такая близость, словно они стали единым целым. Но когда она уже готова была сделать шаг навстречу ему и, ока-

завшись в его объятиях, ощутить на своих губах вкус его поцелуя, позади них раздались грохот и шум. Это мадам Бертин громко призывала Эди.

Послышался шум торопливых тяжелых шагов по палубе, где-то хлопнули двери и раздались сердитые возгласы. Их единство было нарушено. Зария стыдливо повернулась к двери. Чак молча открыл ее, и они вышли. С палубы в коридор доносились сердитые, возмущенные голоса.

– Что-то случилось, – заметил Чак.

– Может быть, это из-за магазина, – сказала Зария. – Он рисовался ей слишком прекрасным. По-видимому, ее постигло разочарование.

– Кажется, она не стесняется в выражениях и ругает Эди на чем свет стоит, – улыбнулся Чак, когда резкий, визгливый голос мадам Бертин достиг их ушей.

– Неслыханно! Негодяй! Дурак! Идиот! Как ты осмелился предположить, что я опущусь до подобного места? – кричала мадам Бертин. Эди не оставался в долгу. Судя по голосам, к ним присоединились Виктор и Кейт.

– Когда у жуликов разлад, честным людям хорошо живется, – прошептал было Чак на ухо Зарии, но вдруг они оба замерли. Дверь в его каюту, которая находилась на несколько ярдов дальше по коридору, была распахнута. Через нее были видны два французских жандарма которые стояли возле туалетного столика и смотрели в его открытый ящик.

Они быстро подняли головы и заметили Чака с Зарией.

Один из них, старший по званию, выступил вперед.

– Вы – мосье Танер? – спросил он по-французски.

– Да, – настороженно ответил Чак на том же языке. Зария видела, что он не меньше, чем она сама, удивлен появлением полиции.

Каюта, очевидно, подверглась обыску. Повсюду была разбросана одежда, гардероб открыт, постель перевернута. Нетрудно было угадать, что привлекло внимание жандармов, – три узких плоских коробки из-под сигарет.

– Что вы здесь ищете? – спросил Чак.

Не успел он закончить фразы, как жандарм ответил:

– Это, по-видимому, принадлежит вам, мосье. Поэтому мы должны арестовать вас за владение наркотиками.

– Наркотиками! – изумленно повторил Чак.

– Должен объяснить вам, мосье, что ввоз в страну сигарет с марихуаной запрещен.

– Не понимаю... – начал было Чак, но его перебил голос, раздавшийся у него за спиной.

Обернувшись, Чак с Зарией увидели стоявшего в дверях Эди. Он, по своему обыкновению, подошел к ним неслышно в своих туфлях на каучуке.

– Сожалею, Танер, – сказал он по-английски. – Но я не могу позволить вам использовать яхту мистера Вирдона как прикрытие для своих сомнительных операций. Как я уже объяснил офицерам, мы с мистером Вирдоном содрогаемся при одной мысли о провозе наркотиков.

– Но... здесь какая-то ошибка, – пробормотала Зария, однако никто не обратил на нее никакого внимания.

Глаза всех троих были устремлены на Чака, который стоял с непроницаемым выражением лица.

– Пожалуйста, мосье, вы должны пройти с нами в участок, – сказал жандарм.

Зария вскрикнула от ужаса, но Чак только рассмеялся. Это был негромкий смех человека, который находит сложившуюся ситуацию просто забавной.

– Пусть будет так, – повернулся он к Эди. – Вы выиграли. Я не мог этого предвидеть.

И не успел никто сообразить, что происходит, как он исчез. Он, не коснувшись, проскользнул мимо Эди, и тут же его торопливые шаги раздались со ступенек ведущего на палубу трапа.

– За ним, быстро! – закричал Эди. – Он уйдет!

– Мы оставили машину на набережной и в ней двоих наших людей, – покачал головой жандарм. – Они сторожат сходни. Я предвидел, что такое может произойти.

Он говорил по-французски, но Эди, казалось, понял его. Вдруг послышался всплеск. Все как один повернулись и побежали на палубу.

Зария оказалась там первой. Она попала туда как раз вовремя, чтобы заметить, как жандармы бросились карабкаться по сходням. Повернувшись, она заметила качающуюся в небольших волнах темноволосую голову Чака. Он отплыл

уже достаточно далеко и быстро двигался к противоположному берегу залива.

– Черт бы побрал этих жирных свиней! Почему они не остановят его? – ругался Эди, беспомощно смотря вслед быстро удаляющемуся Чаку. Через пару секунд к нему присоединились жандармы.

– О Боже! – воскликнул один из них по-французски, увидев, что произошло.

– Остановите его! – возопил Эди.

Последовала минутная пауза, в течение которой подбежавшие от машины жандармы считали своим долгом выразить подобающее случаю изумление.

– Остановите его! – снова крикнул Эди. – Вы же не хотите упустить его? Офицер потянулся к кожаной кобуре у пояса.

Вытащить револьвер было секундным делом, но, едва он коснулся рукоятки, Зария, задыхаясь, воскликнула:

– Нет, нет! Не стреляйте! Это чудовищно! Вы не посмеете!

– Вы должны задержать его, – настойчиво повторил Эди, и жандарм поднял руку.

Зария забыла обо всем на свете. Движимая страхом за Чака, она бросилась к жандарму и схватила его за руку, торопливо бормоча по-французски:

– Нет, нет, мосье! Не делайте этого. Уверю вас, здесь какая-то ошибка. Нельзя стрелять в безоружного. Подумайте, умоляю.

Она зарыдала, не в силах сопротивляться, когда кто-то оттащил ее прочо. Жандарм снова поднял револьвер. Но было уже поздно. Чак уже скрылся за одним из кораблей, которые заполняли гавань. Здесь были яхты, баркасы, два или три лайнера, несколько танкеров. Он мог спрятаться за любым из них.

– Вам не следовало так вести себя, мадемуазель, – строго обратился офицер к Зарии. – Кто этот человек вам?

– Он... мой жених, – всхлипнула Зария, стараясь сдержать слезы и освободиться от державших ее рук.

– Ваш жених! – Глаза французского полицейского встретились с ее взглядом, и он немедленно отпустил ее. Он понял. С его точки зрения все – неповиновение, страсть, женские эмоции любого рода – было простительно, если это объяснялось любовью.

– Чего вы стоите без дела? – рявкнул Эди. – Ищите его. Должен же он где-нибудь выйти из этого проклятого моря?

Старший офицер отдал приказание, и два жандарма, которые сидели в машине в тот момент, когда Чак бросился в море, прижали руки к виску. Один из них побежал на берег, очевидно, в поисках телефона, другой вернулся в машину.

– Мы арестуем его, когда он выйдет на берег, – успокоил офицер Эди, который топал ногой от злости.

Он козырнул Зарии и сказал:

– Сочувствую вам, мадемуазель, но в следующий раз не препятствуйте французской полиции в исполнении долга. –

И ушел, козырнув на прощание Эди.

Он был полон такого невозмутимого достоинства, что Эди в ярости поднял сжатые кулаки, взывая к небесам.

– Идиоты! Полные дураки! – бушевал он. – Неужели они считают, что такими методами можно кого-нибудь поймать? Но, обещаю вам, он от них не уйдет! Это точно!

– И что тогда? – треснувшим голосом спросила Зария.

– Он будет строго наказан, – ответил Эди. – Контрабанда наркотиками карается очень сурово, это я точно знаю.

– Я не верю, что он провозил наркотики, – сказала Зария. – Я никогда не видела у него этих сигарет.

– Боюсь, ваше свидетельство сочтут слишком пристрастным. – Эди скривил губы в усмешке, повернулся на каблуках и пошел прочь.

Зария стояла на палубе, все еще не зная, как ей поступить. Побежать на берег вслед за жандармами? Но у трапа по-прежнему стоял матрос, который наверняка получил соответствующие распоряжения на этот случай. Ей не удастся далеко уйти. Эди со своей бандой догонят ее. Девушка посмотрела на противоположный берег. Сумел ли Чак благополучно добраться туда? Ее мучили беспокойство и неопределенность. А вдруг ему угрожает опасность? Что с ним будет? Она смотрела на голубые волны залива, пока слезы совсем не ослепили ее.

– Любовь моя! – прошептала она. – Пусть Бог защитит тебя!

Глава 11

Такси остановилось в конце узкой подъездной аллеи. Ее освещала только луна да неяркий свет голубой лампы, висевшей у дверей здания, которое стояло чуть в стороне.

– Приехали? – спросил Эди.

– Дом Салема, – сказал таксист, протянув грязный палец по направлению к голубой лампе.

– Боже, какая дыра! – воскликнул Виктор. Зария была слишком несчастна, чтобы что-нибудь говорить. Она была охвачена беспокойством за Чака.

Весь день она провела у себя в каюте, придумывая, что можно для него сделать, как узнать, что с ним. В то же время ее мучил страх: не совершил ли он чего-то дурного? Вдруг она только повредит ему, если сумеет убежать из-под надзора Эди с Виктором и обратится в полицию?

Тем не менее самой главной сложностью оставалось ее положение пленницы. Эди и компания явно не собирались выпускать ее из своего поля зрения. Она была так испугана и беспомощна, что ей оставалось только пойти к себе и покорно ждать, уставившись в потолок.

«Чак! Чак!» – все время бормотала она про себя, чувствуя, что одно повторение его имени приносит ей облегчение.

В конце концов она подошла к иллюминатору и стала

смотреть на море в безумной надежде увидеть его голову среди волн. J

Удалось ли ему скрыться? Что случилось с ним? Временами она чувствовала, что начинает сходить с ума от неопределенности. Неужели это Эди подложил сигареты к нему в каюту? Но тогда зачем? Был ли это его способ «разобраться» с Чаком? Ей казалось, что в этом все дело, но где-то в глубине души поселилось крохотное сомнение. А вдруг у Чака были свои причины стремиться попасть на яхту, отличные от тех, о которых он рассказал ей?

«Чему верить? Где правда?» – вслух спрашивала она себя.

Но что бы ни совершил он, она любит его.

Настолько любит, что будет рада, если пуля жандарма достанется вместо него ей. Хоть этим она сможет помочь ему.

«Я люблю его!» – повторяла она, меряя шагами каюту.

«Я люблю его!» – бормотала она, уткнувшись в подушку.

«Я люблю его!» – сказала она, чтобы собраться с силами, когда ей сообщили, что она должна быть готова сойти на берег в девять часов, а за полчаса до этого подняться к ужину.

Не только сознание того, что она хорошо одета и привлекательна, придавало ей мужества. Любовь тоже изменила ее отношение к жизни. Она больше не была той дрожащей, испуганной девушкой, которая, съезжившись, сидела в вагоне поезда, уносившего ее с вокзала Виктория к новой, полной приключений жизни.

Теперь она познала, что такое любовь, и была готова сра-

жаться за человека, которому отдала свое сердце, несмотря на любые его проступки.

В платье из ярко-голубого шелка и бархатном жакете она села за стол и, враждебно посмотрев на Эди Моргана, с удовлетворением отметила, что он был очень обеспокоен.

Мистер Вирдон бросил на нее понимающий взгляд. Виктор был на пределе и, чтобы скрыть это, многопил. Мадам Бертин отсутствовала. После ссоры с Эди она удалилась к себе с головной болью и вынуждена была принять снотворное. Кейт была здесь, но находилась в таком дурном расположении духа, что отказалась от еды, хотя пила один стакан шампанского за другим.

– Я же сказал, нет! Сегодня ты остаешься здесь, – говорил Эди, когда Зария вошла в салон.

– Почему мне нельзя ехать? Я бывала в местах и похуже, – возразила Кейт.

– Не в этом дело, – ответил Эди. – Зарию нам придется взять: она одна понимает этот чертов язык. Но мы не собираемся подвергать себя ненужному риску. С любой стороны, это такое место, куда женщинам не стоит показываться.

– Ты труслив, как цыпленок, в этом-то все и дело, возразила Кейт. – В наши дни американцы, если у них достаточно денег, могут ходить ди туда, куда захотят. Никто не подумает резать курицу, которая несет золотые яйца.

– Я не собираюсь спорить с тобой, – сказал Эди. – Если хочешь, я свожу тебя туда завтра или послезавтра, но не се-

годня!

– В таком случае я очень надеюсь, что все твои планы рухнут! – воскликнула Кейт и больше за все время ужина не произнесла ни слова.

Воцарилась неловкая тишина, прерываемая только требованиями Виктора вновь наполнить его стакан. Эди осуждающе посматривал на него, но не возражал ни слова. Мистер Вирдон ел в своей обычной, важной и неторопливой манере и тоже практически не разговаривал. В девять Эди поднялся из-за стола.

– Вы готовы? – спросил он Зарию.

– Да, – ответила она.

Она скользнула в рукава голубого бархатного жакета, который застегивался на пуговицы до самого горла. Он кончался на талии и не сдерживал полета широких юбок. Это была одна из самых очаровательных моделей мадам Бертин, и Зария подумала, что ей, наверное, надо было заглянуть к мадам до того, как подниматься на палубу. Однако ей было трудно сосредоточиться на чем-нибудь, кроме мысли о Чаке. Идя за Эди к такси, которое ожидало их у сходен, она размышляла, что Чак найдет способ, чтобы сегодня же вечером связаться с ней. Нелогично, неумно, но она все равно верила в это. Чак знает, как она беспокоится о нем, понимает, в каком опасном положении оставил ее. Он поможет ей, чего бы это ни стоило ему самому.

Но как она ни была уверена, логика и здравый смысл под-

сказывали обратное: он поспешил к дому матери и спрячется сейчас в таком месте, где полиции его не найти.

Если жандармы и возвращались на яхту, ей об этом не сообщили. Она могла бы расспросить Джима, но чай ей принес другой стюард. Тот сказал, что у Джима выходной, он еще утром ушел на берег и вернется только после обеда.

«Он помог бы мне», – подумала было Зария, но тут же поняла, что все равно ничего нельзя было сделать. Она хотела поговорить с капитаном, но побоялась. Предположим, – только предположим, – что Чак действительно совершил что-то противозаконное. В этом случае она только ухудшит дело.

Уже переодевшись к ужину, она заглянула в каюту Чака. Ей не просто хотелось немного успокоиться, прикоснувшись к его вещам, но она решила, что поступит мудро, если проверит, нет ли среди них того, что могло быть поставлено ему в вину.

В каюте уже навели порядок. Костюмы Чака были убраны в гардероб, пижама аккуратно лежала на кровати, халат висел на стуле. Все казалось обычным, и ничего не говорило о личности жившего здесь человека.

Зария открыла ящик туалетного столика – носовые платки без меток, два галстука и пачка обычных сигарет, «Америкэн Честерфилдс». Она секунду разглядывала их, вспоминая о тех длинных узких коробках, которые нашла полиция. Их, очевидно, подкинул Эди, чтобы вызванная им полиция

арестовала Чака.

Она уже собиралась закрыть ящик, когда заметила в глубине его какой-то предмет; Сама не зная почему, она протянула руку и вытащила его. К ее огромному изумлению, это была маленькая бутылочка с краской для волос.

Некоторое время Зария, недоумевая, смотрела на нее, потом положила обратно и вышла из каюты. Во все время ужина она не могла думать ни о чем другом. Краска для волос! Темная краска! Так вот почему волосы Чака составляли настолько сильный контраст его серым глазам.

Ей всегда казалось, что он непохож на брюнета. Подбородок у него никогда не был синим, как у Эди. В его темных волосах, которые он тщательно зачесывал назад с широкого лба, была какая-то неестественность. Почему он скрывал свою внешность? Этот вопрос не давал ей покоя. Зачем ему изменять цвет волос, если не для того, чтобы спрятаться от кого-то? Может быть, именно поэтому он не расставался с темными очками, а его объяснения по поводу близорукости были сплошной ложью?

Его глаза не выглядели близорукими. Напротив, у него был пронизывающий, наблюдательный взгляд, который не навел на мысли о слабом зрении.

В такси она молчала, не пытаясь выяснить, куда они ехали. Только по продолжительности пути она поняла, что они миновали центр города и углубились в окраины.

Некоторые улицы были хорошо освещены и забиты ма-

пинами, но подъездная аллея, на которую они в конце концов выехали, была пуста. Однако, к ее удивлению, большая прямоугольная комната, в которую они попали после того, как прошли через тяжелую, обитую металлом дверь и спустились по ступенькам, была заполнена людьми.

Стены комнаты украшали цветные гобелены, по ее периметру у стен стояли низкие, покрытые коврами сиденья. В центре были маленькие столики со множеством напитков различной окраски.

Их явно ждали, потому что при их появлении к ним сразу же подошел араб и провел в маленькую нишу сбоку. Пол ниши был на фут выше, чем в остальной части комнаты, а вход завешен портьерами, так что они оказались скрыты от взоров остальных посетителей, состоявших исключительно из арабов, не считая двух-трех женщин. Женщины, пышно одетые и экзотически накрашенные, явно принадлежали к известной профессии.

Араб, который провел их сюда, поставил бутылку виски и четыре стакана на низенький столик и ушел, так и не произнеся ни слова.

Зария огляделась. Арабы в широких черных одеждах с белыми тюрбанами выглядели очень живописно, однако в них чувствовалось что-то угрожающее. Это были не городские арабы, готовые раболепно ждать причитающейся им платы за услуги. Это были арабы пустыни.

Об этом говорили их обветренные от непогоды лица, жи-

листые от долгого сидения в седле и бесконечных путешествий по безжалостным пескам тела. У них был орлиный взгляд и сурово сжатые губы. Зария недоумевала, что привело сюда этих людей, пока не увидела в дальнем конце комнаты музыкантов. Они все были слепы. Девушка вспомнила, что, по традиции, арабским танцовщицам всегда сопровождали слепые музыканты. Тамбурины в оркестре начали отбивать ритм. К ним присоединилась флейта и арабский кларнет. Музыка разрешилась бурным мелодичным взрывом, и на площадку выпорхнула девушка. У нее были высокие скулы, иссиня-черные волосы и огромные подчеркнутые глаза. В ушах перкали огромные кольца, а на шее – монисто из золотых монет, свидетельство успеха в своей профессии.

Ее босые ноги медленно двигались в странном, словно ей одной понятном, танце, сначала лишь едва заметно раскачивая бедра. Постепенно бедра двигались все быстрее и быстрее, и дыхание зрителей становилось все учащеннее, как бы сливаясь с их ритмом.

Этот танец нельзя было назвать красивым, он был странным и диким, действуя на зрителя откровенностью и неистовостью движений. Зария забыла о Чаке. Ее сердце начало биться в такт странным зазывным движениям девушки.

В этот момент, когда глаза всех присутствующих были обращены на танцовщицу, голос позади Зарии произнес:

– Хорошо танцует!

Слова были сказаны по-арабски. Зария обернулась и уви-

дела сверкающие на темном загорелом лице черные глаза, белый тюрбан вокруг красивого жестокого лица и коричневый бурнус, чуть отвернутый на одну сторону, обнажая неизменный нож с длинной рукояткой.

– Кто вы? – спросила она, уже зная ответ, и взглянула на Эди и мистера Вирдона, которые только сейчас почувствовали присутствие рядом с собой другого человека.

– Вы – шейх Ибрахим ибн Каддор? – прямо спросил Эди, но коричневый палец лег на его губы.

– Давайте обойдемся без имен, – сказал шейх по-арабски. – И говорите тише.

Зария перевела.

– Спросите его, привез ли он деньги, – приказал Эди. Зария спросила.

– Они в седельном вьюке, – кивнул шейх. – Сколько у них товара?

Зария перевела его вопрос. В ответ Эди показал три пальца, а потом разом растопырил пальцы обеих рук. Шейх кивнул.

– Скажите американцам, – обратился он к Зарии, – что я буду ждать их на рассвете в Эль-Кеттаре. Это кладбище за городом. Inshallah!

Inshallah! – «Если на то будет воля Господня!» В этом слове заключался весь фатализм мусульманина. Зария перевела то, что сказал шейх. Эди задумался.

– Рассвет – это слишком рано, – наконец сказал он по-

английски. – Покажется подозрительным, если мы в такой час покинем яхту.

– Нет, вы же собираетесь производить раскопки, – ответила Зария.

– Вы правы, – согласился Эди. – Скажите ему, мы там будем, но передадим товар только в том случае, если он раскошелится. Я хочу половину сейчас.

Зария перевела. Шейх сузил глаза.

– Половину? – переспросил он. – Почему я должен доверять им, если они не доверяют мне?

По выражению его лица Эди понял ответ без перевода.

– Скажите ему, это мое условие, – ответил он. – Мы не для того везли этот товар в такую даль, чтобы его прикарманили черномазые бандиты.

– Я не могу этого перевести, – возразила Зария.

– Тогда скажите, что либо он платит, либо остается ни с чем.

Испытывая неловкость, Зария повторила его слова. Шейх, казалось, не удивился.

– Подождите! – произнес он.

Он быстро удалился через портьеры на дальней стене ниши. Очевидно, там была еще одна дверь, очень удобная для тех, кто хотел войти незамеченным.

Никто в комнате не видел шейха. Все были поглощены танцем, который в этот момент достиг своей наивысшей точки. Еще не успели смолкнуть бурные аплодисменты, когда на

сцену вышли две другие девушки, не старше четырнадцати, и начали «Танец с кинжалами».

Тонкие стальные клинки в их руках, блестя и переливаясь, мелькали в воздухе. Маленькие загорелые ноги быстро двигались в монотонном ритме. Музыка громко зазвучала и смолкла, лишь иногда врываясь ударами бури по листьям пальм или завыванием смерча в пустыне.

Девушки были почти совсем наги, но их гибкие узкобедренные тела казались бесполоыми. Они словно исполняли некий ритуал.

Зарии не удалось как следует понаблюдать за танцем, потому что шейх скоро вернулся. Он опустил на цыпочки рядом с Эди и, не тратя времени на слова, начал передавать ему пачки денег, которые спрятал в складках одежды.

Зария не видела, какие это были купюры, но заметила, что Эди внимательно пересчитывает их, а Виктор с мистром Вирдоном не могут отвести от них взгляда. Они все были так поглощены своим занятием, что вряд ли сознавали ее присутствие.

Наступил подходящий момент для того, чтобы проскользнуть через портьеры. Скорее всего, они не заметят ее ухода. Она уже готова была рискнуть, но вспомнила, как далеко они находятся от города. Надо подождать другой возможности. Может, она представится ей по их возвращении на яхту.

Деньги были переданы, и шейх поднялся. Он развернулся на каблуках, задев лицо Зарии бурнусом, и исчез так же

быстро, как появился.

«Танец с кинжалами» кончился, и на площадку вышла другая девушка. Ее стройное, обнаженное тело было исключительно красиво.

Под грохот тамбуринов Эди поднялся. Бросив на стол тысячную бумажку, он скрылся за портьерами, через которые удалился шейх. Остальные последовали за ним.

Они оказались в узком сводчатом коридоре, который вел назад, в общую комнату. Противоположным концом коридор упирался в обитую железом дверь. Эди распахнул ее. Она выходила на ту же подъездную аллею, но немного выше дверей с голубым фонарем.

Вокруг никого не было. Шейх исчез.

Место казалось пустынным. Сюда не доносилась музыка, которую играли слепые музыканты.

Эди вытер пот со лба.

– Как, черт возьми, мы найдем такси? – спросил он.

Словно из ниоткуда перед ним возник арабский мальчик.

– Такси, мистер? – спросил он на довольно сносном английском.

– Да, такси, и поживее! – ответил Эди. Мальчишка побежал к началу аллеи и, сунув пальцы в рот, издал пронзительный свист. Почти немедленно на дороге показалось старое, потрепанное такси.

– Куда везти? – спросил мальчишка. Зария назвала ему набережную, где стояла яхта. Мальчишка прокричал назва-

ние старому, по-видимому, глуховатому шоферу, и тот кивнул головой в знак того, что понял. Эди протянул мальчишке несколько центов.

– Спасибо, мистер, – просиял тот.

Пока они садились, он придерживал для них дверь. Когда наступил черед Зарии, он что-то произнес по-арабски. Сначала ей показалось, что она неправильно расслышала его.

Предложение было коротким, но содержало именно то, чего она так ждала. «Когда приедете на набережную, приготовьтесь к побегу», – так его можно было перевести на английский. Вот и все. Всего несколько слов, но сердце перевернулось у нее в груди.

Чак на свободе! Он думает о ней! Он освободит ее! Она едва не пела от счастья.

Она сидела рядом с Эди в этом старом, полуразвалившемся такси, но чувствовала себя так, словно была в колеснице, уносящей ее на небеса. Чак не забыл о ней. Слезы облегчения подступили к глазам: так, оказывается, она была испугана. Теперь она поняла, что то отчаянное беспокойство, которое она испытывала до этого, было вызвано не только страхом за Чака. Она боялась, что, оказавшись в безопасности, он забудет про нее. Но он помнил!

Тайна, которую она хранила в сердце, значила для нее в миллион раз больше, чем те деньги, которые оттягивали карманы Эди. Важно то, что Чак в безопасности, и через несколько минут она будет рядом с ним.

Они медленно пробирались по забитым машинами улицам, а она уже вынашивала план, как они вместе уедут из Алжира. Если понадобится, можно нанять судно. В банке им оплатят чек на любую сумму. Надо только телеграфировать или позвонить мистеру Патерсону. Чака надо увезти отсюда. А до тех пор он может прятаться в каком-нибудь надежном месте. Самое главное – добраться до Франции или Англии. Там уже не будет Эди, который его обвиняет, и французской полиции, которая ищет его по этому ложному обвинению.

«Надо сохранять благоразумие, – думала она. – Теперь я должна заботиться о нем, а не он обо мне».

Все ее существо стремилось к нему. Ее любовь выплескивалась наружу, стараясь защитить его, оберечь от боли.

«Я люблю его! Люблю!»

Казалось, колеса такси повторяли эти слова вслед за ней, в то время как они все ближе и ближе подъезжали к набережной.

Зария не знала, чего ей ждать. У нее не было времени все продумать. Чак велел ей бежать, когда они окажутся на набережной. Значит, она так и сделает.

Такси миновало ворота и подъехало к яхте. Вокруг все было мирно и тихо. На набережной горели фонари. Свет их отражался от обшивки кораблей, которые мягко покачивались на волнах. Звезды на небе и городские огни освещали старую крепость, и она выглядела почти сказочно. В воздухе чувствовался запах пряностей и раскаленных на солнце пес-

ков пустыни.

Зария вдруг ощутила, что дрожит от возбуждения. Скоро она увидит Чака. Более того, ей предстояло новое, самое захватывающее в ее жизни приключение.

Такси затормозило. Перед ними стояла «Колдунья». Даже в темноте были видны ее красивые белые очертания. Движения на борту не было. Эди вышел из машины первым. Он поискал в карманах и повернулся к Виктору.

– У тебя есть какая-нибудь мелочь? – спросил он.

– Сейчас посмотрю, – ответил Виктор.

– По-моему, у меня есть, – сказал мистер Вирдон.

Оба сунули руки в карманы брюк. В этот момент Зария услышала свист. Он был негромким и доносился слева, со стороны складов.

Не медля больше, она повернулась и побежала с удивившей ее самой скоростью в том направлении, откуда раздался свист.

Глава 12

Позади слышались крики. На мгновение Зарии показалось, что она спит: так необъясним был ужас, охвативший ее, так все тяжелее и тяжелее становились ноги, так все замедлялся бег.

Наконец она оказалась в тени какого-то здания, и чьи-то руки подхватили ее. В темноте трудно было различить, кто рядом с ней, но Зария сразу поняла это. Она чувствовала себя как утопающий, которому внезапно бросили спасательный круг.

– Чак! Чак! – прозвучал ее рыдающий возглас, и без слов они начали путь в темноте. Зария ничего не видела, но Чак, напротив, двигался очень уверенно.

До них доносились призывы и крики. Эди только ругался, а Виктор окликал:

– Зария! Зария! Где вы? Выходите сейчас же!

В его приказе был различим страх.

Внезапно Чак остановился. Глаза Зарии уже немного привыкли к темноте, и она, к своему удивлению, различила, что они находятся в центре нагромождения из бочек. Укрытие было идеальным, потому что бочки стояли одна на другой, оставляя небольшие зазоры, через которые можно было смотреть, оставаясь невидимыми для постороннего взора.

Над ними был сводчатый потолок, но боковые стены от-

сутствовали, и слева в свете огней набережной вырисовывались красивые очертания «Колдуньи».

– Зария! Идите сюда, или вам будет хуже! Зария! Зария! – между тем кричал Эди. Его голос эхом отдавался от стен больших пустых строений. – Зария! Зария!

Но Зария уже не слушала его. Она еще задыхалась от бега, но рядом с ней был Чак, и он был спокоен. Она живо чувствовала его близость. Лица было не разобрать, она только различала квадратную линию его плеч.

Он все еще держал ее за руку. Робко, неуверенно она протянула вторую руку, словно желая убедиться в реальности его существования.

– Вы в безопасности, – наконец сумела проговорить она. – Вы свободны. Я так волновалась.

– Я же говорил, что вы должны доверять мне, – ответил он тихим низким голосом.

Но слова были уже не нужны.

Он заключил ее в объятия и крепко прижал к себе. Почувствовав его желание, она подняла к нему лицо. Так цветок поворачивается навстречу солнцу. Его губы завладели ее губами, и весь мир для нее исчез. Остались только радость и восторг, каких она не знала во все время своего убогого, голодного существования.

Все ее тело отвечало на его призыв. Каждая его клеточка трепетала от возбуждения, устремляясь к нему навстречу. На мгновение ей показалось, что она видит сон, но по вне-

запной дрожи, пробежавшей по ее телу, поняла, что это реальность.

Чак целовал ее! Она принадлежала ему. Ее душа навечно сливалась с его душой.

– Зария!

Голос Эди все приближался, и, словно вспомнив о нависшей над ними опасности, Чак повел ее между бочками.

– Замри, – прошептал он. Они присели и снова услышали голос Эди:

– Черт возьми, выходите! Вы пожалеете, если не подчинитесь! Выходите!

Зария зарылась лицом в плечо Чака. Она уже больше ничего не боялась. Для нее существовал только один мир, ограниченный темным проходом между бочками, где руки Чака обнимали ее за плечи, а губы почти касались ее губ.

Все остальное казалось ей лишь плодом воображения. Зло не могло поколебать ее безграничного счастья.

– Зария!

Теперь голос удалялся.

– Я люблю тебя, – внезапно сказал Чак. – Наверное, ты уже поняла?

– Нет, – робко произнесла Зария и еще теснее прижалась к нему.

– Ты была очень мужественной, – продолжал Чак. – Я восхищаюсь тобой. Но теперь все уже позади.

– Что ты имеешь в виду?

– Я покажу тебе, – ответил он. Он помог ей подняться. Осторожно и бесшумно ступая, он медленно провел ее между бочками к тому месту, откуда хорошо была видна «Колдунья».

Отсюда Зария ясно различала часть набережной, где стояла яхта, и медленно бредущих к ней Эди и Виктора. Они сердито говорили о чем-то. Сначала Зария не могла ничего разобрать, но потом до нее донеслось слово «фонарь». Повидимому, они собирались взять на яхте фонарик, чтобы облегчить поиски.

Она не испугалась. Ведь с ней был Чак. И пока он рядом, ни Эди, ни кто другой на всем свете не могли причинить ей никакого зла. Как это ни странно, она больше не боялась и за него.

Можно добраться до города, и там их уже не найти. В Каабе у них найдутся друзья, которые помогут им. А если нет, то всегда есть пустыня, где можно скрываться месяцами и даже целой армии не под силу будет открыть их тайник.

«Мы свободны, и мы вместе», – подумала Зария и непроизвольно повернулась к Чаку, чтобы сказать ему это.

– Смотри! – мягко сказал он, опередив ее. И Зария покорно посмотрела на Эди с Виктором, которые в это время уже взбирались по трапу.

Они поспешили к двери салона, открыли ее. И вдруг тишину сменил невероятный шум. Послышались крики, кто-то взвизгнул. Эди выбежал на палубу, вытаскивая из кармана

револьвер. Он выстрелил. В ответ прозвучало еще несколько выстрелов. Как в замедленном кино, Эди развернулся и упал навзничь.

Из дверей салона выбежали люди, одетые в форму французской армии.

– Но... что происходит? – задохнувшись от изумления, спросила Зария.

Чак повернулся, взял ее за руку и повел обратно тем же путем, которым они пришли.

– Вот и все, – мягко сказал он. – Пошли. Больше нам здесь нечего делать.

– Но... Чак, я не понимаю, – начала Зария. Но в данный момент он не намерен был ничего объяснять ей, и она молча последовала за ним мимо больших складов, забитых товарами, к дороге, где их ждала машина. Шофера не было видно. Открыв дверцу, Чак помог Зарии сесть, а сам взялся за руль.

– Я... я не понимаю, – снова начала Зария. Чак повернулся и посмотрел на нее. В свете уличного фонаря она увидела его лицо и поняла, что его слова о любви были правдой. Любовь светилась в его глазах, присутствовала в изгибе губ. Он смотрел на нее с такой нежностью, что сердце у нее перевернулось в груди.

Больше ей не о чем было спрашивать. Она уже узнала все, что хотела. Он быстро нагнулся и поцеловал ее в губы.

– Я обожаю тебя, – сказал он глухим, удивительно нежным голосом. – А теперь держись крепче. Мы поедем очень

быстро.

Машина тронулась, и с головокружительной скоростью они стали удаляться от гавани. Они проехали через нижнюю часть города и оказались на дороге, которая вилась вверх между деревьями и с незапамятных времен составляла одну из достопримечательностей Алжира.

Куда они направлялись? В пустыню? Зария чувствовала, что Чак не хочет, чтобы она спрашивала, и потому молчала. Кроме того, у нее захватывало дух от скорости. Они поднимались все выше и выше, пока не кончились дома и по краям дороги остались только удивительные сады с апельсиновыми и лимонными деревьями и пальмы, чьи листья колыхались на фоне звездного неба. Пейзаж завораживал. Казалось, все это сошло со страниц сказки. Они свернули в ворота, проехали по липовой аллее и остановились у большой виллы, белевшей в лунном свете.

– Зачем мы здесь? – немного испуганно спросила Зария.

В ответ Чак только вышел из машины и открыл для нее дверцу.

– Где мы? – снова спросила она.

Он притянул ее к себе и обнял.

– Я привез тебя домой, – ответил он.

– Домой? – переспросила она.

– Да, это мой дом, – подтвердил он. – По крайней мере, он был им. Скоро у нас будет другой, наш с тобой.

– Я... не понимаю, – снова начала Зария, и он рассмеялся.

– Разве это важно, родная? – спросил он, взяв ее лицо в свои руки и повернув к себе. – Объяснения всегда скучны. Я люблю тебя. Давай пока будем довольствоваться этим.

– Я счастлива, – прошептала Зария.

Он теснее прижал ее к себе, его губы становились все более властными, но тут же со вздохом, И словно вспомнив об окружающем их мире, он ослабил объятие. Все еще обнимая ее за плечи, он повел ее к двери.

Через большую прохладную залу, где единственным источником света были лампы, подсвечивающие картины, они прошли в комнату.

Комната искрилась светом, игравшим на великолепной мебели, картинах и цветах, которые были здесь в изобилии. Едва они вошли, как им навстречу с низкого кресла поднялась женщина.

– Дорогой, ты вернулся! Я уже начала беспокоиться, – вскрикнула она от радости. Она подошла к ним с протянутыми руками.

Зария сразу же заметила ее сходство с Чаком. Без сомнения, это были мать и сын.

– Все в порядке, мама. – Чак наклонился и поцеловал ее. – А это Зария. Я привез ее с собой, как и обещал тебе!

– Познакомься с моей матерью, милая, – посмотрел он на Зарию и пояснил: – графиней де Чателниф.

Графиня улыбнулась, и Зария подумала, что это одна из самых красивых женщин, которых она когда-либо видела.

Высокая, стройная, с большими серыми глазами на овальном лице, серебристыми волосами, графиня выглядела моложе своих лет.

– Так вот вы какая, Зария, – мягко произнесла она.

– Зария все еще никак не может опомниться от случившегося, – пояснил Чак.

– Легко представить, – ответила его мать. – У меня приготовлены для вас бутерброды и кое-что выпить, хотя, может быть, вы хотите что-нибудь посущественнее?

– Мне кажется, этого достаточно, – ответил Чак.

Графиня провела их в дальний угол комнаты к столику, уставленному изысканными блюдами и разнообразными напитками.

– Я так рада видеть вас здесь, – сказала она Зарии. – Мой сын рассказывал, в компанию каких ужасных людей вы попали. Я весь вечер беспокоилась, не случилось ли с вами чего-нибудь плохого.

– Я... мне казалось, вы больны, – пробормотала Зария, от смущения с трудом подбирая слова.

Чак рассмеялся.

– Должен признаться, мама, я наговорил много всякой лжи, – сказал он. – Мне необходимо было попасть на яхту, ты знаешь, поэтому я вынужден был сказать Зарии, что ты больна, даже, может быть, умираешь. И еще я придумал преступных сводных братьев, которые хотят лишить меня наследства.

– Очень скверно с твоей стороны, дорогой, – произнесла графиня любящим тоном. – Ты же знаешь, я не выношу лжи. Почему ты не сказал Зарии правду?

– Не думаю, что она поверила бы. Более того, сомневаюсь, что в этом случае мы бы с ней подружились.

– Тебе надо поскорее рассказать ей все, – пытаюсь казаться суровой, проговорила графиня. – А потом смой, пожалуйста, эту ужасную краску. Я просто не могу смотреть на тебя в таком виде.

Она улыбнулась и, положив руку на плечо Зарии, произнесла:

– Сейчас я пойду к себе, потому что вам о многом надо рассказать друг другу. Я действительно была больна, и мне надо следить за своим здоровьем. Мой сын расскажет вам все. Но перед уходом мне хочется сказать вам одно: мне всегда хотелось иметь дочь. Надеюсь, теперь я ее обрела.

При этих словах она наклонилась и поцеловала Зарию в щеку. Не успела Зария ответить, как графиня пересекла комнату и исчезла в дверях.

У Зарии навернулись на глаза слезы. Никто никогда не был так добр к ней, так ласков.

Она не могла поверить в то, что все это происходит с ней на самом деле. Наверное, она видит сон. Скоро она проснется – и снова окажется нелюбимой, никому не нужной, снова будет плакать в подушку, как не раз уже случалось прежде.

– Как тебе понравилась моя мать? – спросил Чак, подходя

к ней.

– Она... удивительна, – пробормотала Зария голосом, в котором слышалось рыдание.

– Ты плачешь? – Чак обнял ее. – Плакать не о чем, Зария.

– Есть о чем, – ответила Зария. – Я плачу потому, что слишком счастлива. Это все не может быть правдой. Это только мое воображение.

В ответ Чак налил два бокала шампанского.

– Давай прежде всего выпьем, – сказал он. – Бери бокал.

Зария повиновалась. Он поднял свой.

– За наше будущее! – провозгласил он. – И пусть прошлое забудется поскорее!

Он осушил свой бокал, и Зария последовала его примеру. Затем Чак подвел ее к широкому мягкому дивану рядом с большим окном, выходящим на залитый лунным светом сад.

– Я начну с самого начала? – спросил он. – Вижу, ты изнываешь от любопытства.

– На самом деле нет, – ответила Зария. – Не сейчас. Я слишком счастлива, чтобы думать о чем-то, кроме настоящего.

– Вот это правильно, – ответил он. – Зария, я так люблю тебя! Ты полна неожиданностей, в тебе столько того, что восхищает и привлекает меня. И, однако, ты каждый раз делаешь именно то, что нужно. Поэтому каждое наше мгновение вдвоем совершенно.

– Мне страшно, когда ты так говоришь, – пробормотала

Зария. – Я боюсь, что ты уйдешь и забудешь меня.

– Этого никогда не случится, – ответил Чак. – Ведь я хочу заботиться о тебе, хочу сделать тебя счастливой, чтобы темные тени под твоими глазами исчезли, чтобы с твоего лица пропал этот испуганный взгляд. У меня разрывается сердце, когда я вижу, что твои губы опускаются, а глаза мрачнеют и меркнут, словно ты вспоминаешь что-то ужасное. С твоим кошмаром покончено, Зария. Нас обоих ждет новая жизнь.

Слезы полились по щекам Зарии.

– Я плачу, потому что счастлива, – объяснила она. – Так необыкновенно, безгранично счастлива. Никогда не думала, что любовь может быть такой.

– Это только начало, – Ответил Чак. – Нам с тобой предстоит еще много открытий и много раскопок. – Его губы чуть искривились. – Между прочим, я действительно археолог.

– Неужели? Я так рада, – воскликнула Зария.

– Мы вместе начнем раскопки, – сказал он, – как только поженимся. Ты захочешь провести свой медовый месяц в пустыне?

Зария не отвечала, и он беспокойно спросил:

– Ты же пойдешь за меня замуж?

– Ты действительно этого хочешь? – спросила она.

– Раньше мне не приходила в голову мысль о женитьбе, – ответил он. – И больше никогда не придет. Зария, ты – та женщина, которую я искал.

Внезапно она наклонилась и поцеловала его руку. Он по-

что сердито вырвался и обнял ее.

– Любимая! – воскликнул он. – Не надо унижений. Если бы ты знала, как много даешь мне. Если бы я только мог объяснить тебе, что значит быть любимым ради себя самого.

Она не ответила, потому что его губы завладели ее губами, и огонь пронзил все ее тело.

Наконец он выпустил ее и вложил ей в руку бокал с шампанским.

– Тебе пора ложиться, – сказал он. – Но прежде я должен все объяснить тебе, иначе ты будешь лежать без сна и мучить себя вопросами, ответы на которые ты не знаешь.

– Я не знаю ответа только на один вопрос, – сказала Зария. – Почему ты перекрасил волосы?

– Ты не догадываешься? – спросил он.

Она покачала головой:

– Нет.

– Потому же, почему я носил темные очки, – ответил Чак. – Я боялся, что слишком похож буду на того джентльмена, которого ты знала по имени мистер Вирдон.

– Похож на него! – воскликнула Зария, чуть нахмутив брови. – Но почему? Он твой родственник?

– Он – актер, – рассмеялся Чак. – Очень неглупый молодой актер, который по необъяснимым причинам похож на меня.

– Неужели ты до сих пор не догадалась, любимая? – добавил он, видя ее растерянный взгляд. – Я – Корнелиус Вир-

дон!

Зария недоумевающая смотрела на него.

– Ты, надеюсь, не возражаешь? – Чак взял ее за руку и слегка сжал ее. – Видишь ли, дорогая, я сомневался, что, если не предстану перед тобой бедным и несчастным, ты вряд ли поможешь мне попасть на яхту. Поэтому ты должна простить мне эту ложь. Ведь на самом деле я – «богатый мистер Вирдон».

– Но почему этот человек представлялся тобой? – недоумевала она.

– Именно об этом я и хочу рассказать тебе, – ответил Чак. – Понимаешь, дорогая, Эди Морган – очень дурной человек. По другую сторону Атлантики он хорошо известен как торговец оружием. Ему стало опасно показываться в Южной Америке, и он решил попробовать свой бизнес в Европе.

– Торговец оружием! – воскликнула Зария. – Но где же оно?

– В сундуках мадам Бертин, разумеется, – ответил Чак. – Конечно, это была только первая партия. Установив контакт с шейхом, Эди надеялся постоянно переправлять оружие через Средиземное море. Поэтому, в качестве затравки, он привез с собой три пулемета малого калибра и десять ружей. Они лежали в разобранном состоянии под фальшивым дном сундуков. А сверху были наиболее интересные из нарядов мадам Бертин.

– Чак, как это ужасно! – воскликнула Зария. – Но что будет с мадам Бертин?

– Боюсь, ее тоже ждет тюремное заключение, – ответил Чак. – Но не слишком расстраивайся. Французы всегда очень добры к женщинам. Кейт, например, вообще легко отделается.

При этом имени Зария отвернулась от него, обратив взгляд в сад. Чак пристально всмотрелся в ее лицо с тонким профилем и грустно опущенными губами/

– Надеюсь, ты не ревнуешь? – спросил он, – Я ужасно польщен, но, право, не заслужил этого.

– Мне показалось, она очень понравилась тебе, – упрекнула Зария.

– Знаю, – ответил он. – Я пытался вытянуть из нее ценную информацию, но для этого надо было сыграть на ее тщеславии. Боюсь, я был не очень честен с ней. Но такие, как Кейт, и сами-то не очень мягки с другими, чтобы предполагать хорошее отношение с их стороны.

– Значит, она тебе не нравилась? – спросила Зария.

– Знаешь, что я тебе скажу? – улыбнулся Чак. – Я знал, что в Марселе меня ждет секретарша, и надеялся, что она окажется подходящей для того, чтобы помочь мне. Но с того самого момента, как я оказался у тебя в номере, я понял, что ты – та самая женщина, которую я искал всю свою жизнь.

– Этого не может быть, – ответила Зария. – Тогда я ужасно выглядела.

– Ты показалась мне очень юной и очень трогательной. Заметно было, что жизнь не слишком баловала тебя, – ответил Чак. – Но выглядеть ужасно ты не могла. Неужели ты не понимаешь, как ты красива?

– Это неправда, – пробормотала Зария, покраснев под его взглядом,

– Когда-нибудь я сумею убедить тебя, – мягко сказал он. – А сейчас позволь мне продолжить.

– Но как ты попал в Марсель? – спросила Зария.

– Именно об этом я и собирался рассказать тебе, – начал он. – Я арендовал яхту, потому что не только хотел повидаться с матерью, но и заняться раскопками на юге Алжира. Я все устроил и с багажом выехал из Нью-Йорка. Когда мое такси свернуло в боковую улочку, которая вела в порт, то попало в пробку. В это время в него вошли двое мужчин и сели рядом. Шофер был с ними в заговоре, потому что и не подумал остановиться, когда я позвал на помощь. Они ударили меня резиновой дубинкой по голове.

– Значит, вот откуда у тебя синяки, – догадалась Зария.

– Да, – ответил Чак. – К счастью, я служил в армии и знал, что иногда лучше прикинуться потерявшим сознание, чтобы избежать дальнейших избиений. Поэтому я сполз с сиденья и в падении поранил ухо. Оно начало сильно кровоточить.

Зария вспомнила, какой шрам был на его ухе, когда Чак пришел к ней в номер в Марселе. Если приглядеться, он и сейчас не исчез полностью.

– Ухо сильно кровоточило, – продолжал Чак, – и один из них сказал: «Перестань! Эди приказывал не оставлять следов. Он уже потерял сознание».

К счастью, они больше не били меня, и мне удалось имитировать бессознательное состояние, оставаясь в полном рассудке.

– Они могли убить тебя! – воскликнула Зария.

– Они и пытались, – ответил Чак. – Они сорвали с меня одежду и напялили на меня старый, выдавший виды костюм, который принесли с собой. Потом, выбрав пустынное место, они столкнули меня в реку.

– Они хотели утопить тебя! – в ужасе вскрикнула Зария.

– Да, именно так, – ответил Чак. – Не знаю точно, сколько самоубийц вылавливают каждый год из залива возле Нью-Йорка, сотни, наверное, но я определенно должен был стать одним из них.

– И что было потом? – Зария затаила дыхание.

– Я плыл под водой, пока не удалился на порядочное расстояние, – ответил Чак. – Когда я наконец выплыл, ощущение было не из приятных, казалось, мои легкие вот-вот разорвутся. К этому времени они уже исчезли. Потом мне удалось добраться до дома своего друга – он офицер полиции, – и я выяснил, в чем было дело.

– Почему их не арестовали? – спросила Зария.

– Начать с того, что они уже выехали из страны, – ответил Чак. – А во-вторых, мой друг выяснил массу подробностей.

стей, которые заинтриговали меня. Мне захотелось вылететь в Европу и самому схватить этих головорезов на месте преступления.

– Это же очень опасно, – сказала Зария.

– Именно это и привлекало меня, – улыбнулся Чак. – По словам моего друга, Эди был настоящим преступником, который вел себя так умно, что полиции не удавалось привлечь его к суду по серьезному обвинению. Они знали, чем он занимается, но не могли поймать с поличным. Он не только торговал оружием, но еще и развозил наркотики.

– Так вот откуда у него те сигареты, – поняла Зария.

– О да! Мистер Эди Морган не разбирался в средствах для добывания денег.

– Но они же могли убить тебя за то, что ты знал о них!

– Риск, конечно, был, – улыбнулся Чак. – Но это была одна из их самых крупных операций, поэтому глупо было что-либо предпринимать, пока они не увязнут по самое горло.

– Но почему они вообще вышли на тебя? – спросила Зария.

– Не знаю, но газеты всегда писали обо мне как о чудеке, который любит путешествовать в одиночку. Они знали, что у меня нет лакея. Знали, что я предпринимаю это путешествие в Африку ради раскопок. К сожалению, пресса слишком свободна в освещении информации.

– И они решили сыграть под тебя?

– Да! Видишь ли, им нужна была яхта, а нанять ее без

поручительства невозможно. Избавившись от меня и сделав все, чтобы мое тело осталось неопознанным, они получали доступ к яхте, которая была им необходима для перевозки оружия в Алжир.

– А чем они заманили актера, который должен был представлять тебя?

– Наркотиками, наверное, – кратко пояснил Чак. – Он – довольно глупый человек, который попал в лапы к Эди. За небольшую дозу наркотиков, которые они когда-то дали ему, он должен был платить снова и снова. Как только я увидел его на борту яхты, то сразу узнал. Как-то я видел его в небольшой роли в одном спектакле на Бродвее. Тогда многие заметили наше с ним сходство.

– Но ты покрасил волосы еще до прибытия на яхту. – заметила Зария.

– Мне не хотелось, чтобы Эди или кто другой узнали меня, – объяснил Чак. – Видишь ли, газеты обожают печатать мою фотографию.

– Мне кажется, я никогда не привыкну, если твои волосы изменят цвет.

– Значит, я буду красить их всю жизнь, – улыбнулся он, – но это будет ужасно неудобно, И потом, меня будут обвинять в тщеславии.

Зария рассмеялась.

– Я нашла бутылочку с краской в твоем ящике и не могла понять, зачем она тебе.

– Наверное, ты еще больше растерялась, – сказал Чак. – Бедная ты моя! Я слишком сильно испытывал твоё терпение, но ты все же продолжала доверять мне.

– Иногда мне казалось, что ты и в самом деле совершил что-то дурное, – призналась Зария.

– Неудивительно, – поддержал её Чак. – Но ты же понимаешь, я не мог слишком распространяться с тобой об Эди, Викторе и остальных. Если бы они заподозрили, что ты слишком много знаешь, они, не задумываясь, выбросили бы тебя за борт. Они очень опасные люди. За ними с полдюжины убийств, хотя доказать это невозможно.

Зарию передернуло.

– О Чак! А если бы они узнали, что ты их выслеживаешь?

– Риск был необходим, – сказал он. – Я бы сказал, здесь был двойной риск, потому что и ты была замешана в это.

– Но кто был покупателем? – спросила Зария. – Зачем шейху Ибрахиму ибн Каддору оружие?

– На это легко ответить, – пояснил Чак. – Шейх – один из главарей мятежников, которые доставляют французским властям массу неприятностей. Для них поймать его не менее важно, чем для американской полиции – Эди Моргана. Вот почему я не осмеливался ничего предпринимать, пока не появится шейх. Кстати, его задержали, когда он тем вечером выходил из дома Салема. До этого им не удавалось приблизиться к нему даже на милю.

– Наверное, поэтому Эди Морган так долго был на свобо-

де, – поняла Зария. – В конце концов, оружие в багаже мадам Бертин могли найти сразу, по прибытии яхты.

– Ты права, – согласился Чак. – И именно по этой причине я не мог допустить, чтобы меня арестовали по ложному обвинению Эди. Понимаешь, я вообще не имел дела с полицией. Я общался только с военными. Ты же знаешь, что в таких странах новости распространяются почти мгновенно. Мы не осмеливались посвящать в дело никого лишнего, потому что ибн Каддор мог прознать про это и скрыться в пустыне.

– Они же могли застрелить тебя, когда ты прыгнул с яхты, – упрекнула его Зария.

Чак отрицательно покачал головой.

– Они не слишком меткие стрелки, а я очень хорошо плаваю. Риск был оправдан. Я знал, что основные события намечены на сегодняшнюю ночь, поэтому нельзя было позволить им вывести меня из игры.

– Значит, это представители французских военных властей ждали Эди на яхте?

– Это я посоветовал им спрятаться там, – ответил Чак. – Однако мне не хотелось подвергать опасности твою жизнь. Если начинается стрельба, то обычно первыми убивают невиновных.

– Ты, по-видимому, обо всем подумал, – заметила Зария.

– Ну, мозгов-то у меня хватает, – скромно заметил Чак. – Похоже, меня наградят за это орденом Почетного легиона. Ты будешь гордиться мной?

– Я и без этого горжусь тобой, – ответила Зария. – Очень горжусь.

Он глубоко вздохнул и посмотрел на нее.

– Надеюсь, так будет всегда.

– Я только немного беспокоюсь о мадам Бертин, – сказала Зария. – Она была очень добра и столько времени потратила на меня.

– Она не очень-то законопослушная особа, как выяснилось, – ответил Чак. – Любит швыряться деньгами и вдобавок неисправимый игрок. Именно поэтому она всегда испытывает недостаток в средствах. Она могла бы сделать состояние на своих моделях, но вечно сидит в долгах. Поэтому она и попала в лапы к Эди. За то, что она провезет оружие, он обещал ей не только крупную сумму денег, но и оказать финансовую поддержку ее новому предприятию здесь.

– Несчастливая мадам Бертин! – вздохнула Зария.

– Знаешь, что я сделаю? – успокоил ее Чак. – Я поговорю о ней со своими друзьями. Мы, наверное, сможем доказать, что ее принудил к этому Эди, может быть, угрожая ей пистолетом.

– Да, пожалуйста, пожалуйста, – взмолилась Зария.

– Я сделаю это для тебя, но что ты сделаешь для меня? – сказал Чак.

– А чего ты хочешь? – спросила Зария.

Он притянул ее поближе к себе.

– Я хочу, чтобы ты не только немедленно вышла за меня

замуж – завтра или послезавтра, как можно быстрее, – но и сказала мне кое-что, чего никогда не говорила раньше. Ты понимаешь, о чем я?

– Да... кажется, – краснея, пробормотала Зария. – Но ты же и так знаешь.

– Я хочу услышать это от тебя, – настаивал он. – Я так сильно тебя люблю и так мало знаю о тебе! Фактически, ничего, кроме того, что ты самая очаровательная, самая удивительная женщина в мире.

При этих словах Зария вдруг почувствовала себя виноватой.

– Ах, я только что вспомнила! – воскликнула она.

– Что именно? – поинтересовался он.

– Я совсем забыла об этом, – торопливо объяснила она. – Чак! Моя фамилия не Браун.

Наступила его очередь удивляться.

– Тогда кто же ты? – спросил он.

– Я – Зария Мансфорд, – сказала она. – Возможно, ты слышал о моем отце – профессоре Мансфорде.

– Разумеется, – подтвердил Чак. – Перед тем как уехать из Нью-Йорка, я как раз читал его последнюю книгу. Но зачем этот маскарад? Не говори мне, что ты замешана в какое-нибудь темное дело!

– Нет, нет, – ответила Зария. – Но, понимаешь, я... хозяйка «Колдуньи».

Мгновение Чак недоуменно смотрел на нее, потом засме-

ялся, откинув голову.

– Новая хозяйка! – воскликнул он. – Джим мне о ней рассказывал. Племянница миссис Кардью, которую они никогда не видели и которой очень интересовались.

– С моей стороны это было глупо, – призналась Зария. – Просто я была очень испугана, и Дорис Браун отказалась от работы в последний момент, потому что собралась замуж. Поэтому я поехала вместо нее.

– Мы пошлем ей самый великолепный свадебный подарок, о котором только может мечтать девушка, – сказал Чак. – Если бы не она, мы никогда бы не встретились. Будь благословенна Дорис Браун.

Он поднес руку Зарии к губам и добавил:

– Значит, моя дорогая, ты не бедная сирота без гроша в кармане. Ты – богатая молодая женщина, хозяйка «Колдуньи».

– О Чак, это ничего не меняет. Пожалуйста, не думай об этом, – взмолилась Зария.

– Моя любовь к тебе неизменна, – ответил Чак. – Что бы ты ни сказала, что бы ни сделала, как бы неправы ни казались, ты всегда будешь околдовывать меня. Ты навечно моя милая колдунья. А теперь, дорогая, скажи мне то, что я так хочу услышать.

Мгновение Зария колебалась. Краска залила ей лицо, ресницы вздрогнули, когда она заметила, каким огнем и торжеством светятся его глаза.

– Я люблю... тебя, – прошептала она, когда он заключил ее в свои объятия. – О Чак, я люблю тебя всем своим существом. Невыразимо люблю...